

ВВЕДЕНИЕ

Для национального уголовного законодательства захват заложника – сравнительно новый вид преступления. Данное криминальное явление стремительно развивается, приобретая все более изощренные формы.

Актуальность борьбы с этим преступлением в настоящее время связана, прежде всего, с проблемой совершенствования правового регулирования мер, направленных на пресечение захвата заложника. Статистика свидетельствует об опасных тенденциях распространения захвата заложников, расширения его территориальных и количественных масштабов. Если в конце 80-х гг. прошлого столетия захваты были свойственны в основном для мест лишения свободы, то в последние годы они стали повсеместными. Крайне негативную тенденцию приобретают массовые захваты заложников террористами, сопровождающиеся причинением значительного вреда заложникам при их освобождении.

Проблема борьбы с данным видом преступлений носит комплексный характер, поскольку включает в себя не только установление адекватной ответственности за указанное посягательство, но и решение неизбежно возникающих вопросов уголовно-правовой оценки мер, направленных на освобождение заложников и часто приводящих к причинению вреда общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. Так, в период с 1994 г. по 2009 г. в России совершено более 5 массовых захватов заложников: в Буденновске (1995 г.), где заложниками стали 1820 человек, при освобождении погибли 147 граждан; в Кизляре и Первомайском (1996 г.) было захвачено более 2000 заложников, погибли 50 человек; в Москве (2002 г.) удерживались более 750 заложников и при освобождении погибли 130 человек; в Беслане (2004 г.) преступники захватили более 1200 заложников, погиб 331 человек, из них 186 детей¹. Нападение бандформирований на г. Нальчик в октябре 2005 г. также сопровождалось захватом заложников, в ходе боевого столкновения погибли 47 человек². Однако однозначной правовой оценки действий, причинивших вред интересам, охраняемым уголовным законом, в результате освобождения заложников, официально не прозвучало. Между тем правоохранительные органы испытывают значительные трудности в осуществлении правильной квалификации причинения вреда заложникам, возникшего при их освобождении. Отсутствие четкой правовой регламентации пределов уголовной ответственности за причинение вреда в процессе освобождения заложников требует комплексного изучения уголовно-правовых аспектов их захвата и освобождения.

---

¹ См. об этом: Состояние преступности в России. М., 2008. С. 14; Состояние правопорядка в Российской Федерации и основные результаты деятельности органов внутренних дел и внутренних войск в 2005 году. М., 2006. С. 6.

² См.: Российская газета. 2005. 14, 18 окт.

В монографии впервые на основе анализа законодательства, имеющей правоприменительной практики, существующих точек зрения теоретиков уголовного права, их критического осмысления и собственного видения исследуемой проблемы проведено комплексное изыскание уголовно-правовых аспектов захвата заложников и действий по их освобождению. В работе выдвинуты и обоснованы предложения по совершенствованию уголовно-правовой оценки действий специальных субъектов, направленных на пресечение захвата заложников, а также по совершенствованию норм, регламентирующих правомерность причинения вреда в соответствующих условиях и устанавливающих ответственность за превышение пределов причинения вреда в ситуациях, возникающих при освобождении заложников.

ГЛАВА 1. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКА

§ 1. Объективные и субъективные признаки захвата заложника

Правомерность процесса, направленного на освобождение заложников, непосредственно зависит от квалификации действий, связанных с захватом заложников, которая обусловлена особенностями объективных и субъективных признаков, характеризующих данный состав.

Судебно-следственная практика применения уголовно-правовой нормы «захват заложника» (ст. 206 Уголовного кодекса Российской Федерации)¹ выявила немало сложностей в квалификации названного состава преступления и отграничении его от смежных посягательств. Связано это, прежде всего, с *объективными признаками*: со слабой разработанностью понятия объекта преступления, а также недостаточной определенностью в законе объективной стороны посягательства, что имеет прямое отношение к установлению степени общественной опасности деяния и его последствий.

Среди всех признаков состава преступления объект имеет особое значение, поскольку именно он охраняется законом от посягательства. По этой причине, как правило, квалификация деяния начинается с установления факта причинения вреда тому или иному объекту уголовно-правовой охраны. Кроме того, конкретизация объекта позволяет, в свою очередь, выделить круг общественно опасных деяний, охватываемых признаками составов преступлений, элементом которых является такой объект².

Вместе с тем определение точного содержания объекта преступления осложняется отсутствием единства его понимания в теории уголовного права. Так, с точки зрения одних авторов, приверженцев теории объекта преступления как субъективного права, объект преступления – тот, против кого оно

---

¹ Далее – УК РФ.

² См.: Ляпунов Ю. Дискуссионные проблемы объекта преступлений против собственности // Уголовное право. 2004. № 3. С. 43.

совершается, то есть отдельные лица или какое-то множество лиц, материальные или нематериальные ценности которых, будучи поставленными под уголовно-правовую охрану, подвергаются преступному воздействию, в результате чего этим лицам причиняется вред или создается угроза причинения вреда¹. Другие авторы предлагают согласиться с мнением профессора А. В. Наумова о том, что представляется возможным возвращение к теории объекта как правового блага, созданной еще в конце прошлого века в рамках классической и социологической школ уголовного права².

Данный научный труд не имеет задачу разработки понятия и сущности объекта преступления. Опираясь на методологическую функцию общей теории права, отметим лишь, что в качестве объекта правонарушения не могут выступать различные блага. Они являются объектом правоотношений, то есть правомерных действий с целью удовлетворения потребностей в материальном или духовном благе всех заинтересованных в этом участников отношений, а не одного – правонарушителя. Следовательно, объектом противоправных действий признаются общественные отношения, охраняемые правом³. Не противоречит этому воззрению и традиционная теория школы уголовного права, суть которой заключается в том, что под объектом преступления признаются общественные отношения, охраняемые от преступных посягательств⁴. Признаки содержания такого элемента состава преступления, как объект, – это охраняемость общественных отношений уголовным законом и их типичный характер для данного этапа развития человеческого общества⁵.

При этом в юридической литературе, ввиду того, что данные общественные отношения охраняются именно уголовным законом, существует понятие «объект уголовно-правовой охраны», под которым понимаются «наиболее значимые, поддающиеся правовому воздействию и объективно требующие правовой охраны общественные отношения, способствующие нормальному развитию общества, которым преступлением может быть причинен существенный вред»⁶.

В теории уголовного права выделяются общий, родовой, видовой и непосредственный объекты. Однако в научной литературе встречаются мнения, которые идут вразрез с устоявшейся теорией понимания указанной классификации объекта преступления. Они основаны на том, что в действительности преступление как явление объективной реальности имеет лишь один

---

¹ См. об этом: Уголовное право: Общая часть: учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко и З. А. Незнамова. М., 2000. С. 135; Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методические аспекты. М., 2001. С. 5.

² Цит. по: Курс уголовного права: Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М., 2002. Т. 1. С. 110.

³ См. об этом: Сырых В. М. Теория государства и права: учебник. М., 2002. С. 340; Теория государства и права / под ред. М. Н. Марченко. М., 1999. С. 455; Общая теория права / под ред. М. Н. Марченко. М., 1994. С. 200.

⁴ См.: Уголовное право: Общая часть: учебник / под ред. А. И. Марцева. Омск, 1988. С. 104.

⁵ Там же.

⁶ Марцев А. И., Вишнякова Н. В. Развитие учения об объекте преступления: лекция. Омск, 2002. С. 31.

объект – непосредственный (конкретный) – либо несколько таких, ибо преступное посягательство всегда конкретно и непосредственно¹.

Представляется, что подобные доводы не способствуют точному уяснению сущности непосредственного объекта преступления, так как не позволяют определить место отношений, связанных с общественной безопасностью, в системе уголовно-правовых отношений и детализировать их до уровня относительного предела делимости, означающего переход к следующему, соответственно более низкому уровню организации². Исходя из этого, с целью правильного установления непосредственного объекта захвата заложника необходимо конкретизировать объект уголовно-правовой охраны данного преступления, используя вышеуказанную классификацию объектов по вертикали.

Итак, общим объектом преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ, выступает совокупность общественных отношений в сфере всех социально значимых ценностей, обозначенных ст. 2 УК РФ. При этом приоритетное значение законодатель придает уголовно-правовой охране безопасности личности. По обобщенным данным социологических и социально-психологических исследований, от 60 до 80 % опрошенных россиян отмечают важность проблемы преступности для общества и каждого человека, выражая озабоченность тем, что преступные посягательства осложняют их жизнь. Кроме того, согласно этим исследованиям, у большинства респондентов (56 %) чувство личной безопасности отсутствует³.

Родовой объект преступления охватывает круг однородных или тождественных по своей социально-политической сущности общественных отношений, которые охраняются определенной группой уголовно-правовых норм⁴. Если следовать логике данной классификации по вертикали, то мы увидим, что норма, предусматривающая ответственность за захват заложника, находится в разд. IX УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», и, следовательно, родовым объектом этого посягательства будут общественные отношения в сфере обеспечения общественной безопасности и общественного порядка в широком смысле этих категорий.

Слово «безопасность» в словаре С. И. Ожегова толкуется как положение, при котором не угрожает опасность кому-нибудь или чему-нибудь. Под опасностью понимается возможность, угроза чего-нибудь плохого, какого-нибудь несчастья⁵.

---

¹ См. об этом: *Емельянов В. П.* Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. СПб., 2002. С. 184–185; *Новоселов Г. П.* Указ. соч. С. 22.

² См.: *Зелькина О. С.* Категория «структура» в системе категорий диалектики // *Современные проблемы материалистической диалектики.* М., 1971. С. 166.

³ См.: *Кашепов В. П.* О гарантиях уголовно-правовой защиты безопасности личности // *Журнал российского права.* 2005. № 12. С. 108–110.

⁴ См.: *Тацкий В. Я.* Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988. С. 86–87.

⁵ См.: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / под ред. д-ра филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. М., 1973. С. 47, 451.

Закон Российской Федерации «О безопасности» впервые определил общее содержание термина «безопасность», который трактуется как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». К основным объектам безопасности закон в первую очередь относит личность, ее права и свободы, а также общество, его материальные и духовные ценности¹. Уголовно-правовое понимание общественной безопасности строится на том, что объект охраны здесь носит комплексный характер, то есть включает в себя интересы общества как единого социального организма, в том числе ценности личности, социальных групп и институтов, имущественного блага и т. д.² «Концепция безопасности в российском государстве, – справедливо отмечает В. Б. Рушайло, – должна быть синтезом государственной и общественной безопасности. В итоге безопасность становится универсальной системой взаимной защиты прав и интересов личности, общества и государства. При этом государственная безопасность выступает средством, а общественная безопасность – целью определения и защиты жизненно важных интересов граждан»³.

Что касается «общественного порядка», то в настоящее время этот термин не имеет ни законодательного определения, ни единого доктринального толкования. Например, общественный порядок в широком смысле слова, по мнению К. С. Бельского, означает «социальную благоустроенность, организованность всего общества и охватывает все сферы общественных отношений, регулируемых юридическими и неюридическими нормами. Основу общественного порядка составляет правопорядок: порядок в семье, общине, трудовом коллективе, аппарате государственного управления, в общественных местах, армии, в экономике и финансовом хозяйстве, в сфере природы»⁴. Вместе с тем Н. А. Черемнова, исходя из анализа имеющихся в административно-правовой литературе определений данного термина, справедливо делает вывод о том, что «общественный порядок как объект уголовно-правовой охраны представляет собой систему урегулированных специальными нормами отношений, складывающихся в процессе общения людей, которая имеет цель обеспечить их личную безопасность, защиту законных прав и интересов, сохранность имущества, а также обстановку спокойствия и безопасности в обществе»⁵.

Следует обратить внимание на то, что ни одна из глав, входящих в разд. IX УК РФ, не содержит названия «Общественный порядок». Однако в гл. 24 указанного раздела включены две нормы, непосредственно относящиеся к

---

¹ См.: Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3033.

² См.: *Бабаев М. М., Плешаков В. А.* Криминологическая безопасность в системе национальной безопасности (опыт структурного анализа) // Криминологический журнал. 2005. № 1 (7). С. 6.

³ *Рушайло В. Б.* Административно-правовые режимы: моногр. М., 2000. С. 7.

⁴ *Бельский К. С.* Феноменология административного права. Смоленск, 1995. С. 85.

⁵ *Черемнова Н. А.* Уголовная ответственность за вандализм: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2004. С. 64.

преступлениям против общественного порядка: ст. 213 УК РФ «Хулиганство» и ст. 214 УК РФ «Вандализм». Такой подход В. П. Емельянов оценивает как результат обычной технической недоработки в законотворческой деятельности, а не проявление какой-то непостижимой мудрости¹. По нашему мнению, законодатель поместил эти составы в данную главу в расчете на очевидность того, что понятие «общественная безопасность» включает в себя понятие «общественный порядок».

Таким образом, в широком смысле общественная безопасность представляет собой совокупность нескольких групп общественных отношений, существующих в сфере обеспечения безопасных условий жизни всего общества; общественного порядка, экологической безопасности и экологического правопорядка; здоровья населения и общественной нравственности; безопасности личных, общественных и государственных интересов в процессе обращения с общепасными предметами, использования транспортных средств и компьютерной информации².

Видовой объект преступления, объединяя совокупность родственных и взаимосвязанных общественных отношений, положен в основу деления Особенной части уголовного закона на главы. Уголовно-правовая норма «захват заложника» помещена в гл. 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности». Тем самым законодатель определил, что видовым объектом этого преступного посягательства выступают отношения в области общественной безопасности в узком смысле данной категории. Особенно эти отношения относятся к деяниям, предусмотренным ст. 205–211 и ст. 227 УК РФ, которые условно определяют как преступления первой группы указанной главы³.

По мнению В. Б. Боровикова, особенность таких преступлений состоит в причинении вреда неопределенно широкому кругу общественных отношений (личности, собственности, деятельности органов государственной власти, предприятиям, учреждениям, организациям) и неопределенно большому числу потерпевших (а не законным правам и интересам какого-либо одного члена общества)⁴. Причем от преступлений против личности преступления против общественной безопасности отличаются причинением или угрозой причинения существенного вреда неопределенно большому числу потерпевших⁵.

---

¹ См.: Емельянов В. Есть ли в УК РФ составы преступлений, непосредственно посягающие на общественный порядок? // Законность. 2002. № 12. С. 25.

² См. об этом: Уголовное право России: Особенная часть / под ред. А. И. Рапога. М., 1996. С. 220; Шеслер А. В., Мальков С. М. Преступления против общественной безопасности: учеб. пособие. Красноярск, 2000. С. 5.

³ См.: Расцупкина О. Н. Уголовная ответственность участников организованной группы, совершающих преступления против общественной безопасности: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2004. С. 32.

⁴ См.: Боровиков В. Б. Преступления против общественной безопасности: лекция. М., 1999. С. 3.

⁵ См.: Черемнова Н. А. Указ. соч. С. 69.

Между тем результаты социологических опросов позволяют сделать вывод о том, что граждане России – страны, пережившей беспрецедентные в мировой практике теракты (Дубровка и Беслан), – постепенно привыкают к мысли о повседневности и неизбежности террористических атак в любой точке планеты. Так, по данным ведущей службы изучения общественного мнения «Левада-центр», 79 % россиян опасаются быть «взорванными, отравленными или расстрелянными террористами»¹.

В целом же общественная безопасность в узком смысле слова есть совокупность качественно однородных по содержанию отношений, обеспечивающих безопасные условия жизни каждого члена общества, общественный порядок, безопасность личных, общественных или государственных интересов при производстве различного рода работ и в процессе обращения с общеперильными предметами, охраняемых одним комплексом уголовно-правовых норм (гл. 24 УК РФ)².

Таким образом, содержательно видовой объект захвата заложника включает в себя совокупность общественных отношений, обеспечивающих нормальное функционирование основных общественных и государственных институтов, спокойствие и нормальную жизнедеятельность неопределенно большого количества членов общества.

Непосредственный объект захвата заложника – это более узкая совокупность отношений, обеспечивающих общественную безопасность от возможных посягательств путем совершения конкретных действий, описанных в ст. 206 УК РФ. В диспозиции указанной статьи на угрозу причинения вреда интересам общества и неопределенно широкому кругу лиц указывает специальная цель захвата заложника: понуждение государства, организации или гражданина совершить определенные виновным действия или воздержаться от них.

Например, Т., имея при себе огнестрельное оружие и боеприпасы, скрываясь от преследовавших его сотрудников милиции, ворвался в одну из квартир дома, расположенного на ул. Матросова в г. Красноярске, где захватил в заложники жильцов квартиры. Угрожая взорвать гранату, он потребовал крупную денежную сумму и автомобиль. Во время проведения задержания Т. взорвал гранату, причинив тяжкий вред здоровью бойцу группы захвата³.

Данный пример свидетельствует о том, что деяния, связанные с захватом заложника, одновременно причиняют или создают угрозу причинения вреда нескольким объектам, где наряду с непосредственным объектом всегда присутствуют дополнительные объекты. В указанном случае происходит посягательство как на общественную безопасность, так и на охраняемые уголовным законом интересы, составляющие личную свободу человека, а также ставятся под угрозу жизнь и здоровье многих граждан и их имущественные отношения.

---

¹ Известия. 2005. 25 июля.

² См.: *Расщупкина О. Н.* Указ. соч. С. 51.

³ См.: Архив Красноярского краевого суда за 1995 г. Уголовное дело № 1-552.

Результаты проведенного нами исследования подтверждают, что захват заложников является одним из наиболее общественно опасных деяний. Так, отвечая на вопрос: «Какова, на Ваш взгляд, вероятность того, что Вы можете оказаться в качестве заложника?» 7,7 % опрошенных граждан указали на очень высокую степень вероятности, 53,6 % считают, что она вполне возможна, 10,3 % полагают, что это практически невозможно, и 28,4 % граждан об этом не задумывались.

Захват заложника, террористический акт и другие преступления террористического характера справедливо принято относить к категории многообъектных преступлений¹. Вместе с тем существует мнение ученых, которые утверждают, что единственным объектом здесь выступает общественная безопасность, поскольку без причинения вреда таким благам, как жизнь, здоровье людей, собственность и т. д. не может быть посягательства на общественную безопасность². Более точны, на наш взгляд, сторонники многообъектности данных деяний, так как в результате совершения таких преступлений изначально объектом выступает состояние общественной безопасности, связанное с причинением вреда указанным благам или его угрозой³.

Логика законодательного конструирования уголовно-правовых норм свидетельствует о том, что в составах с несколькими объектами основными выступают те общественные отношения, указание на которые содержится в диспозиции статьи в виде определения предмета преступления⁴. Предметом (объектом) общественного отношения следует считать благо, поскольку именно оно, выступая предметом интереса субъектов, побуждает их вступать в общественные отношения⁵. Вред объекту причиняется путем воздействия на предмет, который является объективно доступным средством для посягательства на благо, так как само благо – нематериальная субстанция⁶. При определении наличия предмета для составов, связанных с незаконным лишением свободы, похищением человека и захватом заложника, небесспорно, но весьма интересно мнение, что предметом указанных составов выступает

---

¹ См. об этом: *Гринберг М. С.* Преступления против общественной безопасности: учеб. пособие. Свердловск, 1974. С. 35–36; *Резепкин О. Ю., Журавлев И. А.* Захват заложника. Уголовно-правовая регламентация проблемы: моногр. М., 2003. С. 49; *Емельянов В. П.* Указ. соч. С. 194–196.

² См. об этом: *Комиссаров В. С.* Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против безопасности общества по новому УК РФ. М., 1997. С. 20; *Дикаев С. Ю.* Общественная безопасность как основной объект уголовно-правовой охраны при терроризме // *Следователь.* 2003. № 7. С. 63.

³ См.: *Долгова А.* Конкретизация понятия терроризма в криминологических и правовых целях // *Уголовное право.* 2003. № 2. С. 102.

⁴ См.: *Векленко В. В.* Установление объекта в квалификации преступлений // *Научный вестник.* 2002. № 1 (15). С. 3.

⁵ См.: *Марцев А. И., Вишнякова Н. В.* Указ. соч. С. 35.

⁶ См.: *Блажнов А. Г.* Незаконное лишение свободы: уголовно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 65.

человек в его исключительно биологическом качестве, представляющий собой живую структуру, образующуюся из кожи, костей, крови, мяса и т. п.¹

Однако благами уголовно-правовой охраны, связанными с захватом заложника, будут личная безопасность, свобода, жизнь и здоровье граждан, а также их имущественные отношения. Например, в результате захвата заложника может быть причинен материальный ущерб, связанный с уничтожением, повреждением какого-либо транспортного средства или жилого помещения, а также строения общественного назначения. Следовательно, объектом преступления в данном составе можно признать человека – индивида – только в качестве дополнительного объекта как элемента совокупности общественных отношений. Непосредственным объектом данного состава преступления служат интересы не самого заложника, а тех, кому выставляются условия и от кого требуется выполнение этих условий, вследствие чего нарушаются безопасные условия жизни неопределенно широкого круга лиц в процессе спокойного социального общения, нормального функционирования государственных и общественных институтов. Таким образом, основным непосредственным объектом захвата заложника является общественная безопасность в узком смысле этого понятия (безопасные условия жизни людей, их деятельности и т. п.), а в качестве дополнительного объекта выступает личная свобода человека. При квалифицированном составе под угрозу ставятся такие дополнительные объекты посягательства, как жизнь и здоровье граждан (ч. 2, 3 ст. 206 УК РФ).

Признание общественной безопасности основным объектом исследуемого состава преступления не умаляет значение личности, а напротив, представляет ее исключительным объектом уголовно-правовой охраны. Именно личности и предназначена общественная безопасность. Будучи личностью, человек может обладать в правовой области лишь статусом потерпевшего². Потерпевшим (заложником) может быть любое лицо, однако в уголовно-правовом смысле выделяются его юридически значимые характеристики – количество (два или более лиц), несовершеннолетний возраст и нахождение женщины в состоянии беременности, – которые являются объектом повышенной уголовно-правовой охраны (ч. 2 ст. 206 УК РФ). Полагаем, что, рассматривая потерпевшего как исключительный объект уголовно-правовой охраны, учитывая их количество, мы значительно повышаем правильный выбор условий правомерности того или иного института обстоятельств, исключающих преступность деяния в действиях по освобождению заложников.

Завершая рассмотрение оценки объективных признаков, связанных с таким элементом состава преступления «захват заложника», как объект, можно

---

¹ См. об этом: *Анциферов К. П.* Ответственность за захват заложника (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 16; *Блажнов А. Г.* Указ. соч. С. 10.

² См.: *Анциферов К. П.* Указ. соч. С. 16.

утверждать, что названное деяние относится к категории многообъектных преступлений, где наряду с основным непосредственным объектом всегда имеются дополнительные объекты посягательства. Для полного анализа конструкции данного состава преступления нам необходимо провести исследование его следующего элемента – объективной стороны, под которой понимается процесс, связанный с посягательством на охраняемые уголовным законом интересы, поскольку «специфика каждого состава преступления находит свое выражение, главным образом, в объективной стороне»¹.

Объективная сторона исследуемого состава преступления выражена общественно опасными активными действиями. Диспозиция ч. 1 ст. 206 УК РФ имеет достаточно сложный характер и предусматривает, во-первых, совершение виновным лицом любого из перечисленных в ней действий, чтобы содеянное по своим объективным характеристикам было расценено как захват заложника, во-вторых, понуждение субъекта, заинтересованного в освобождении заложника, совершить какое-либо действие или воздержаться от него.

Особенность содержания объективной стороны анализируемого состава преступления заключается в том, что она содержит два самостоятельных действия – «захват» и (или) «удержание», совершение каждого из которых достаточно для привлечения к уголовной ответственности.

В русском языке слово «захватить» означает «силой овладеть кем-нибудь либо чем-нибудь», а «удержать» – «сдержав, остановить или заставить остаться»². Лексические значения рассмотренных понятий позволяют нам сделать вывод о том, что эти действия сопряжены с физическим насилием или угрозой такового (психическим). Под насилием в толковом словаре понимается физическое или психическое воздействие одного человека на другого, нарушающее право граждан на личную неприкосновенность (в физическом и духовном смысле)³. В словаре русского языка дается определение «насилия» как применения физической силы к кому-нибудь, принудительного воздействия на кого, что-нибудь, притеснения и беззакония, а «угрозы» как запугивания, обещания причинить кому-нибудь неприятность, зло»⁴, во втором значении – как возможной опасности.

Итак, внешняя сторона захвата заложника, несомненно, связана с активными насильственными физическими действиями, сопряженными с психическим воздействием (угрозой) на пострадавшего, которые можно определить как: 1) захват – противоправное получение контроля над поведением человека, сопровождающееся ограничением его свободы; 2) удержание – противоправное недопущение оставления лицом определенного местонахождения⁵.

---

¹ Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 131.

² Ожегов С. И. Указ. соч. С. 208, 758.

³ См.: Толковый словарь «Бизнес и Право» // СПС «Гарант».

⁴ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 356, 757.

⁵ См.: Осипов В. А. Захват заложника: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 13.

Данные насильственные действия следует рассматривать через призму квалифицирующего признака, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 206 УК РФ. Это позволяет утверждать, что насилие как признак основного состава преступления (ч. 1 ст. 206 УК РФ) является не опасным для жизни и здоровья и связано, согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»¹, с причинением потерпевшему физической боли либо ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.). То есть объективная сторона захвата заложника по части первой сопровождается насилием, образующим симбиоз физического и психического воздействия на потерпевшего, которое сопоставимо с наступлением последствий, указанных в ст. 116, 117 УК РФ. При этом дополнительной квалификации по названным статьям не требуется, так как данный состав полностью включает в себя насилие, не опасное для жизни и здоровья заложника. Кроме того, наличие насильственной угрозы убийством или телесным повреждением в объективной стороне захвата заложников по международному праву имеет обязательное значение².

Примером могут служить общеизвестные акции террористов, связанные с массовым захватом заложников в Московском театральном центре на ул. Мельникова и средней школе г. Беслана, где под угрозой причинения смерти сотни людей трое суток удерживались в ограниченном пространстве заминированного помещения, в условиях грубого нарушения санитарии, при острой нужде в воде, пище, лекарствах для больных хроническими заболеваниями и т. д. По данным, полученным от медработников, у многих заложников в Московском театральном центре, пока их удерживали, развился так называемый «синдром Паркентеля», то есть их кровообращение приспособилось к тому, что они находились в неподвижном состоянии, выведение из которого вызывало у них шок³. Подобные последствия в соответствии с п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ могут быть учтены судом при назначении наказания в качестве отягчающего обстоятельства.

Вместе с тем следует отметить, что уяснение содержания насилия, не опасного для жизни и здоровья заложника, предусмотренного в ч. 1 ст. 206 УК РФ, на практике вызывает определенную сложность⁴. В связи с этим представляется возможным дать понятие *насилия* применительно к основному составу захвата заложника в следующей редакции: *физическое и психическое воздействие на заложника, совершенное действиями, направленными на причинение ему побоев, физической боли, психических страданий и подавление его воли к сопротивлению, под запретом его свободного передвижения.*

---

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ (далее – БВС РФ). 2003. № 2. С. 5.

² См.: Международная Конвенция о борьбе с захватом заложников // Государство и право. 1995. № 4. С. 43.

³ См.: Труд-7. 2002. 30 окт.

⁴ См.: Резепкин О. Ю., Журавлев И. А. Указ. соч. С. 54.

Объективная сторона деяния, предусмотренного ст. 206 УК РФ, выражается структурой криминального поведения, которое условно можно поделить на два этапа. На первом этапе посягательства пострадавшим становится непосредственно заложник. Его захват и удержание (элемент объективной стороны рассматриваемого состава преступления) подчинены еще одному, не менее важному, действию второго этапа деяния – предъявлению требований, направленных в адрес государства, организации или гражданина, совершить какие-либо действия или воздержаться от их совершения. На этом этапе, связанном с захватом заложника, выступает следующий пострадавший – третья сторона, к которой предъявляются требования, хотя в целом страдают нормальные условия жизнедеятельности большого количества людей. Следовательно, данный состав можно отнести к составному преступлению, поскольку он включает в себя несколько действий, каждое из которых обеспечивает осуществление другого и, взятое само по себе, может образовать самостоятельное преступление. В совокупности эти действия образуют единое преступление, так как они совершаются одним и тем же субъектом, направлены к единой цели и посягают на одну группу общественных отношений¹.

Заметим, что, как правило, «предъявление требований» не рассматривается большинством ученых-правоведов в качестве признака объективной стороны данного преступления. Его относят исключительно к субъективному критерию, характеризуя тем самым цель захвата заложника.

По международному праву, наряду с собственно захватом лица в качестве заложника либо его удержанием в таком качестве, необходимо установить выдвижение требований к международной организации, государству, юридическому или физическому лицу как условие освобождения заложника. «Наличие подобного требования, – по мнению Р. Оганян, – во многом отличает захват заложника от такого общеуголовного преступления, как похищение человека»².

Учитывая конвенционный характер появления исследуемого состава преступления в российском уголовном праве, а также то, что в составе захвата заложника реализация целей лишь объективируется вовне путем реальных действий (предъявления конкретных требований, понуждения к их выполнению), можно сделать вывод о том, что цель в преступлениях с проявлениями терроризма не может быть достигнута без выполнения реальных действий, направленных на ее реализацию³.

Однако это не означает, что сами действия и есть цель. Объективную сторону захвата заложника нельзя представить без субъективного критерия (воли субъекта преступления), поскольку субъективная сторона, собственно, и

---

¹ См.: Анциферов К. П. Указ. соч. С. 16.

² Оганян Р. Ответственность за захват заложников по международному уголовному праву // Российская юстиция. 2002. № 5. С. 45–46.

³ См.: Емельянов В. Особенности объективной стороны терроризма // Законность. 2000. № 12. С. 45–46.

порождает объективную сторону преступления¹. «Будущая объективная сторона преступления, – отмечает В. Н. Кудрявцев, – в идеальной форме складывается в сознании лица и затем в той или иной мере осуществляется в действительности. Выбор преступником объекта посягательства, времени, места совершения преступления и средств к достижению преступной цели определяет и объективную сторону его поведения. Объективная сторона служит практическим осуществлением преступных намерений субъекта»². По нашему мнению, захват заложников следует относить именно к таким преступлениям.

Исходя из вышесказанного, мы признаем необходимость рассматривать содержание объективной стороны данного деяния как совокупность физических действий (физического насилия) в отношении заложника и психического давления на третьих лиц, выраженного в информационной форме. Так, В. Емельянов обоснованно относит преступления с элементами терроризирования к преступлениям, для которых характерно сочетание физических и информационных действий³. В их структуре насилие играет сугубо информационную роль и представляет особую форму угрозы. «Информационные действия заключаются в поведении, которое направлено на передачу информации другим лицам и выражается в словесной форме, а также в форме различных действий, несущих информацию: смысловых жестов и выразительных движений»⁴.

Названные действия идеально присущи и для захвата заложника, где наряду с использованием физической силы выделяется информационное действие в форме требования, которое представляет собой угрозу, направленную на понуждение к каким-то действиям на фоне созданной посредством насилия обстановки страха (опасности). «Угроза причинения вреда, – указывает В. Лукьянов, – является признаком объективной стороны, связующим звеном между деянием и причинением вреда, единственным непосредственным результатом посягательства. Все, что происходит с момента создания угрозы, уже не зависит от воли лица, ее создавшего, а определяется теми обстоятельствами, в которых проявляют себя неконтролируемые вредоносные силы»⁵. По данным исследований, подобный вид насилия был использован в 89,7 % случаев при захвате человека и в 98,9 % при его удержании⁶.

Выступая одним из обязательных признаков объективной стороны захвата заложника, угроза может быть самостоятельным составом преступления со своими объективными и субъективными признаками, предусмотренным ст. 119 УК РФ «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью».

---

¹ См.: Тимейко Г. В. Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов н/Д, 1977. С. 11.

² Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 12–14.

³ См.: Емельянов В. Разграничение терроризма и посягательств с элементами терроризирования // Российская юстиция. 2001. № 4. С. 50.

⁴ Там же. С. 46.

⁵ Лукьянов В. Угроза причинения вреда как последствие противоправного деяния // Российская юстиция. 2001. № 1. С. 67.

⁶ См.: Адельханян Р. А. Расследование похищения человека. М., 2001. С. 41.

В данном преступлении вред, причиняемый угрозой конкретной личности, состоит в создании для потерпевшего тревожной обстановки, страха за собственную жизнь и здоровье или за своих близких, что иногда вынуждает жертву к определенным действиям¹.

Нередко это обстоятельство вызывает сложности при квалификации общественно опасного посягательства. Так, 27 апреля 2002 г. в Омске 28-летний гражданин, находясь в состоянии алкогольного опьянения, избил свою супругу, которая сообщила об этом в милицию. Поняв, что придется иметь дело с сотрудниками милиции, виновный в комнате своей квартиры стал прикрываться трехлетним сыном, приставив к его горлу острое ножа. Прибывший на место преступления начальник Октябрьского УВД вступил с угрожавшим лицом в переговоры. В результате виновный добровольно отдал переговорщику три ножа и позволил забрать ребенка. Правонарушителю была инкриминирована угроза убийством².

В подобных случаях посягательство в виде угрозы происходит только на личность пострадавшего, не затрагивая другие объекты уголовно-правовой охраны, в то время как при захвате заложника угроза является одним из способов совершения преступления, и ст. 119 УК РФ не применяется. Здесь действует правило конкуренции части и целого, то есть если содеянное в целом предусмотрено одной статьей Кодекса, а отдельные его части (здесь – способ) – другой, то применяется статья, с наибольшей полнотой охватывающая содеянное³.

Кроме того, обращает на себя внимание то, что законодатель в диспозиции рассматриваемой уголовно-правовой нормы закрепляет действия «захват» или «удержание» как самостоятельные, не связанные друг с другом. Однако в большинстве случаев удержание представляет собой продолжение процесса захвата заложников. Следует согласиться с М. Ю. Павликом, определяющим захват как «незаконное насильственное ограничение свободы передвижения человека», а удержание как «незаконное насильственное воспрепятствование в оставлении лицом определенного места нахождения»⁴. При этом первое определение (захват) полностью поглощает второе (удержание) и соотносится с ним как целое и часть⁵. Это подтверждает и название самой ст. 206 УК РФ: «Захват заложника», а не «Захват и удержание заложника».

Вместе с тем, по нашему мнению, практически невозможно удерживать человека без предварительного силового овладения им в результате захвата

---

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2004. С. 138.

² См.: Труд-7. 2002. 1 мая.

³ См.: Курс уголовного права: Особенная часть / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002. Т. 3. С. 107.

⁴ Павлик М. Ю. Актуальные проблемы захвата заложника: уголовно-правовой и криминологический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. С. 144.

⁵ См.: Блажнов А. Г. Указ. соч. С. 120.

или нападения. Следует отметить, что в словаре С. И. Ожегова одно из значений слова «напасть» – «внезапно овладеть кем-нибудь»¹, а нападение трактуется как «быстрое, стремительное действие, предпринятое с целью захвата, нанесение урона, ущерба и т. п.»². Считаем, что точное определение понятия нападения дает В. В. Векленко: «Нападение – это внезапное активное психическое либо явное или скрытое физическое воздействие на потерпевшего или других лиц, направленное на исключение противодействия посягающему»³. Определение по смыслу очень близко с понятием «захват», поэтому удержание заложника без его захвата возможно только за редким исключением, то есть в случае добровольного решения представителя власти или иного лица стать таковым (с условием освободить людей, захваченных ранее) либо экипажа воздушного транспорта. Например, 13–14 октября 2005 г. во время нападения боевиков-экстремистов на г. Нальчик четверо нападавших были блокированы в 3-м горрайотделе милиции, удерживая при этом заложников. В ходе переговоров они обменяли заложников на сотрудников милиции, преступникам был предоставлен микроавтобус для выезда из города. Во время движения правоохранительным органам удалось провести специальную операцию по освобождению заложников, в результате которой захватчики были убиты, а заложники получили ранения различной степени тяжести⁴. В другом случае заложниками добровольно стали летчики военного вертолета. Эти события связаны с захватом 23–27 декабря 1993 г. в Ростове-на-Дону учительницы и 12 школьников, когда террористы потребовали предоставить им вертолет с экипажем и 10 млн дол. США⁵.

В этом контексте более точная трактовка давалась в Федеральном законе от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом»⁶: «Заложник – физическое лицо, захваченное и (или) удерживаемое в целях понуждения государства, организации или отдельных лиц совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения удерживаемого лица». Учитывая вышеизложенное, нам представляется правильным в тексте ч. 1 ст. 206 УК РФ установить связь понятий «захват», «удержание» с помощью союза «и (или)», представив в следующем виде: «захват и (или) удержание».

Для полного уяснения конструкции объективной стороны данного состава преступления также необходимо определить, к каким составам – материальным или формальным – относят захват заложника. Как уже было отмечено, каждый акт захвата заложника характеризуется многообъектностью

---

¹ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 352.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1958. Т. 2. С. 519.

³ Векленко В. В. Квалификация хищений: моногр. Омск, 2001. С. 104.

⁴ См. об этом: Российская газета. 2005. 14 окт.; Спец. расследование «Нальчик. Нападение на рассвете» // Телепрограмма первого канала. 2005. 31 окт.

⁵ См.: Ныриков С. А., Голубев В. П., Назаркин М. В., Гучетль С. В. Указ. соч. - С. 34.

⁶ См.: Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1998. № 31. Ст. 3808.

посягательства, где кроме причинения вреда общественной безопасности совершаются насильственные действия, направленные: а) на лишение человека свободы; б) угрозу жизни и здоровью заложнику. Следовательно, посягательство здесь имеет две стороны – реальное наступление вреда и реальную опасность наступления большего вреда. Подобными признаками объективной стороны обладают и другие составы преступлений против общественной безопасности, где для наличия состава преступления требуется не только действие, но и создание угрозы наступления общественно опасных последствий. Тимейко Г. В. предлагает называть такие составы составами опасности, а соответствующие преступления – деликтами (преступлениями) опасности¹. В этих составах опасность выступает как специфическое последствие, поэтому захват заложника, наряду с террористическим актом, не следует считать ни материальным, ни формальным составом, а отнести его к преступлениям поставления в опасность². Именно факт порождения опасности в данном составе дает основание правоведам рассуждать таким образом³.

Приведенную позицию мы не разделяем, так как в основном составе захвата заложника не говорится об обязательном наступлении каких-либо последствий в виде реально причиненного вреда. Состав преступления, связанный с захватом заложника, носит формальный характер, а само деяние должно считаться оконченным в момент совершения всех действий, перечисленных в ч. 1 ст. 206 УК РФ⁴. Это означает, что потерпевший фактически лишен возможности передвигаться по своему желанию и преступник предъявил требования соответствующему адресату.

Однако наша точка зрения не является общепринятой, поскольку существуют мнения, что для признания захвата заложника оконченным не имеет значения, выдвигались ли требования к адресату требований, так как эти действия совершаются «в целях понуждения»⁵. Сторонники такого взгляда упускают тот факт, что захват заложника – это преступление с формальным составом, где координация цели и результата отсутствует. «Цель состоит в выполнении самого посягательства, которое может повлечь за собой какие-либо последствия, но субъективно не прогнозируемые и находящиеся в рассогласованности с самой целью преступления»⁶.

---

¹ См.: Тимейко Г. В. Указ. соч. С. 9.

² Такой точки зрения придерживаются В. С. Комиссаров и В. В. Мальцев. См. об этом: Комиссаров В. С. Указ. соч. С. 79; Мальцев В. В. Проблема уголовно-правовой оценки общественно опасных последствий. Саратов, 1987. С. 95–97.

³ См.: Овчинникова Г. В., Павлик М. Ю., Коршунова О. Н. Захват заложника: уголовно-правовые, криминологические и криминалистические проблемы. СПб., 2001. С. 47.

⁴ См.: Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Марцева. Омск, 2000. С. 275.

⁵ См.: Козлова Н. Н. Уголовная ответственность за захват заложника: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 12.

⁶ Марцев А. И. Диалектика и вопросы теории уголовного права // Избранные труды. Омск, 2005. С. 126.

О неоднозначности в определении момента окончания исследуемого состава преступления говорят и результаты опроса сотрудников правоохранительных органов. Так, на вопрос: «В какой момент, по Вашему мнению, состав преступления «захват заложника», предусмотренный ст. 206 УК РФ, следует считать оконченным?» 45,4 % ответили, что в момент фактического захвата и (или) удержания заложника, а большинство – 54,6 % – в момент фактического захвата (удержания) заложника и предъявления требований к государству, организациям и т. п. Итак, до начала совершения всех названных действий предшествовавшая деятельность, направленная на захват заложника, является приготовлением к преступлению, а с момента захвата и (или) удержания до момента объявления требования представляет собой покушение на это преступление или может квалифицироваться как незаконное лишение свободы.

Определение юридического момента окончания захвата заложника помогает решить проблему установления фактического момента окончания данного преступления. Ведь удержание заложника может быть кратковременным или длительным, следовательно, и момент фактического окончания преступления может быть весьма отдаленным по времени. Об этом свидетельствует и анализ ситуаций, связанных с захватом заложников в России, который показывает, что противостояние виновных лиц и правоохранительных органов до освобождения пострадавших может длиться от нескольких часов (как правило, при совершении преступления с общеуголовной целью) и до шести суток, когда захват преследует политические (террористические) цели. Согласно изученным уголовным делам и материалам установлено, что 63 % заложников удерживались 1–6 часов, 13,6 % – менее часа, 23,4 % – более 6 часов¹. Так, 14 октября 1995 г. на Васильевском спуске в Москве вооруженный преступник захватил автобус с южнокорейскими туристами. В течение 10 часов террорист требовал 10 млн дол. США, оружие, машину и самолет. В ходе штурма автобуса террорист был убит, заложники не пострадали². В том же году террористы в количестве более 90 человек во главе с Басаевым в течение шести суток (14–20 июня) удерживали жителей г. Буденовска³. В то же время мировой практике известно удержание заложников в течение четырех месяцев (с 17 декабря 1996 г. до 22 апреля 1997 г.), когда 14 террористов из движения Тупаку Амару захватили здание японского посольства в перуанском г. Лиме, где находились более 80 человек⁴, а также продолжительностью более года (с 4 ноября 1979 г. до 20 января 1981 г.)⁵.

---

¹ См.: *Ахметшин Р., Гафурова Э.* Момент окончания длящегося преступления (на примере захвата заложников) // Уголовное право. 2007. № 2. С. 11.

² См.: *Ныриков С. А., Голубев В. П., Назаркин М. В., Гучетль С. В.* Указ. соч. С. 34.

³ Российская газета. 1995. 20 июня.

⁴ Известия. 1998. 10 февр.

⁵ Члены Организации мусульманских студентов Ирана захватили посольство США в Тегеране и 444 дня удерживали в заложниках более 70 его сотрудников с требованием вернуть Ирану

Промежуток времени удержания заложника между этими двумя моментами характеризует захват заложника как длящееся преступление с формальным составом¹. Однако практика пока не выработала четких критериев длящегося преступления, с которыми может быть связан момент их окончания². Исходя из этого, следует опираться на критерии данные в разъяснении Пленума Верховного суда СССР от 4 марта 1929 г. (в ред. постановления от 14 марта 1963 г.) «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям», согласно которому «длящееся преступление можно определить как действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования. Длящееся преступление начинается с момента совершения преступного действия (бездействия) и кончается вследствие действия самого виновного, направленного к прекращению преступления, или наступления событий, препятствующих совершению преступления (например, вмешательство органов власти и др.)»³.

Таким образом, формально-юридически захват заложника следует считать оконченным с момента выполнения виновным лицом объективной стороны данного преступления, а моментом фактического окончания преступного действия будет задержание или обезвреживание виновного либо освобождение заложника, то есть прекращение деяния. При этом необходимо уточнить, что является фактическим моментом окончания данного преступного посягательства – освобождение заложника или задержание виновного. Проведенное анкетирование показало, что 60,8 % сотрудников правоохранительных органов придерживаются мнения о том, что этим моментом будет фактическое освобождение заложника, 33,6 % указали на задержание виновных и заключение их под стражу, 5,6 % затруднились с ответом. Наша точка зрения согласуется с мнением большинства, так как главным здесь выступает забота о заложнике, жизнь и здоровье которого подвергаются опасности.

Вместе с тем важно отметить, что с определением захвата заложника как длящегося преступления, подчеркивается основание данного посягательства для действий по освобождению заложников, связанных с возможностью причинения правомерного вреда охраняемым уголовным законом интересам, то есть его наличность, и, следовательно, правомочность применения нормы об обстоятельствах, исключающих преступность деяния.

богатства, вывезенные шахом, и размораживание авуаров Ирана и США // Эхо планеты. 2002. № 45. С. 4–5.

¹ См. об этом: *Журавлев И. А.* Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с захватом заложников: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 10; Уголовное право: Особенная часть: учебник / под ред. А. И. Марцева. С. 275; *Черненко Т. Г.* Длящиеся преступления // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2002. С. 13.

² См.: *Ахметшин Р., Гафурова Э.* Указ. соч. С. 10.

³ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / сост. С. Г. Ласточкина, Н. Н. Хохлова. М., 2004. С. 101.

Обращаясь к факультативным признакам объективной стороны анализируемого состава преступления, необходимо указать, что время и место, как правило, не влияют на квалификацию деяния и связаны с видом умысла (заранее обдуманном или внезапно возникшим), который более детально будет рассмотрен при исследовании субъективной стороны.

Преступления с заранее обдуманным умыслом (например, связанным с террористическим актом) чаще всего совершаются днем, поскольку проще связаться с теми, к кому будут обращены требования. Совершение захвата заложников во время массовых мероприятий может свидетельствовать о его повышенной общественной опасности, и это должно учитываться при назначении наказания.

Место в данном случае напрямую связано со временем, то есть деяние совершается во время нахождения на рабочем месте предполагаемого объекта захвата в учреждении, офисе, транспортном средстве или детей во время уроков в школе, детском саду и т. д. При этом место (школа, детский сад, где находятся малолетние, а также лечебные учреждения с беспомощными, беззащитными лицами) также может быть учтено в качестве обстоятельства, отягчающего наказание.

Место и время захвата заложника (-ов) при внезапно возникшем умысле обычно зависят от совершения предшествующего противоправного деяния, так как виновный, будучи застигнутым правоохранительными органами на месте преступления, захватывает заложников только для того, чтобы уйти от ответственности, поэтому действует сообразно сложившейся обстановке. Так, 5 апреля 2002 г. в германском городке Врештадт, во время пресечения немецкой полицией ограбления филиала сберегательной кассы, грабители взяли в заложники двух женщин-кассиров. Полицейские не стали рисковать жизнью заложников и выполнили все требования виновных, предоставив им транспорт и позволив пересечь германо-польскую границу. На территории Польши, во время дозаправки автомобиля, одной из заложниц удалось самой освободиться, а захватчики, сопровождаемые немецкими и польскими полицейскими, выехали на территорию Украины, где были блокированы украинским специальным подразделением милиции. В результате переговоров преступники освободили вторую заложницу, после чего сами сдались правоохранительным органам¹.

Способ захвата и удержания заложника при его захвате может быть тайным или открытым, с применением физического или психического насилия. Захват заложника, сопряженный с насилием, опасным для жизни и здоровья, является обязательным особо отягчающим обстоятельством (признаком) данного преступления.

Вместе указанные факультативные признаки объективной стороны исследуемого состава преступления, как правило, не влияют на квалификацию деяния, однако позволяют более четко определить объективные признаки состава

---

¹ См.: Чернов А. Галопом по Европам // Российская газета. 2002. 6 апр.

захвата заложника и его правовые последствия, имеющие решающее значение для определения общих условий правомерности действий по освобождению заложников. Так, место и время совершения захвата заложников может свидетельствовать о повышенной степени общественной опасности преступления (общественный транспорт, производственные и социальные объекты, массовые мероприятия), что очень повышает уровень риска причинения вреда заложникам при их освобождении, а орудия совершения данного преступления (боевое оружие или взрывные устройства) определяют его общеопасный способ и тем самым создают обстановку чрезвычайного обстоятельства, где правомерные действия по пресечению захвата заложников могут охватываться условиями нескольких обстоятельств, предусмотренных гл. 8 УК РФ.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что состав «захват заложника» – преступление со сложной объективной стороной, которая характеризуется двумя этапами поведения преступника: первый этап – захват и (или) удержание заложника; второй этап – подчинение физических действий необходимому для данного состава преступления информационному (психическому) воздействию – требованию к «третьей стороне» совершить какие-либо действия или отказаться от их совершения. Перечисленным этапам присуща внутренняя, взаимная связь, где каждое действие, взятое в отдельности, самостоятельного значения не имеет, все они направлены на достижение основной цели захвата заложника – понудить субъект требований к принятию определенных решений, выгодных для виновного лица. Причем изначально данное деяние посягает не только на общественную безопасность, но и на личную свободу человека (заложника), а также на жизнь и здоровье других людей.

Исследование *субъективных признаков* захвата заложника нужно начать с характеристики субъекта преступления, так как уголовная ответственность возможна только при наличии лица, совершившего преступление. Так, Я. М. Брайнин отмечает, что «деяние и вина слиты с личностью субъекта и только через него получают свое существование во внешнем мире; следовательно, личность субъекта неотъемлема от состава преступления в целом»¹.

В отличие от прежней уголовно-правовой нормы (ст. 126¹ УК РСФСР с 1987 г. по 1992 г.), где субъектами назывались только граждане своего государства, согласно ст. 11–13 УК РФ таковыми могут быть граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства. Установленный национальным уголовным законодательством принцип универсальной юрисдикции способствует координации действий многих государств в борьбе с преступностью. Борьба с захватом заложников предусмотрена международной конвенцией, по которой государства-участники обязались пресекать это деяние независимо от места совершения и гражданства преступника.

---

¹ Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 219.

Несмотря на то, что в законе отвергается уголовная ответственность юридических лиц, акты терроризма, в том числе направленные на захват заложников, нередко совершаются организациями, партиями. Таким образом, это обстоятельство не получает должной юридической оценки по российскому уголовному законодательству. Между тем многие авторитетные отечественные правоведы считают необходимым введение законодателем института уголовной ответственности для юридических лиц¹. При этом российскому законодательству потребуется значительная перестройка всей системы уголовного права, так как корпоративная уголовная ответственность противоречит принципу личной виновной ответственности². Ученые, предлагающие переустроить действующее уголовное законодательство, считают, что основанием уголовной ответственности и наказания юридического лица выступает корпоративное преступление. В частности, Е. Ю. Антонова, исследуя данные проблемы, указывает: «Под преступлением, совершенным юридическим лицом, будет признаваться общественно опасное деяние, совершенное от имени или в интересах юридического лица лицом или лицами, которые контролируют осуществление последним его прав и обязанностей»³.

Обращаясь к международному опыту, следует отметить, что в англо-американской системе права и некоторых других странах Европы допускается уголовная ответственность юридических лиц, однако практика названного правового института в этих странах свидетельствует об определенных трудностях в его применении. Главную проблему юридической конструкции данной ответственности, связанную с субъективной стороной деяния, здесь принято решать через обусловленность таких обстоятельств, как деяние должно совершаться в пользу юридического лица его руководителем или представителем⁴. По этой причине не исключается правомерная постановка вопроса о проведении необходимых исследований по изучению проблемы уголовной ответственности юридических лиц в современных условиях борьбы с преступностью⁵. Тем более, законодатель разработал механизмы ликвидации организаций, затрагивающих безопасность и основы конституционного строя

---

¹ См. об этом: *Волженкин Б. В.* Уголовная ответственность юридических лиц: Сер. «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе». СПб., 1998. С. 11; *Наумов А. В.* Предприятие на скамье подсудимых // Советская юстиция. 1992. № 17–18. С. 3; *Келина С. Г.* Ответственность юридических лиц в проекте нового УК РФ // Уголовное право: новые идеи. М., 1994. С. 50–60; *Никифоров А. С.* Юридическое лицо как субъект преступления // Уголовное право. 2000. № 2. С. 50–55; *Марцев А. И.* Состав преступления: структура и виды // Уголовное право. 2005. № 2. С. 49.

² См.: *Кравец Ю. П.* Об уголовной ответственности юридических лиц за преступления в сфере предпринимательской деятельности // Журнал российского права. 2004. № 6. С. 41.

³ *Антонова Е. Ю.* Юридическое лицо как субъект преступления: опыт зарубежных стран и перспективы применения в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 1998. С. 18.

⁴ См.: *Додонов В.* Ответственность юридических лиц в современном уголовном праве // Законность. 2006. № 4. С. 57.

⁵ См. об этом: *Павлов В. Г.* Субъект преступления и уголовная ответственность. СПб., 2000. С. 10; *Оганян Р. Э.* Ответственность за терроризм в уголовном праве России: лекция. М., 2002. С. 12.

государства (ст. 6, 7, 9 ФЗ РФ «О противодействии экстремистской деятельности», ст. 24 ФЗ РФ «О противодействии терроризму»). Существует и правоприменительная практика, касающаяся этого вопроса. Так, Верховный Суд РФ своим решением от 14 февраля 2003 г. признал террористическими 15 организаций и запретил их деятельность на территории России¹. Как известно, некоторые из них, несмотря на запрет, продолжают функционировать. Например, ячейки организации «Хизбут-Тахрираль-Ислами» готовят своих слушателей к участию в деятельности террористической организации². Пока же субъектами захвата заложника, как и любого другого состава, традиционно для российского уголовного права могут быть только физические лица. Поэтому вопрос правовой оценки действий организаций – создание и руководство их деятельностью – следует квалифицировать по совокупности ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества» и ст. 282² УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации». Настоящие уголовно-правовые нормы направлены, соответственно, на защиту отношений, обеспечивающих общественную безопасность, и общественные отношения, обеспечивающие интересы правосудия, которым наносится вред в результате функционирования запрещенных в судебном порядке организаций. При этом действия руководителей по склонению, вербовке или иному вовлечению лица в совершение преступлений, предусмотренных ст. 205, 206, 208 УК РФ и других, вооружение или подготовка указанных преступлений, а равно финансирование терроризма охватываются ст. 205¹ УК РФ³.

Следующий обязательный признак любого субъекта преступления, без которого лицо не может быть привлечено к ответственности, – вменяемость. Вменяемость является начальным звеном в цепи «вменяемость – вина – уголовная ответственность»⁴. Кроме того, «вменяемость должна не только предшествовать виновному поведению, но и присутствовать в момент совершения противоправного деяния, то есть вменяемость выступает и предпосылкой, и обязательным условием виновной ответственности»⁵.

Лицо, совершающее захват заложника, как правило, находится во вменяемом состоянии, так как выполнение всех объективных признаков данного деяния требует от него расчета в принятии решения на захват постороннего человека, выборе определенного варианта поведения в зависимости от складывающейся обстановки и времени, а также настойчивости по выполнению

---

¹ См.: Залужный А. Г. Организации, деятельность которых запрещена на территории Российской Федерации // Преступность в России начала XXI века и реагирование на нее / под ред. проф. А. И. Долговой. М., 2004. С. 110–114.

² См.: Бурковская В. Законодательство, направленное на борьбу с экстремизмом: проблемы становления и правоприменительной практики // Уголовное право. 2005. № 1. С. 105.

³ См.: Бурковская В. Указ. соч. С. 105.

⁴ См.: Орлов В. С. Субъект преступления. М., 1958. С. 27.

⁵ См.: Векленко С. В. Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве. Омск, 2002. С. 80.

своих требований, что практически невозможно без более или менее развитых интеллектуальных и волевых способностей.

Безусловно, нельзя исключать случаи захвата заложника лицом невменяемым или с «пограничной»¹ вменяемостью, имеющим временное расстройство душевной деятельности, например, наркоманом в состоянии эйфории (наркотического опьянения) или в период его абстиненции (наркотического голода). Эти лица, хотя и отдают себе отчет в своих действиях, но не могут ими руководить. Так, в результате исследования, проведенного К. П. Анциферовым, было установлено, что доля лиц с психическими аномалиями, совершивших захват заложника, составила 24 %. Только в 6 % случаев виновные совершили данное деяние в состоянии алкогольного опьянения. Однако нередко преступники требуют и употребляют алкоголь и наркотики во время удержания заложников². Для сравнения отметим, что, по данным ФБР США, 52 % лиц, захватывавших заложников, имели те или иные психические отклонения³.

В соответствии со ст. 22 УК РФ психическое расстройство лица, не исключающее вменяемости, не препятствует следствию и суду устанавливать его виновность, которая является и может служить условием для наступления уголовной ответственности. В этом случае согласно ст. 196 УПК РФ обязательно назначается проведение судебно-психиатрической экспертизы.

Важным и необходимым признаком субъекта преступления является возраст вменяемого лица, совершившего общественно опасное деяние. Законодатель установил уголовную ответственность за захват заложника с 14 лет. Однако в научной литературе встречается мнение правоведов о наступлении ответственности с 16 лет за преступления террористической направленности, в том числе и за захват заложника⁴. Оснований для этого достаточно. Если обратиться к материалам специальной переписи осужденных, то станет очевидным, что несовершеннолетние возрастной группы 14–17 лет, совершившие преступления по ст. 206 УК РФ, вообще отсутствуют, по возрастной группе 18–19 лет этот показатель составляет 4,0 %, а средний возраст осужденных за захват заложников составил 31,8 лет⁵. Это подтверждают и результаты исследований, по которым среднестатистический участник захвата заложника – мужчина 25–35 лет, со средним образованием, с двумя или тремя судимостями, вполне вероятно, имеющий не исключаящую его вменяемости

---

¹ См.: Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии. М., 1987. С. 148.

² См.: Анциферов К. П. Указ. соч. С. 13.

³ См.: Хлобустов О. М. Проблемы межведомственного взаимодействия в борьбе с терроризмом в России // Терроризм: проблемы межведомственного взаимодействия: материалы «круглого стола» (30 октября 2002 г.). М., 2003. С. 11.

⁴ См. об этом: Журавлев И. А. Указ. соч. С. 11; Качмазов О. Уголовная ответственность за терроризм // Законность. 1998. №8. С. 30–31.

⁵ См.: Характеристика осужденных к лишению свободы: по материалам спец. переписи 1999 г. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. С. Михлина. М., 2001. С. 459.

психическую аномалию и поэтому относящийся к психопатизированному типу личности¹.

На наш взгляд, учитывая всю тяжесть, характер и степень общественной опасности исследуемого состава преступления, представляется оправданным установление уголовной ответственности за захват заложника с 14-летнего возраста.

Субъективная сторона захвата заложника заключается во внутреннем отношении субъекта (лица, захватившего заложников) к объективной стороне данного преступления, то есть его психической деятельности (преступном замысле), непосредственно связанной с совершением этого общественно опасного деяния.

Несмотря на то, что в теории уголовного права отсутствует единство мнений относительно содержания субъективной стороны преступления, нам представляется верным аргументированный вывод А. И. Рарога о том, что «содержание субъективной стороны преступления исчерпывается тремя признаками: виной, мотивом и целью, которые органически связаны между собой, взаимозависимы и взаимообусловлены. В отличие от вины, являющейся *необходимым* признаком *любого* состава преступления, мотив и цель характеризуют составы *лишь некоторых* преступлений, входя в них в качестве обязательных или квалифицирующих признаков либо обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание»². Именно к такому составу преступления и относится общественно опасное деяние, направленное на захват заложника.

Рассматриваемый состав преступления характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла, которым охватываются общеопасные способы исполнения сложных действий: захват и удержание, – а также осознание того, что эти действия в силу психологического фактора (страха) будут оказывать воздействие на адресата требований.

Более того, учитывая многообъектность данного преступления, виновное лицо, как правило, осознает эти объекты посягательства. «Наличие одновременно посягательств на несколько объектов (основных и дополнительных), – пишет Л. Д. Гаухман, – обуславливает необходимость при раскрытии содержания умысла проведения анализа психического отношения виновного к посягательству на каждый из объектов»³. Исходя из этого, интеллектуальный элемент захвата заложника определяется, в первую очередь, осознанием посягательства на общественную безопасность, а затем на личную свободу и неприкосновенность человека. Виновный должен понимать опасность совершаемых им действий, но при этом не обязательно осознание им противоправности совершаемого деяния⁴.

---

¹ См.: Анциферов К. П. Указ. соч. С. 18.

² Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2002. С. 61.

³ Гаухман Л. Д. Проблемы уголовно-правовой борьбы с насильственными преступлениями в СССР. М., 1978. С. 100.

⁴ См.: Рарог А. И. Указ. соч. С. 81.

Волевой элемент захвата заложника состоит в желании виновного добиться определенного (конечного) результата через понуждение адресата требований совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия. Понуждение в свою очередь служит особым видом психологического насилия, направленного на стимулирование нужного преступнику поведения¹. Следовательно, желание понуждения в данном случае является выполнением промежуточного результата деяния, а желание захватить и удерживать заложника выступает средством достижения цели преступника. Цель – идеальное, мыслительное предвосхищение результата деятельности². Конечным результатом, к которому стремится виновный в своем желании, будет выполнение его требований адресатом воздействия.

Цель лишь в общем виде позволяет составить представление о том преступном результате, которого желает достичь виновный. Ее конкретизация может быть выражена в направленности умысла субъекта преступления, отражающей его стремления к достижению конкретного преступного результата, включая представление о механизме причинения вреда³. Учитывая это, мы не разделяем вывод И. А. Журавлева о том, что применительно к захвату заложников цель носит двойственный характер, то есть она может быть первичной – понудить указанных в диспозиции адресатов совершить определенные действия или отказаться от таковых и вторичной, к которой стремится виновный (например, получить деньги, выплаченные адресатом)⁴. Ошибка вышеназванного автора состоит в том, что будущий желаемый результат неосновательно отождествляется с конечным результатом преступления, отделенным от него во времени. Тем более, что цель прямо, а не двусмысленно указана в норме. При этом законодательная формулировка – «в целях понуждения» – представляет собой элемент законодательной техники, позволяющий обозначить неопределенный круг целей через субъектов их адресации. Отсюда деление целей в составе, предусмотренном ст. 206 УК РФ, не совсем обоснованно⁵.

Несмотря на недостатки законодательного определения умышленной вины, в теории особо дискуссионным является вопрос о распространении предвидения как обязательного признака интеллектуального содержания умысла только на материальные составы преступлений, так как законодательная формулировка умысла не применима к формальным составам преступлений. Поскольку последствия не служат признаком деяния, а умысел ориентирован на исключительно объективированный вонне результат⁶, что свойственно

---

¹ См.: *Иванов В. Ф.* Уголовно-правовая оценка понуждения. Саратов, 1986. С. 62.

² См.: Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1986. С. 1472.

³ См.: *Векленко В. В.* Квалификация хищений. С. 183.

⁴ См.: *Журавлев И. А.* Указ. соч. С. 11.

⁵ См.: *Блажнов А. Г.* Указ. соч. С. 127.

⁶ См. об этом: *Векленко С. В.* Законодательное определение умышленной вины нуждается в совершенствовании // Уголовное право. 2003. № 1. С. 15; *Иванов Н. Г.* Принцип субъективного вменения и его реализация в УК // Государство и право. 1999. № 10. С. 54.

субъективной стороне захвата заложника, последняя как было отмечено, характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла и специальной целью. Следовательно, при совершении захвата лицо осознает общественно опасный характер своих действий, предвидит возможность причинения вреда чьим-либо интересам и желает его причинить. Замена здесь термина «последствие» на слова «причинение вреда», как справедливо отмечает С. В. Векленко, «призвано положить конец многолетним теоретическим спорам о возможности предвидения общественно опасных последствий в преступлениях с формальным составом, которые, в свою очередь, не требуют для признания их оконченными наступления каких-либо последствий»¹.

Помимо закрепленного в законе (ст. 24, 25, 26 УК РФ) деления умысла на виды в зависимости от особенностей их психологического содержания, теория и практика уголовного права классифицирует умысел по моменту возникновения преступного намерения на заранее обдуманый и внезапно возникший². Для захвата заложника характерны в равной степени оба указанных вида умысла, то есть промежуток времени от возникновения побуждения, принятия решения совершить данное преступление до момента его реализации может составлять от нескольких минут до месяцев. При этом обдуманность умысла состоит в особой психологической деятельности субъекта: мысленном представлении модели будущего преступления, продумывании деталей его осуществления и сокрытия, а также в моделировании поведения потерпевшего, решении вопроса о привлечении соучастников и т. п.³

Заранее обдуманый умысел исследуемого деяния обусловлен, как правило, коварством субъекта, изощренностью способов достижения преступной цели, что повышает общественную опасность деяния и лиц, его совершивших. Особенно это относится к террористическим целям, где при планировании операции по захвату заложников определяются цель захвата, возможные пути ее достижения, подбираются соучастники, подыскиваются необходимые денежные средства, производится выбор объекта, его разведка и т. д. Примером могут служить беспрецедентные по жестокости и цинизму захваты заложников бандами Басаева в Буденовске, Радуева в Кизляре и Первомайском, а также Бараева в Москве на Дубровке. При указанном умысле совершаются захваты заложников с целью выезда за границу, получения выкупа, предъявления политических требований и др.

Внезапный (простой) умысел захвата заложника обычно возникает в случае угрозы задержания в момент совершения иного преступления или после, при преследовании виновного сотрудниками правоохранительных органов.

---

¹ Векленко С. В. Законодательное определение умышленной вины нуждается в совершенствовании. С. 16.

² См. об этом: *Рарог А. И.* Указ. соч. С. 99–100; *Ветров Н. И.* Уголовное право: Общая часть. М., 2003. С. 161.

³ См.: *Векленко С., Фалько А.* Понятие и виды заранее обдуманного умысла // Уголовное право. 2005. № 3. С. 18.

Виновный под влиянием провоцирующей ситуации совершает данное деяние с целью обезопасить себя от задержания (заслуженного наказания). Например, 13 ноября 2002 г. в Нижнем Тагиле ночью двое вооруженных преступников напали на продавца коммерческого киоска. Они дождались, когда женщина выйдет на улицу, чтобы закрыть ставни и, угрожая ножом, затащили ее внутрь. В киоске преступники приказали продавцу молчать и принялись набивать сумки товаром. Однако свидетелем налета стал один из жильцов расположенного поблизости дома. Он вызвал милицию. На место происшествия было стянуто несколько групп задержания вневедомственной охраны. Торговый павильон и прилегающая территория были оцеплены. Преступники, увидев милицию, забаррикадировались внутри павильона, удерживая женщину-продавца как заложника¹.

Разновидностью внезапно возникшего умысла является аффектированный умысел, который, как указывает А. И. Рарог, характеризуется не столько моментом, сколько психологическим механизмом возникновения намерения совершить преступление². Причиной его возникновения служат нарушения прав виновного или незаконные действия потерпевшего (заложника), вследствие чего субъект под влиянием сильно возникшего эмоционального волнения теряет волевой контроль. Так, 18 декабря 1998 г. в Москве А. Шрайбер, угрожая пистолетом, объявил троих служащих банка «Российский кредит» заложниками после того, как работники банка отказали в выплате причитающихся ему в соответствии с постановлением суда 3700 долларов³.

Следует заметить, что приведенная классификация носит условный характер и квалификация захвата заложника не зависит от времени возникновения побуждения совершить указанное деяние. Однако заранее обдуманнный умысел, несомненно, опаснее внезапно возникшего, поскольку отличается изощренностью способов достижения преступной цели, повышающих опасность деяния. Следовательно, повышенную общественную опасность этого вида умысла, направленного на совершение захвата заложника особо изощренными способами, необходимо учитывать при назначении наказания как отягчающее обстоятельство (ч. 1 ст. 63 УК РФ). И наоборот, смягчать наказание за преступления, совершенные с аффектированным умыслом, так как здесь в большей степени сказывается влияние ситуации предъявления виновным правомерных требований к окружающим, и в меньшей степени проявляется его анти-социальная установка на совершение преступления (п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Особенно это касается тех случаев, когда захват заложников совершается с целью защиты своих законных прав и интересов или интересов третьих лиц. Например, захват некоторых представителей администрации, организации с

---

¹ См.: Известия. 2002. 14 нояб.

² См.: Рарог А. И. Указ. соч. С. 102.

³ См.: Комиссаров В. С. Захват заложника – стремление к наживе или преступление от безысходности? // Законность. 1999. № 3. С. 17.

целью добиться выплаты зарплаты за много месяцев, поскольку задержка выплаты зарплаты ставит в опасность интересы работника и членов его семьи.

В научной литературе справедливо обращается внимание на то, что наряду с прямым, косвенным, заранее обдуманым и внезапно возникшим (простым и аффектированным) умыслом широко используется конструкция специального умысла, то есть такого умысла, который характеризуется наличием в сознании виновного особой цели, включенной законодателем в качестве конструктивного элемента или квалифицирующего обстоятельства¹.

В составе захвата заложника содержится этот важный конструктивный элемент – особая цель преступления. Собственно, захват заложника совершается в целях понуждения государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения. Указанное свидетельствует о целенаправленном характере деяния, который выражается в способе достижения желаемого результата. «Этот результат, – отмечает А. И. Рарог, – а также само деяние и его общественно опасные последствия как способ достижения поставленной цели являются для субъекта преступления желаемыми. Поэтому следует констатировать, что специальная цель деяния совместима только с прямым умыслом»².

Цели, которые виновное лицо определяет в качестве условия освобождения заложников, неразрывно связаны с мотивами преступления. В Советском энциклопедическом словаре указывается, что мотив – это то, что побуждает деятельность человека, ради чего она совершается³. По мнению С. А. Тарарухина, именно мотив представляет собой связующее звено между сознанием и волей индивида. Более того, именно он связывает все объективные и субъективные признаки состава в единое целое⁴. Мотив исследуемого деяния рождается из определенной потребности и способствует образованию цели понуждения организаций либо государства, а вместе с целью побуждает посредством захвата заложников добиться желаемого результата.

Практика показывает, что для захвата заложника характерно большое разнообразие мотивов: корысть, национальная, расовая, религиозная вражда или ненависть, решение политических, военных, экономических и уголовно-правовых проблем в пользу захвативших заложников. Кроме того, отмечает Ю. М. Антонян, существуют такие мотивации, как утверждение своей личности и удовлетворение садистских влечений (из мести), характерные для межнациональных конфликтов⁵. Нередко виновный намеренно скрывает свой действительный мотив и его обоснование, в связи с чем для установления психологического мотива конкретного преступного поведения может быть

---

¹ См.: Злобин Г. А., Никифоров Б. С. Умысел и его формы. М., 1972. С. 76.

² Рарог А. И. Указ. соч. С. 150.

³ См.: Советский энциклопедический словарь. С. 840.

⁴ См.: Тарарухин С. А. Установление мотива и квалификация преступления. Киев, 1977. С. 61.

⁵ См.: Антонян Ю. М. Насилие. Человек. Общество: моногр. М., 2001. С. 213–214.

назначена судебно-психологическая экспертиза¹. Вышеуказанные мотивы, за исключением корыстного (п. «з» ч. 2 ст. 206 УК РФ), на квалификацию не влияют, однако в соответствии с п. «е» и «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ могут рассматриваться как обстоятельство, отягчающее наказание, именно поэтому их можно считать низменными.

Вместе с тем субъективные признаки состава захвата заложника и его правовые последствия играют важную роль в определении общих условий правомерности действий по освобождению заложников. Так, цели захвата заложников определяются предъявлением требований и могут носить как террористический (политический), так и общекриминальный характер. Причем политические требования не должны рассматриваться властями, в результате чего вероятен только силовой вариант освобождения заложников, а это почти всегда связано с риском причинения им вреда. В остальном возможно ведение переговоров.

Подводя итог исследованию субъективных элементов вышеуказанного состава преступления, необходимо отметить, что данный состав характеризуется умышленной формой вины только в виде прямого умысла и конструктивно содержит указания на специальную цель. При этом выдвижение требований (понуждение) для виновного не самоцель, а необходимый этап в достижении конечной цели. Умысел при захвате заложника в момент его возникновения может быть как заранее обдуманый, так и внезапно возникший (простой и аффектированный). Субъектом данного вида преступлений в соответствии с уголовным законом может выступать лишь физическое лицо, вменяемое и достигшее возраста уголовной ответственности – 14 лет, причем не важно, является ли оно гражданином иностранного государства или лицом без гражданства.

§ 2. Обстоятельства, отягчающие ответственность за захват заложника

Захват заложника, кроме диспозиции, предусмотренной ч. 1 ст. 206 УК РФ, дополнительно содержит ряд обстоятельств, отягчающих уголовную ответственность за названное преступление, что, в свою очередь, влечет для виновного более строгие негативно-правовые последствия.

Эти обстоятельства представлены ч. 2 и 3 ст. 206 УК РФ в виде квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, наличие которых повышает общественную опасность преступления и позволяет нам наиболее адекватно оценивать реально возможные преступные действия, непосредственно связанные с исследуемым деянием. Описание указанных признаков в диспозиции рассматриваемой уголовно-правовой нормы начинается словами «то же деяние» или «деяния, предусмотренные частями...». Однако применительно к данному составу больше приемлемы термины «то же действие» или

---

¹ См.: Ситковская О. Д., Коньшева Л. П., Коченов М. М. Новые направления судебно-психологической экспертизы. М., 2000. С. 21.

«действия, предусмотренные частями...», так как они являются более точными по отношению к объективной стороне этого общественно опасного посягательства, которое не может быть выполнено путем бездействия¹.

Кроме того, как совершенно справедливо отмечает А. И. Марцев, смысловое значение слова «квалифицированный» никакого отношения к преступлениям не имеет, поэтому уголовно-правовым термином, характеризующим состав преступления, является «отягчающее обстоятельство»². Важность наличия отягчающих признаков обусловлена тем, что они помогают правоприменителю в зависимости от особенностей, связанных с элементами состава преступления, дополнительно точно квалифицировать деяние.

Классификация обстоятельств, отягчающих ответственность за захват заложника, по элементам состава преступления может быть представлена следующим образом.

1. Отягчающие обстоятельства, характеризующие особенности захвата и (или) удержания заложника, с точки зрения объекта, включают юридически значимые свойства заложника либо его количественную характеристику³. Так, к первым относятся случаи, когда потерпевшими являются несовершеннолетний или женщина, находящаяся в состоянии беременности (соответственно, п. «д», «е» ч. 2 ст. 206 УК РФ). Количественная характеристика связана с двумя или более лицами, которых удерживают в качестве заложников (п. «ж» ч. 2 ст. 206 УК РФ).

2. Отягчающие и особо отягчающие обстоятельства, характеризующие данное преступление с объективной стороны: применение в ходе захвата заложника насилия, опасного для жизни или здоровья; выполнение деяния с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (п. «в», «г» ч. 2 ст. 206 УК РФ); действия, связанные с деянием, повлекли по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия (ч. 3 ст. 206 УК РФ), а также умышленное причинение смерти человеку (ч. 4 ст. 206 УК РФ).

3. Отягчающие обстоятельства, характеризующие данный состав с субъективной стороны, могут быть связаны с наличием корыстных целей или найма (п. «з» ч. 2 ст. 206 УК РФ).

4. Отягчающие и особо отягчающие обстоятельства захвата заложника, относящиеся к субъекту преступления, заключаются в том, что объективная сторона рассматриваемого деяния может совершаться группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 2 ст. 206 УК РФ), а также организованной группой (ч. 3 ст. 206 УК РФ).

---

¹ См.: Клименко А. В. Уголовно-правовая характеристика похищения человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 15.

² См.: Марцев А. И. Состав преступления: структура и виды // Уголовное право. 2005. № 2. С. 48.

³ См.: Резепкин О. Ю. Особенности квалификации преступлений, посягающих на свободу человека // Закон и право. 2003. № 2. С. 28.

Несмотря на то, что соисполнительство и соучастие с выполнением различных ролей характеризуют внешнюю сторону, то есть то, каким образом вовне проявляется взаимодействие соучастников в процессе совершения преступления, мы тем не менее руководствуемся фактом, который подтверждается текстом уголовного закона. Так, определяя тот или иной вид группы, законодатель в качестве одного из отличительных признаков называет субъективный фактор¹. Более того, как уже отмечалось, субъективная сторона анализируемого состава преступления характеризуется обязательным осознанием виновным всех обстоятельств совершенного преступления, в том числе и квалифицирующих признаков (ч. 2, 3 ст. 206 УК РФ), а также обстоятельств, отягчающих данное деяние (ч. 2, 3 ст. 25 УК РФ). Как справедливо обращал внимание Б. А. Куринов, все это связано с принципом субъективного вменения (ст. 5 УК РФ), в соответствии с которым виной субъекта должны охватываться все признаки конкретного состава преступления, как основные, так и отягчающие².

Приведенная классификация в известной мере условна, поскольку любой объективный признак находит свое отражение и в субъективной стороне преступления³. Однако она играет важную роль для теоретического осмысления указанных квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков. Кроме того, указанное расположение имеет практический смысл, так как облегчает процесс квалификации конкретного захвата заложника. Следовательно, было бы правильным расположить перечисленные в законе отягчающие обстоятельства рассматриваемого деяния по строгой системе, в зависимости от их связи с определенными элементами состава преступления, так, как они, например, расположены в ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Более детально рассмотрим отягчающие обстоятельства захвата заложника в том порядке, в каком они расположены в уголовном законе. Так, первым квалифицирующим признаком захвата заложника является совершение действий, предусмотренных диспозицией ст. 206 УК РФ, *группой лиц по предварительному сговору*.

В статье 32 УК РФ дается общее законодательное определение соучастия как умышленного совместного участия двух или более лиц в совершении умышленного преступления. В совершении захвата заложника и его удержании, как правило, участвуют двое или большее количество лиц. В одиночку действуют преимущественно лица с внезапно возникшим или аффектированным видом умысла. Проведенное выборочное исследование случаев захвата заложников на Северном Кавказе с 1997 г. по 1999 г. показало, что в

---

¹ См.: Векленко В. В. Квалификация хищений. С. 206–207.

² См.: Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1976. С. 110.

³ См. об этом: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. С. 118; Уголовное право: Особенная часть: учебник / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. И. Я. Козаченко. М., 2009. С. 51–52.

7,5 % случаев действовали двое, в 26,3 % – трое, в 65,5 % – четверо и более преступников¹.

В статье 35 УК РФ законодатель определяет вторую форму² соучастия – соисполнительство (первая форма соучастия представлена в ст. 33 УК РФ как соучастие с выполнением различных ролей), при котором все соучастники действуют совместно и непосредственно выполняют объективную сторону состава преступления, в том числе предусмотренную и ст. 206 УК РФ. Каждый может полностью или только частично выполнять объективную сторону преступления, но путем совместных усилий достигается преступная цель. При этом в соответствии с прямым указанием закона определяется два вида группового соучастия: а) совершение преступления группой лиц без предварительного сговора; б) совершение преступления группой лиц с предварительным сговором.

Первый вид соисполнительства означает, что преступление совершается двумя или более исполнителями, которые не договаривались о совместном совершении преступления. Взаимодействие участников возникает в момент начала совершения преступления или во время его совершения (ч. 1 ст. 35 УК РФ), и согласованность их действий незначительна.

Второй вид соисполнительства является квалифицирующим признаком захвата заложника – участие двух или более исполнителей, заранее договорившихся о совместном совершении преступления (ч. 2 ст. 35 УК РФ).

Предварительный сговор обеспечивает более высокую степень взаимодействия между соучастниками. В пункте 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» имеется разъяснение, согласно которому «предварительный сговор на убийство предполагает выраженную в любой форме договоренность двух или более лиц, состоявшуюся до начала совершения действий, непосредственно направленных на лишение жизни потерпевшего»³.

Чаще всего, как показывает практика, деяния, направленные на захват заложников, заблаговременно готовятся преступной группой. Сговор на совершение данного преступления заключается в том, что группа лиц договаривается о совместности своих действий, способах и средствах совершения захвата (удержания) заложников, распределении ролей только в техническом смысле. Например, кому-то вменяется контролировать действия заложников, а другие соучастники должны вести наблюдение за окружающей обстановкой. В обязанности руководителя преступной группы входят задачи, связанные с предъявлением требований и ведением переговоров с представителем власти, и т. д. При этом все вместе они совершают действия, характеризующие объективные признаки деяния. Если в данном преступлении принимали участие

---

¹ См.: *Антонян Ю. М.* Указ. соч. С. 213.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Рарог. С. 32.

³ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам / сост. С. Г. Ласочкина, Н. Н. Хохлова. М., 2003. С. 152.

другие соучастники, выполнявшие юридически значимые роли (организатора, пособника или подстрекателя) и не принимавшие непосредственного участия в захвате заложника, то они не несут ответственности по п. «а» ч. 2 ст. 206 УК РФ. Их действия должны квалифицироваться со ссылкой на ст. 33 УК РФ.

Однако известны ситуации захвата заложников, когда данное общественно опасное посягательство совершалось группой лиц без предварительной подготовки и сговора, например, при внезапно возникшем умысле. Как правило, это происходит с «загнанными в угол» преступниками, которые не могли скрыться от обнаруживших их преступную деятельность сотрудников правоохранительных органов. Например, 25 ноября 2004 г. в Подмосковье братья-близнецы Опарины во время несения службы в карауле, вооруженные автоматами, самовольно покинули территорию воинской части. В ходе проверки документов в кафе «Звездный» г. Солнечногорска дезертиры оказали вооруженное сопротивление сотрудникам милиции, от огнестрельных ранений погибли два милиционера. Скрываясь от преследования, братья угнали микроавтобус «Газель», на котором доехали до окраины г. Дмитрова, где в одном из частных домов взяли в заложники его жильцов. В результате проведенной специальной операции заложники не пострадали, один из братьев застрелился, второй сдался сотрудникам милиции¹.

Данный пример служит существенным аргументом в пользу того, что на практике возможны случаи совершения захвата заложника группой лиц и без предварительного сговора. В такой ситуации в их действиях не содержится состава преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 206 УК РФ². Это обстоятельство свидетельствует о том, что отсутствие квалифицирующего признака – совершение группой лиц (без предварительного сговора) – приводит к тому, что отличающееся повышенной общественной опасностью преступление, совершенное в группе, в случае недоказанности предварительного сговора, будет квалифицироваться по ч. 1 ст. 206 УК РФ³. Поэтому необходимо распространение повышенной ответственности за захват заложников, совершенный группой лиц, на все виды групп, в том числе и на группу без предварительного сговора.

При совершении захвата заложника, как и любого другого насильственного преступления, объединение усилий нескольких лиц, даже при отсутствии предварительного сговора, облегчает достижение преступного результата, затрудняет для жертвы возможность оказать сопротивление или уклониться от нападения. Это и делает любое групповое преступление объективно более опасным⁴. Вместе с тем п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» предписывает квалифицировать данные преступления по

---

¹ См.: Российская газета. 2004. 26 нояб.

² См.: Резепкин О. Ю., Журавлев И. А. Указ. соч. С. 79.

³ Аналогичную позицию занимает Клименко А. В. (Указ. соч. С. 15.)

⁴ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. М., 1998. С. 230.

частям первым ст. 158, 161, 162 УК РФ. При этом суду предоставляется право признать совершение преступления в составе группы лиц без предварительного сговора обстоятельством, отягчающим наказание, со ссылкой на п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ¹.

Кроме того, данный аргумент подтверждается справедливым замечанием В. В. Векленко: «Непонятна логика законодателя, включившего в отягчающие обстоятельства убийства (ст. 105), умышленного причинения вреда здоровью (ст. 111, 112), изнасилования (ст. 131), насильственных действий сексуального характера (ст. 132) и др. совершение преступления группой лиц и не предусмотревшего эту разновидность преступного объединения применительно к хищениям». Далее ученый указывает на целесообразность включения этого вида преступной группы в ч. 2 статей о хищениях, что «позволит обеспечить единство в установлении уголовной ответственности ко всем преступлениям, избавит судебную практику от определенного формализма, в известной мере позволит усилить наказание...»².

Обращает на себя внимание и возможная ситуация, когда в захвате заложника участвовали двое и один из них признан судебно-психиатрической экспертизой невменяемым, то есть он не является субъектом преступления. Ранее судебная практика решала такие вопросы в зависимости от категории преступления³. Так, в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 г. № 4 «О судебной практике по делам об изнасиловании» в редакции постановления Пленума от 21 декабря 1993 г. № 11⁴, в случае совершения группового изнасилования действия второго лица, подлежащего уголовной ответственности, квалифицировались как совершенные группой лиц. Иначе говоря, указанным разъяснением признавалось, что группа может иметь место и при отсутствии соучастия, поскольку в деянии только одного участника посягательства содержатся все признаки состава преступления. Отменена постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» и аналогичная рекомендация по грабежу и разбою, действовавшая с 1966 г.⁵ В настоящее время проблему квалификации групповых преступлений практические работники решают, ссылаясь, в основном, на постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних». В постановлении (п. 9) четко указано: «Необходимо иметь в виду, что совершение преступления с использованием лица,

---

¹ См.: Информационный бюллетень следственного комитета при МВД России. М., 2003. № 1 (115). С. 245.

² Векленко В. В. Квалификация хищений. С. 210–211.

³ См.: Резепкин О. Ю. Указ. соч. С. 35.

⁴ Согласно п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ», указанные постановления утратили силу. См.: БВС РФ. 2004. № 8. С. 5.

⁵ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам. С. 189.

не подлежащего уголовной ответственности в силу возраста (ст. 20 УК РФ) или невменяемости (ст. 21 УК РФ), не создает соучастия»¹.

Следует отметить, что в среде ученых нет единства мнений по обозначенной проблеме. Вместе с тем с позиции целесообразности заслуживают внимания те подходы, которые обеспечивают и юридически верную оценку деяний, и единообразное применение закона, то есть предлагают руководствоваться признаками института соучастия во всех случаях при решении вопроса о наличии соучастия и его формах², например, «путем включения обстоятельств, связанных с использованием для совершения преступления невменяемых и лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, в диспозиции соответствующих норм в качестве квалифицирующих признаков»³.

Наиболее интересным представляется сформулированное В. В. Векленко общее правило квалификации групповых посягательств: «Действия лица следует квалифицировать как совершенные группой независимо от того, по каким основаниям другие участники преступления не были привлечены к уголовной ответственности или были от нее освобождены»⁴. Данное правило частично подкрепляется постановлением Президиума Верховного Суда РФ: «Убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно, с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, причем необязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них, и независимо от того, что некоторые из участников преступления не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости»⁵. Таким образом, указанное общее правило квалификации групповых преступлений, по нашему мнению, следует распространить на все виды групповых посягательств, закрепив его специальным решением постановления Пленума Верховного Суда РФ, и применять ко всем общественно опасным деяниям, в том числе и к захвату заложника.

Следующий квалифицирующий признак, предусмотренный п. «б» ч. 2 ст. 206 УК РФ, – совершение захвата заложника неоднократно – действовал до внесения изменений и дополнений в УК РФ Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ⁶. Указанным законом неоднократность преступлений исключена из числа видов множественности. Данная новелла помогла решить ряд проблем при квалификации преступлений, назначении наказания

---

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам. С. 102.

² См. об этом: *Кладков А.* Квалификация преступлений, совершенных в соучастии // *Законность.* 1998. № 8. С. 27; *Ялин А.* Субъект преступления как условие уголовной ответственности // *Российская юстиция.* 2001. № 2. С. 11.

³ *Бриллиантов А. В., Димченко Н. В.* Квалификация преступлений по признаку их совершения группой лиц, из которых лишь одно обладает признаками субъекта преступления // *Российский судья.* 2005. № 3. С. 19.

⁴ *Векленко В. В.* Квалификация хищений. С. 205.

⁵ БВС РФ. 2005. № 4. С. 14.

⁶ См.: *Российская газета.* 2003. 16 дек.

и иных правовых вопросов, связанных с конкуренцией ранее существовавших видов множественности¹. На сегодняшний момент сохранено только два ее вида – совокупность и рецидив преступлений. Это нововведение позволит назначать более строгие наказания при совокупности преступлений в случаях совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Например, действия лица, совершившего сначала похищение человека (но не привлеченного за это к уголовной ответственности), а затем захват заложника, подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 126 и ч. 1 ст. 206 УК РФ, при отсутствии иных квалифицирующих признаков. Максимальным наказанием в описанной ситуации может быть лишение свободы сроком до 18 лет. По ранее действовавшей редакции уголовного закона в случае совершения ряда захватов при отсутствии иных квалифицирующих признаков действия этого лица должны были квалифицироваться только по п. «б» ч. 2 ст. 206 УК РФ, а предыдущие преступления не получали самостоятельной юридической оценки. Таким образом, максимальное наказание, которое ждало виновного, совершившего общественно опасные действия, не превышало 15 лет лишения свободы².

Второй квалифицирующий признак, характеризующий захват заложника *с применением насилия, опасного для жизни или здоровья* (п. «в» ч. 2 ст. 206 УК РФ), и без того усиливает тяжесть насильственных действий, сопряженных с психическим или физическим воздействием при захвате и (или) удержании живого человека, предусмотренных диспозицией данной статьи (ч. 1 ст. 206 УК РФ). Ключевое место в данном виде насилия занимает признак опасности, который особенно характерен для преступлений против общественной безопасности. Так, по мнению И. И. Горелика, «преступления, опасные для жизни и здоровья, юридически считаются оконченными деяниями при создании конкретной опасности или ее неотвращении. Наступление последствий – смерти, телесных повреждений или причинение материального ущерба выходит за рамки составов этих преступлений. Такие преступления всегда называли формальными, беспоследственными»³.

Однако в настоящее время отсутствие прямого законодательного указания на определение пределов насилия, опасного для жизни или здоровья, приводит к противоречивой трактовке его содержания правоприменителем. По этой причине мы вынуждены обращаться к судебному толкованию такого насилия по другим делам. Так, в соответствии с п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 под насилием, опасным для

---

¹ См. об этом: *Бриллиантов А. В.* Множественность преступлений в уголовном законе // Российский следователь. 2004. № 2. С. 11–12; *Волженкин Б. В.* Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ // Законность. 1988. № 12. С. 3–4; *Побегайло Э. Ф.* Проблема уголовной политики в сфере обеспечения безопасности граждан (законотворческий аспект) // Уголовное право. 2001. № 1. С. 39.

² См.: *Журавлев И. А.* Указ. соч. С. 12.

³ *Горелик И. И.* Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья. Минск, 1973. С. 22.

жизни или здоровья потерпевшего, следует понимать такое насилие, которое повлекло причинение тяжкого, средней тяжести либо легкого вреда здоровью потерпевшего, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности. Опасным для жизни или здоровья потерпевшего следует считать и такое насилие, которое хотя и не вызвало названных выше последствий, однако в момент применения создавало реальную опасность для жизни и здоровья¹.

Кроме того, согласно п. 6.1. Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (утв. приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24 апреля 2008 г. № 194н), создает угрозу для жизни вред здоровью, опасный для жизни человека, а также вред здоровью, вызвавший развитие угрожающего жизни состояния. Под вредом, опасным для здоровья, понимают последствия, повлекшие либо телесные повреждения, то есть нарушение анатомической целостности органов и тканей или их физиологических функций, либо заболевания или патологические состояния² потерпевшего в зависимости от их тяжести, которые предусмотрены ст. 111, 112, 115 УК РФ.

Вместе с тем опасность для жизни и здоровья может и не иметь указанных последствий для заложника, но реально существовать в момент насильственных действий виновного, направленных на его захват и удержание. При этом следует учитывать интенсивность насилия, орудия преступления, куда и чем наносились удары (например, поражение жизненно важных органов с помощью физической силы или колюще-режущим предметом, сильное сдавливание шеи с перекрытием дыхательных путей и т. п.), причины, в силу которых не наступили более тяжкие, но объективно возможные, исходя из характера действий преступников, последствия³.

Таким образом, можно сделать вывод, что судебной практикой было выработано и не нашло серьезных противоречий в научной среде содержание насилия, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 206 УК РФ. Однако анализ юридической литературы свидетельствует о возникающих разногласиях при квалификации действий виновного, сопряженных с насилием, опасным для жизни и здоровья заложника, по вопросу о конкуренции уголовно-правовых норм и совокупности с преступлениями, предусматривающими ответственность за причинение ущерба здоровью человека (ст. 111, 112, 115 УК РФ).

Так, ряд авторов считают, что указанные насильственные действия (п. «в» ч. 2 ст. 206 УК РФ) полностью включают в себя насилие, опасное для жизни в момент применения (ч. 1 ст. 111 УК РФ), а также преступления, предусмотренные ст. 112, 115 УК РФ, и дополнительной квалификации в соответствии

---

¹ См.: БВС РФ. 2003. № 2. С. 5.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. А.И. Рапог. С. 89.

³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. А.И. Бойко. С. 380.

с правилами конкуренции части и целого¹ по статьям о преступлениях против здоровья не требуют. Однако если, по их мнению, применение насилия фактически повлекло последствия, указанные в данных статьях, то захват заложника необходимо квалифицировать по ч. 3 ст. 206 УК РФ (по признаку «иные тяжкие последствия»)². Также существуют научные работы, где сказано, что если в процессе захвата причинен вред здоровью, то действия виновного должны квалифицироваться по совокупности основного состава преступления и ст. 111, 112, 115 УК РФ соответственно. Если же, кроме опасности, умышленно причинены последствия, предусмотренные ч. 1 ст. 111 УК РФ, то такие действия требуют квалификации по совокупности п. «в» ч. 2 ст. 206 УК РФ и ч. 1 ст. 111 УК РФ³.

Другой точки зрения придерживаются те ученые, которые обоснованно считают, что при решении вопроса о содержании насилия немаловажная роль принадлежит санкциям: если санкция за составное преступление, включающее насильственное деяние, превышает санкцию последнего, то это означает наличие норм о конкурирующих преступлениях, целого и части, поэтому квалификации по совокупности не требуется⁴. Итак, квалификация преступлений по совокупности в данном случае не должна производиться. В этом следует согласиться с О. Ю. Резепкиным, так как санкция за захват заложника (ч. 2 ст. 206 УК РФ) выше, чем за причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 111 УК РФ), в том числе при совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 111 УК РФ⁵. Данный подход подтверждают предложения Ю. А. Красикова и А. В. Наумова о квалификации по совокупности преступлений, входящих в сложный состав, когда санкция за отдельно взятое преступление соответствует или превышает санкцию сложного состава преступления⁶. Например, необходима квалификация преступлений по совокупности ст. 111, 112, 115 УК РФ и п. «в» ч. 2 ст. 127 УК РФ, исходя из того, что санкция за незаконное лишение свободы при наличии квалифицированного признака от 3 до 5 лет лишения свободы, а по ч. 1 ст. 111 УК РФ – от 2 до 8 лет.

---

¹ См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2004. С. 213.

² См. об этом: Комиссаров В. С. Терроризм, бандитизм, захват заложника. М., 1997. С. 154; Семернева Н. К. Уголовное право: Особенная часть: учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. М., 2008. С. 106.

³ См. об этом: Расследование похищения человека: метод. пособие. М., 2000. С. 11; Овчинникова Г. В., Павлик М. Ю., Коршунова О. Н. Указ. соч. С. 66–67; Бабий Н. А. Насилие, опасное для жизни или здоровья // Правоведение. 2004. № 6. С. 71.

⁴ См. об этом: Иногамова-Хегай Л. В. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений: учебное пособие. М., 2002. С. 118–119; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. С. 289–290, 383.

⁵ Резепкин О. Ю. Указ. соч. С. 29.

⁶ См. об этом: Красиков Ю. А. Множественность преступлений. М., 1999. С. 15; Насильственная преступность / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 1997. С. 63–64.

Решение же вопроса о квалификации действий виновного с последствиями, указанными в ч. 3 ст. 206 УК РФ, необоснованно и осложнено¹ тем, что в данном особо квалифицирующем признаке сказано об их неосторожности, тогда как в п. «в» ч. 2 ст. 206 УК РФ речь идет об умышленных действиях. Кроме того, предложенная квалификация умышленного тяжкого вреда при захвате заложника по ч. 3 ст. 206 УК РФ ведет к необоснованному усилению ответственности. Лишение свободы за квалифицированный состав захвата заложника установлено на срок от 6 до 15 лет, а за особо квалифицированный – от 8 до 20 лет.

Таким образом, нам представляется, что в случае применения виновным насилия, опасного для жизни и здоровья заложника, в момент захвата и (или) удержания (вне зависимости от фактически наступившего вреда), его действия должны квалифицироваться по п. «в» ч. 2 ст. 206 УК РФ и дополнительной квалификации по совокупности с ч.1, 2, 3 ст. 111 или со ст. 112, 115 УК РФ не требуется.

Третьим отягчающим обстоятельством захвата заложника выступает действие, направленное на совершение данного деяния *с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия*.

Характеризуя этот признак, предусмотренный п. «г» ч. 2 ст. 206 УК РФ, прежде всего, следует отметить, что невозможно эффективно выполнить объективную сторону основного состава данного преступления без оружия или тех предметов, которые выступают в его качестве, чтобы, реально угрожая, подавлять волю заложников и адресата понуждения. По этой причине, как показывает практика, указанный квалифицирующий признак чаще всего фигурирует в юридической оценке действий лица, виновного в захвате заложника.

Под оружием, указанным в ч. 2 ст. 206 УК РФ, согласно ст. 1 Федерального закона «Об оружии» следует понимать устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, либо подачи сигналов, к которым настоящий закон относит огнестрельное, холодное (метательное), газовое, пневматическое и сигнальное оружие, боеприпасы, патроны независимо от их изготовления промышленным или самодельным способом. Закон не относит к оружию изделия, сертифицированные в качестве изделий хозяйственно-бытового и производственного назначения, спортивные снаряды, конструктивно сходные с оружием, то есть те предметы, которые могут быть применены в качестве оружия. Более подробное разъяснение того, что следует понимать под этими предметами, дается в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». В нем, в частности, сказано, что это те предметы, «которыми могут быть причинены потерпевшему телесные повреждения, опасные для жизни и здоровья (перочинный или

---

¹ См. об этом: Овчинникова Г. В., Павлик М. Ю., Коршунова О. Н. Указ. соч. С. 67; Иногамова-Хегай Л. В. Указ. соч. С. 119.

кухонный нож, бритва, топор, ломик, дубинка, ракетница и т. п.), а также предметы, предназначенные для временного поражения цели (например, механические распылители, аэрозольные устройства, снаряженные слезоточивыми и раздражающими веществами)»¹.

Вид применяемого оружия, указанного в ст. 2 Федерального закона «Об оружии» (гражданское, служебное, боевое ручное стрелковое и холодное), для квалификации значения не имеет. Вместе с тем в литературе обращается внимание на наличие пробелов в данном законе, связанных с отсутствием упоминания о взрывчатых веществах и взрывных устройствах² и соответствующих законодательных разъяснений, что вынуждает правоприменителя давать расширительное толкование признаку «оружие». В связи с этим существуют предложения о дополнении п. «г» ч. 2 ст. 206 УК РФ указанием на использование боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств³. Для выяснения того, что именно означают эти понятия, необходимо обратиться к разъяснениям, изложенным в п. 4 и 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»⁴.

Не вызывает сомнения, что по своим поражающим свойствам эти вещества и изделия превосходят отдельные образцы боевого ручного стрелкового оружия. Неслучайно в последнее время террористами при захвате заложников применяются именно взрывные устройства (самодельные ВУ) – это придает им уверенность в достижении намеченных целей и неуязвимости. На данный факт обращает внимание и Международная Конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом, где отмечается, что террористические нападения с применением взрывных или иных смертоносных устройств приобретают все более широкие масштабы⁵.

---

¹ БВС РФ. 2003. № 2. С. 6.

² См.: *Смольяков П. П.* Правовые и методические основы криминалистических исследований самодельных взрывных устройств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 15.

³ См. об этом: *Журавлев И. А.* Указ. соч. С. 17; *Анциферов К. П.* Указ. соч. С. 21.

⁴ Под боеприпасами следует понимать предметы вооружения и метаемое снаряжение как отечественного, так и иностранного производства, предназначенные для поражения цели и содержащие разрывной, метательный или вышибной заряды либо их сочетание. К ним относятся артиллерийские снаряды и мины, военно-инженерные подрывные заряды и мины, ручные и реактивные противотанковые гранаты, боевые ракеты, авиабомбы и т. п., а также все виды патронов к огнестрельному оружию, независимо от калибра. Под взрывчатыми веществами следует понимать химические соединения или механические смеси веществ, способные к быстрому самораспространяющемуся химическому превращению, взрыву без доступа кислорода воздуха. К ним относятся тротил, аммониты, пластиты, эластиты, порох, твердое ракетное топливо и др. Под взрывными устройствами следует понимать промышленные или самодельные изделия, функционально объединяющие взрывчатое вещество и приспособление для инициирования взрыва (запал, взрыватель, детонатор и т. д.). См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам. М., 2003. С. 254.

⁵ См.: СЗ РФ. 2001. № 35. Ст. 3513.

Однако специальные разъяснения в научных работах и методических рекомендациях¹ позволяют нам сделать вывод о том, что взрывчатые вещества сами по себе, без приспособлений для инициирования взрыва, практически не применяются. При этом необходимо иметь в виду, что понятия «взрывчатое вещество» в техническом и юридическом смысле совпадают не полностью, так как многие вещества и смеси, способные к взрыву, достаточно широко используются в промышленности, сельском хозяйстве и т. д. В таких случаях эксперт в выводе указывает на исследуемое вещество как взрывчатое в техническом смысле, а в юридическом отнесение вещества к взрывчатому производится только следователем и судом². Исходя из этого, считать взрывчатое вещество самостоятельным предметом преступления, представляющим угрозу для жизни, в частности при захвате заложников, нелогично. В то же время взрывные устройства, состоящие из взрывчатого вещества и специального устройства, конструктивно предназначенные для производства взрыва, согласно УК РФ могут выступать орудием и предметом преступления.

Кроме того, использование взрывных устройств будет соответствовать содержанию и смыслу ст. 222 УК РФ, предусматривающей ответственность за незаконные действия с указанными предметами. Причем применение оружия при захвате заложника требует дополнительной квалификации по ст. 222, 223 и 226 УК РФ и квалифицируется по совокупности с п. «г» ч. 2 ст. 206 УК РФ, если экспертным заключением будет установлено, что примененный предмет является оружием, предназначенным для поражения живой или иной цели, либо если ранее имело место его незаконное приобретение или оно было похищено, незаконно изготовлено³ либо вымогалось виновным. Следует отметить, что в данной ситуации действия виновного не могут быть квалифицированы как незаконное ношение оружия в связи с тем, что оно является способом совершения захвата и удержания заложника. Законодатель отнес использование при совершении преступления боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств к обстоятельствам, отягчающим наказание (п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Вместе с тем, если данное обстоятельство указано в качестве квалифицирующего признака в соответствующей статье Особенной части УК РФ, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания⁴.

---

¹ См.: Правовые и организационные основы борьбы с терроризмом: курс лекций / под общ. ред. В. Н. Гуляева. Домодедово, 2004. С. 12–17, 70; Об организации раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с применением взрывных устройств: Метод. рекомендации от 29 июня 1999 г. № 1/12759. М., 1999. С. 2–6.

² См.: Квалификация преступлений, совершаемых с применением взрывных устройств // Информационный бюллетень России. 2000. № 2 (103). С. 45.

³ См. об этом: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Новые законы и нормативные акты. 2003. № 10; Резепкин О. Ю. Указ. соч. С. 31.

⁴ См.: Об организации раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с применением взрывных устройств: Метод. рекомендации от 29 июня 1999 г. № 1/12759. М., 1999. С. 2.

Таким образом, под применением при захвате заложников оружия или иных предметов, используемых в качестве оружия, следует понимать такое их использование, которое способно оказать более интенсивное физическое, психическое воздействие на потерпевшего в целях подчинения его воли, исключить у него желание в оказании сопротивления. Это может выразиться в нанесении ударов прикладом ружья, рукояткой пистолета, а главное – в демонстрации оружия в целях запугивания и возможного применения оружия для отражения действий правоохранительных органов по пресечению данного общественно опасного посягательства.

Если виновный в целях психического насилия использовал заведомо негодное или незаряженное оружие, а также воспользовался имитацией оружия (макет огнестрельного оружия и т. п.) и не намеревался применять его для причинения телесных повреждений, опасных для жизни или здоровья заложника, то его действия, при отсутствии других отягчающих признаков, должны квалифицироваться по ч. 1 ст. 206 УК РФ по аналогии с разъяснениями, содержащимися в п. 23 вышеназванного постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29.

Так, 31 марта 2000 г. осужденный Сыскевич Д. В. во время передвижения из здания суда в СИЗО-1 г. Кемерово в автомашине для арестованных, под конвоем, имея при себе муляж ручной гранаты, продемонстрировал конвоиру вынимание предохранителя из запала гранаты и, высказывая угрозы взрыва гранаты, потребовал освобождения из-под стражи. Конвоир, реально воспринимая его угрозы, помимо своей воли и желания, открыл дверь камеры и пристегнул свою руку наручниками к руке Сыскевича. После чего Сыскевич, угрожая муляжом ручной гранаты остальному составу конвоя и удерживая при себе в качестве заложника конвоира, открыто покинул автомашину, и пытался скрыться, убегая с захваченным заложником по улице. Впоследствии, видя, что район его следования оцеплен милицией, он прекратил свое передвижение, а заложник, воспользовавшись замешательством и отсутствием внимания Сыскевича, расстегнул наручники на своей руке и освободился. Затем Сыскевич был задержан и взят под стражу.

Вышеуказанные действия органы предварительного следствия квалифицировали по п. «б», «в» ч. 2 ст. 313 и п. «г» ч. 2 ст. 206 УК РФ. Однако суд первой инстанции совершенно справедливо признал Сыскевича виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 313 УК РФ и ч. 1 ст. 206 УК РФ, считая, что виновный, угрожая имитацией оружия, не намеревался использовать его для причинения телесных повреждений¹.

Опираясь на приведенные аргументы, мы полагаем, что в п. «г» ч. 2 ст. 206 УК РФ буквальное толкование понятия «оружие» включает в себя все устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, в том числе и такие, как взрывные устройства.

---

¹ См.: Архив Заводского федерального районного суда г. Кемерово за 2000 г. Уголовное дело № 1-889-00.

Четвертое отягчающее обстоятельство, изучаемого нами деяния относится непосредственно к потерпевшему – *заведомо несовершеннолетний заложник* (п. «д» ч. 2 ст. 206 УК РФ). Установлено, что из общего числа случаев похищений людей и захвата заложников несовершеннолетние жертвы составили 21 %, из них четвертую часть – дети в возрасте до 10 лет¹.

Несовершеннолетним по российскому законодательству признается лицо, которому ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет (ч. 1 ст. 87 УК РФ), а также малолетний (согласно ст. 28 ГК РФ – это несовершеннолетний, не достигший четырнадцати лет²). В научной литературе выделяются следующие возрастные группы: дети – лица в возрасте до 13 лет; подростки, возраст которых 13 лет; несовершеннолетние, которым 14–17 лет; молодежь – от 18 до 25 лет³.

На практике вопрос о возрасте, до достижения которого ребенка следует считать малолетним, решается на основе постановления Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1980 г. «О порядке применения ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР “Об усилении уголовной ответственности за изнасилование”», где малолетним признается ребенок, не достигший 14 лет⁴. Однако при квалификации по п. «д» ч. 2 ст. 206 УК РФ конкретный возраст несовершеннолетнего заложника значения не имеет и может находиться в границах от новорожденного ребенка (период от первого вдоха ребенка до конца 4-й недели жизни⁵) до достижения им совершеннолетия.

Указывая на заведомость, законодатель определил, что лицо, захватывая несовершеннолетнего в заложники, должно четко осознавать этот факт, причем как заранее планируя преступление, так и узнав о данном обстоятельстве непосредственно перед началом или во время его совершения. Даже если преступник ошибся в том, что захватил несовершеннолетнего, его действия следует квалифицировать как покушение на захват несовершеннолетнего. Виновный рассчитывает на то, что это станет наиболее действенной формой воздействия на адресата требований, его надежной защитой от действий правоохранительных органов, а также на незащищенность и неспособность данной категории людей, в отличие от взрослых, оказать сопротивление при захвате и удержании. Об этом свидетельствуют многочисленные террористические акты, где в качестве заложников оказывались лица, не достигшие 18-летнего возраста (например, Театральный центр в г. Москве на ул. Мельникова или захват средней школы № 1 г. Беслана)⁶. Данное деяние потому и относится к отягчающему обстоятельству, что криминально экстремальная

---

¹ См.: Дамбаев Ц. Д. Организация и тактика борьбы с похищениями людей, совершаемыми организованными преступными группами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 15.

² См.: СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ См.: Сафиуллин Н. Х., Данилевская М. В., Куликов Н. И. Особенности преступного поведения несовершеннолетних. Криминологическое исследование. Казань, 1995. С. 6–7.

⁴ См.: Бояров С. Квалификация убийства детей // Российская юстиция. 2002. № 12. С. 50.

⁵ См.: Детские болезни / под ред. Л. А. Исаевой. М., 1986. С. 24.

⁶ См.: Российская газета. 2002. 24 окт.; 2004. 2 сент.

ситуация, связанная с захватом и удержанием несовершеннолетнего, наносит ему серьезный психологический вред, последствия которого могут проявляться в течение длительного периода.

Кроме того, необходимо отметить, что виновный имеет мотивы, аналогичные захвату несовершеннолетнего заложника, и в отношении лица, заведомо находящегося в беспомощном состоянии. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» дал примерный перечень лиц, находящихся в беспомощном состоянии. К ним «могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные и престарелые, малолетние дети, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее»¹.

Результаты криминологических исследований также показывают, что уровень виктимности зависит от возраста потерпевших и заключается в механизме причинения вреда детям и престарелым, где определяющим фактором является их физическая беспомощность в оказании сопротивления преступнику². Примером могут служить захваты городских больниц в Буденновске и Кизляре, где чеченскими сепаратистами в заложниках удерживалось соответственно 1820 и более 2000 мирных жителей, среди которых находились больные различной степени тяжести, а также граждане в возрасте от новорожденных до престарелых³.

Рассматриваемое отягчающее обстоятельство учтено разработчиками Модельного Уголовного кодекса государств – участников Содружества Независимых Государств, принятого на VII пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 г. и носящего рекомендательный характер для их законодателей⁴. В Модельном Уголовном кодексе названное обстоятельство расположено в п. «е» ст. 178. На наш взгляд, было бы справедливым дополнить п. «д» ч. 2 ст. 206 УК РФ отягчающим обстоятельством, связанным с захватом лица, находящегося заведомо для виновного в беспомощном состоянии.

Следующим отягчающим обстоятельством захвата заложника является выполнение объективной стороны данного состава преступления *в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности* (п. «е» ч. 2 ст. 206 УК РФ).

Захват в заложники женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, характеризуется повышенной общественной опасностью вследствие особого состояния потерпевшей. Обусловлено это тем, что в

---

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам. С. 152.

² См.: Варчук Т. В., Щербаков В. А. Некоторые аспекты криминологической характеристики личности насильственных преступников и их жертв // Криминологический журнал. 2005. № 1 (7). С. 71.

³ См.: Российская газета. 2002. 25 окт.

⁴ См.: Модельный Уголовный кодекс государств – участников Содружества Независимых Государств // Правоведение. 1997. № 1. С. 124.

данной ситуации подвергается реальной опасности жизнь и здоровье женщины и ее будущего ребенка. Виновный должен быть достоверно осведомлен о наличии беременности потерпевшей: она сообщила ему об этом лично, или об этом свидетельствуют внешние признаки беременности, или ему стало известно об этом из других источников¹. Указанный фактор преступник использует как благоприятный для достижения своей преступной цели по аналогии с захватом в заложники несовершеннолетнего или лица, находящегося в беспомощном состоянии.

В ситуации, когда виновный считал, что в момент захвата и удержания им заложницы та была беременна, а в действительности этого состояния не было, определяющим является направленность его умысла на захват в заложники именно беременной женщины. Здесь налицо покушение на захват заложника при указанных отягчающих обстоятельствах. Следовательно, считаем правильным ошибку захватчика квалифицировать по ч. 3 ст. 30 и п. «е» ч. 2 ст. 206 УК РФ.

Шестое отягчающее обстоятельство, предусмотренное п. «ж» ч. 2 ст. 206 УК РФ, – действие, направленное на захват и (или) удержание в качестве заложника *двух и более лиц*. (Не случайно в диспозиции данной статьи слово «заложник» упоминается в единственном числе).

Как правило, захват в заложники двух или более лиц имеет место в случаях, когда виновный умышленно совершает захват двух или более лиц одновременно (например, при захвате самолета или автобуса все пассажиры объявляются заложниками). Если при умысле на захват нескольких лиц у виновного оказался один заложник, а остальные во время захвата или удержания сумели спастись (скрыться) от нападения, то действия виновного следует квалифицировать по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 206 УК РФ. Так, 28 июля 2005 г. в Германии во время ограбления банка, грабитель был блокирован полицией в данном учреждении. Он взял в заложники трех женщин – служащих банка, но в ходе их удержания две заложницы сумели освободиться от посягательства захватчика. После этого была проведена спецоперация, которая закончилась задержанием виновного и благополучным освобождением заложницы².

Однако законодатель не указывает на заведомый характер данного посягательства. По этой причине полагаем, что с учетом исключения **Законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ п. «б»** из ч. 2 ст. 206 УК РФ и в тех случаях, когда захват двух и более заложников происходил в разное время и не охватывался единым преступным намерением виновного, содеянное отягчающее обстоятельство также необходимо оценивать по п. «ж» ч. 2 ст. 206 УК РФ. Аналогичной позиции по таким делам придерживается и судебная практика³.

---

¹ БВС РФ. 1994. № 8. С. 7–8.

² См.: Известия. 2005. 29 июля.

³ См.: Улицкий С. Практика применения нового закона при совершении убийств // Уголовное право. 2005. № 3. С. 60.

Отягчающее вину захватчика обстоятельство – *захват заложника из корыстных побуждений или по найму* (п. «з» ч. 2 ст. 206 УК РФ) – характеризует субъективную (корыстные побуждения) и объективную (по найму) стороны деяния¹.

Корыстный мотив чаще всего становится практически единственным субъективным стимулом преступного поведения, особенно если принимать во внимание, что корысть не ограничивается лишь стремлением получить какие-то материальные выгоды (прямые или косвенные) – деньги или имущественные блага, не принадлежащие виновному, но и способствует решению иных проблем (предоставить оружие, наркотики, транспортное средство для выезда за пределы государства; освободить арестованных или осужденных; начать переговоры с сепаратистами о выводе федеральных войск и т. п.).

При этом возникает вопрос о соотношении захвата заложника из корыстных побуждений и вымогательства имущества, разграничении исследуемого деяния и похищения человека по этому же мотиву (п. «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ). В случаях, связанных с похищением человека, как нам представляется, вполне возможна совокупная квалификация по п. «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ и соответствующей части ст. 163 УК РФ (вымогательство). Это объясняется тем, что действия виновных, похитивших человека, могут иметь форму вымогательства у потерпевшего или у его близких денежных средств, имущества и т. д. Здесь похищение является способом совершения деяния, которое осознается виновным и не охватывается составом преступления, предусмотренным ст. 163 УК РФ, поскольку вымогательство возможно и без захвата, незаконного перемещения, а также лишения человека свободы. Поэтому мы не можем согласиться с А. В. Клименко, который считает, что «... действия виновных должны быть квалифицированы только по ст. 163 УК РФ, так как такое “похищение” входит в объективную сторону вымогательства»².

Соотношение захвата заложника и посягательства, направленного на отношения собственности в форме вымогательства, многими авторами квалифицируется в совокупности³, что, по нашему мнению, не соответствует истине. При захвате заложника условием его освобождения, как сказано в диспозиции ст. 206 УК РФ, служит выполнение каких-либо требований со стороны тех, кому они адресуются. Однако законодатель ничего не говорит о характере высказываемых требований. Следовательно, они могут касаться любых отношений, в том числе и извлечения положительной материальной выгоды, а также выражаться в открытой форме адресату. Таким образом, требования материального характера, предусмотренные составом преступления «захват заложника», вполне охватывают понятие вымогательства и дополнительной квалификации по ст. 163 УК РФ не требуют.

---

¹ См.: Резепкин О. Ю., Журавлев И. А. Указ. соч. С. 69.

² Клименко А. В. Указ. соч. С. 17.

³ См. об этом: Овчинникова Г. В., Павлик М. Ю., Коршунова О. Н. Указ. соч. С. 74; Беляева Н., Орешкина Т., Мурадов Э. Квалификация захвата заложника // Законность. 1994. № 7. С. 21.

Исключением из указанных нами правил будет квалификация выдвигаемых захватчиком требований передачи оружия или наркотиков (ввиду их особой опасности). Если виновный требует передачи оружия, С. Дементьев и Н. Огородникова предлагают квалифицировать его действия по совокупности преступлений, в том числе как покушение на незаконное приобретение оружия¹. Более правильной в данной ситуации, на наш взгляд, будет квалификация этих действий по совокупности со ст. 206 УК РФ, но уже не как покушение на незаконное приобретение оружия, а как вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств или оружия массового поражения, указанных в ст. 226 УК РФ. Аналогичной квалификации подлежат и действия виновного по выдвигаемым им требованиям передачи наркотических средств или психотропных веществ (ст. 229 УК РФ).

Корыстный мотив может быть главным и второстепенным. Например, при захвате заложников в Ростове-на-Дону четыре вооруженных террориста во главе с Алмамедовым вначале выдвинули требование предоставить им вертолет Ми-8 для следования в Иран, затем, в качестве выкупа за несовершеннолетних заложников, потребовали 10 млн дол. США². Главный мотив здесь соответствует цели требования – предоставление вертолета для вылета за границу, а второстепенный мотив – получение от государства крупной суммы денег. Нередки случаи своеобразного симбиоза корыстных и псевдополитических мотивов, особенно когда преступления совершаются представителями бандформирований идеологического толка (захваты заложников и похищения людей). Сугубо политическая мотивация проявляется себя довольно редко³.

Рассматриваемый квалифицирующий признак, кроме корыстного мотива, имеет вторую форму, которая связана с захватом заложника по найму. Совершение преступления по найму в отдельных случаях может быть видовым понятием по отношению к корыстным побуждениям. Это разъясняется Пленумом Верховного Суда РФ, который в постановлении от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» указал: «... как убийство по найму надлежит квалифицировать убийство, обусловленное получением исполнителем преступления материального или иного вознаграждения» (п. 11)⁴. В этом случае совершение преступления по найму будет характеризовать и субъективную составляющую деяния.

Захват заложника по найму означает, что данное посягательство обусловлено получением исполнителем преступления материального или иного вознаграждения. Лица, организовавшие захват заложника за вознаграждение,

---

¹ См.: Дементьев С., Огородникова Н. Как квалифицировать захват заложников // Советская юстиция. 1990. № 5. С. 15.

² См.: Артамонов И. И. Терроризм: способы предотвращения, методика расследования. М., 2002. С. 59.

³ См.: Назаркин М. В., Ныриков С. А., Голубев В. П. Мотивация терроризма в России и некоторые аспекты ее исторической эволюции // Терроризм: проблемы межведомственного взаимодействия: материалы «круглого стола» (30 октября 2002 г.). М., 2003. С. 62.

⁴ См.: БВС РФ. 1999. № 3. С. 2–6.

подстрекавшие к его совершению или оказавшие пособничество в совершении такого захвата, должны нести ответственность по соответствующей части ст. 33 и п. «з» ч. 2 ст. 206 УК РФ.

Так, Кустов, вступив в феврале 1996 г. в сговор с Быковым (скончавшимся в период судебного следствия) и другим лицом, объявленным в розыск, направил их в г. Мценск Орловской области, где по его поручению 25 февраля 1996 г. они похитили Васильева из квартиры родственников. Доставив потерпевшего в Москву, они держали его в разных местах и, угрожая расправой, требовали выкуп в размере 10 тыс. дол. США. 12 марта 1996 г. Кустов и те же лица по предварительному сговору в г. Москве, угрожая физической расправой, похитили из квартиры Васильева сестру его сожительницы Рожкову, насильно перевозили ее из одного района Москвы в другой, били, требовали выкуп в размере 5 тыс. руб. Похищенные Васильев и Рожкова были освобождены сотрудниками милиции 24 марта 1996 г.

По приговору Измайловского районного суда г. Москвы 30 марта 1998 г. Кустов признан виновным в совершении двух похищений людей из корыстных побуждений, группой лиц по предварительному сговору, одно из которых соединено с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, а также в совершении вымогательств, в том числе одного – группой лиц по предварительному сговору, в целях получения имущества в крупном размере, с угрозой применения и применением насилия. Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда приговор в отношении Кустова оставила без изменения. Заместитель Председателя Верховного Суда РФ в протесте поставил вопрос об изменении судебных решений в связи с неправильной квалификацией действий осужденного. Президиум Московского городского суда 19 апреля 2001 г. протест удовлетворил, указав следующее: «Как видно из материалов дела и установлено судом в приговоре, Кустов организовал похищение Васильева, но сам непосредственного участия в этом не принимал, тем не менее суд квалифицировал его действия как соисполнительство. При таких обстоятельствах содеянное Кустовым по данному эпизоду следует квалифицировать по ч. 3 ст. 33 и п. «а», «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ»¹.

Выделение захвата заложника по найму, в основном, связано с увеличением числа таких захватов и их террористической направленностью. К тому же в психологии террористов-наемников, как показывает практика, наряду с корыстными побуждениями присутствуют, например, мотивы религиозные и сепаратистские, которые могут иметь определяющий характер. Захват людей по найму часто называют «заказным», но закон этого термина не употребляет, как и терминов «заказчик», «посредник». «Заказчик» в этом случае выполняет функцию организатора захвата заложников. Организатором может быть и «посредник», то есть лицо, которое во исполнение полученного заказа подбирает исполнителей, разрабатывает план захвата и осуществляет руководство данным терактом.

---

¹ БВС РФ. 2001. № 10. С. 16.

Применительно к исследуемому составу преступления законодатель предусмотрел не только отягчающие, но и особо отягчающие обстоятельства (особо квалифицирующие признаки) захвата заложника (ч. 3 ст. 206 УК РФ). К ним относятся совершение этого деяния (ч. 1 или ч. 2 ст. 206 УК РФ) организованной группой, смерть заложника по неосторожности или иные тяжкие последствия.

Обращаясь к первому особо отягчающему обстоятельству – совершению захвата заложника организованной группой, следует отметить, что кроме количественного (состав не менее двух человек) уголовный закон (ч. 3 ст. 35 УК РФ) указывает еще два признака – устойчивость и постоянное совершение преступлений как цель данного объединения. Анализ обязательных и факультативных признаков организованной группы, проведенный отечественными учеными, показывает, как сложна и неоднозначна проблема их выявления и формулирования¹. Так, Р. Р. Галиакбаров для снятия всех спорных вопросов обоснованно предлагает дать толкование устойчивости не только через систематичность совершения преступлений группой, но и через показатель длительности деятельности последней. Например, признавать группу устойчивой и в тех случаях, когда объединение создается для совершения даже одного преступления, но его осуществление требует длительной подготовки при тщательной специализации соучастников².

По этому пути идет и судебная практика. Так, по одному из дел было признано, что «организованная группа при терроризме может быть создана и для совершения одного, но требующего тщательной подготовки террористического акта»³. По другому делу Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ обоснованно усмотрела в действиях виновных состав преступления – похищение человека, совершенное организованной группой. Она отметила, что доводы жалоб о недоказанности вины Д. и К. в преступлении, об отсутствии признака совершения преступления «организованной группой» несостоятельны, поскольку характер и согласованность действий, четкое распределение ролей, использование автомашины во время похищения и в дальнейших действиях, длительность насильственного удержания Б. в чужой квартире, корыстный мотив преступления опровергают эти доводы⁴.

Нам представляется важной и позиция Пленума Верховного Суда РФ. Так, в постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» говорится: «Об устойчивости организованной группы может свидетельствовать не только большой временной промежуток ее существования, неоднократность совершения преступлений членами

---

¹ См.: *Быков В. М.* Виды преступных групп: проблемы разграничения // Уголовное право. 2005. № 2. С. 21.

² См.: *Галиакбаров Р. Р.* Квалификация преступлений по признаку их совершения организованной группой // Российская юстиция. 2000. № 4. С. 47.

³ БВС РФ. 1997. № 3. С. 2.

⁴ См.: БВС РФ. 1997. № 8. С. 6.

группы, но и их техническая оснащенность, длительность подготовки даже одного преступления, а также иные обстоятельства (например, специальная подготовка участников организованной группы к проникновению в хранилище для изъятия денег (валюты) или других материальных ценностей)»¹.

Однако, как мы видим, и в этом постановлении не дается четкого и полного представления о признаке устойчивости. Прилагательное «устойчивый» в словаре трактуется как «стоящий, держащийся твердо, не колеблясь, не падая, постоянный»². Исходя из этого, считаем справедливым мнение В. М. Быкова, что понятие «устойчивость организованной группы» следует раскрывать «через постоянную совместную преступную деятельность группы в одном и том же ее составе, а техническая оснащенность, специальная подготовка членов группы и все остальное к понятию устойчивости группы не относятся»³. Кроме того, нельзя не отметить обоснованное предложение О. Н. Расщупкиной: «В целях единообразного толкования устойчивости в понятии “организованная группа” необходимо закрепить в ч. 3 ст. 35 УК России его содержание, под которым следует понимать планирование преступления (управление), подготовку и четкое распределение функций (ролей), наличие своеобразных форм и методов преступной деятельности»⁴.

Совершение захвата заложника с заранее обдуманым умыслом, как правило, связано с использованием сложных способов реализации этого преступления, определенным временем на подготовку. Оно требует от исполнителей наличия высокой степени организованности, распределения ролей, а главное – организатора (руководителя). Например, по данным исследований, 72,7 % случаев захватов людей осуществлялись организованными преступными группами⁵.

Представляется вполне очевидным, что квалифицировать действия виновных как совершенные организованной группой применительно к захвату заложника (-ов) необходимо и в тех случаях, когда группа объединилась с целью совершения преступлений, посягающих на один родовой объект, независимо от того, является ли он основным или дополнительным (жизнь и физическую свободу человека).

Стоит согласиться с позицией О. Ю. Резепкина, И. А. Журавлева в том, что если группа создана для совершения таких преступлений против личности, как убийство, изнасилование, похищение человека и т. д., а также против общественной безопасности и общественного порядка, но при этом совершает захват заложника, то действия виновных должны быть квалифицированы по ч. 3 ст. 206 УК РФ⁶. Если же будет доказано, что организованная группа была

---

¹ Российская газета. 2003. 18 янв.

² *Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1958. С. 643, 838.*

³ *Быков В. М. Указ. соч. С. 21.*

⁴ *Расщупкина О. Н. Указ. соч. С. 150.*

⁵ См.: *Адельханян Р. А. Указ. соч. С. 43.*

⁶ См.: *Резепкин О. Ю., Журавлев И. А. Указ. соч. С. 94–95.*

создана для совершения захвата заложников и находилась в состоянии подготовки к нему, но при этом не совершила данного деяния в связи, например, с изобличением, то действия виновных подлежат квалификации по ч. 1 ст. 30 и ч. 3 ст. 206 УК РФ.

Необходимо отметить, что в условиях борьбы с организованной преступностью и ее основой – преступностью групповой – следует давать юридическую оценку событию преступления в целом и, по общему правилу, инкриминировать каждому участнику всю совокупность последствий, рассматривая преступную группу как коллективный субъект преступления¹. Таким образом, все участники организованной группы, независимо от выполняемой каждым из них в процессе осуществления захвата заложников роли, признаются его соисполнителями. Следовательно, ссылка на ст. 33 УК РФ при квалификации не требуется².

Второе особо отягчающее обстоятельство захвата заложника связано с совершением указанных действий, *повлекших по неосторожности смерть человека*. Этот так называемый сложный состав (преступление с двойной формой вины, предусмотренное ст. 27 УК РФ) признается материальным и является оконченным в момент наступления биологической смерти (в результате неосторожных действий виновного) не только потерпевшего, но и любого человека, ставшего вольным или невольным участником данной криминальной ситуации (сотрудник правоохранительных органов или посторонний гражданин).

В действиях лица, совершившего данное преступление, необходимо устанавливать субъективную составляющую этих действий, а также причинно-следственную связь между действиями, связанными с захватом заложника и наступившими последствиями в виде смерти человека по неосторожности. При этом дополнительной квалификации по ст. 109 УК РФ не требуется.

Данная квалификация будет соответствовать указанным событиям тогда, когда виновный в процессе захвата или удержания заложника, то есть в момент выполнения объективной стороны исследуемого деяния, причиняет смерть человеку (например, потерпевшему) в результате своего легкомысленного отношения к этому последствию, когда он предвидит возможность наступления смерти, но при этом самонадеянно, без достаточных к тому оснований, рассчитывает на ее предотвращение (ч. 2 ст. 26 УК РФ). Именно преступное легкомыслие должно инкриминироваться при неосторожной форме вины захватчику заложников, учитывая повышенную общественную опасность его действий, которую он умышленно создает, предвидит возможность наступления серьезных неблагоприятных последствий конфликта и осознает их причинную связь. В данном случае смерть по неосторожности

---

¹ См.: Комиссаров В., Дубровин И. Проблемы ответственности соисполнителей за совместные преступные действия и их вредные последствия // Уголовное право. 2003. № 1. С. 27.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. С. 285.

может наступить в результате удушья, своевременного неоказания помощи хронически больному заложнику, неосторожного обращения с оружием и т. п., а также при причинении тяжкого вреда здоровью заложника, повлекшего по неосторожности его смерть.

Между тем существуют мнения, что при причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшему, повлекшего по неосторожности его смерть, действия виновного должны квалифицироваться по совокупности с ч. 4 ст. 111 УК РФ¹. Однако мы придерживаемся иной позиции: содеянное подлежит квалификации по ч. 3 ст. 206 УК РФ, так как по данной уголовно-правовой норме санкция выше на 5 лет лишения свободы (до 20 лет).

Обращаясь к третьему особо отягчающему обстоятельству, связанному с захватом заложника – к понятию «*иные тяжкие последствия*», – следует отметить, что оно законодателем не раскрывается. Являясь оценочной категорией, иные тяжкие последствия, как нам представляется, должны толковаться и определяться самим правоприменителем с учетом всех обстоятельств совершения этого деяния. Прежде всего, здесь необходимо устанавливать причинно-следственную связь совершенного захвата заложника и наступившими тяжкими последствиями.

Между тем при анализе материалов, характеризующих данный квалифицирующий признак, обращает на себя внимание тот факт, что среди ученых-юристов нет четкого единства в его оценочном определении. Например, В. Мальцев полагает, что в ч. 3 ст. 205 УК РФ говорится об иных тяжких последствиях как о реальной возможности смерти одного человека, причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью одного или нескольким лицам, нанесения крупного имущественного ущерба². Ковалев М. И. и А. В. Иващенко считают, что иными последствиями, указанными в ч. 3 ст. 206 УК РФ, являются причинение тяжкого вреда здоровью заложников, значительный имущественный (материальный) ущерб, грубые нарушения общественного порядка, движения транспорта, создавшего опасность аварий, авиационных катастроф, панику среди населения, и др.³ Со своей стороны О. Ю. Резепкин и И. А. Журавлев указывают, что речь должна идти в первую очередь о жизни и здоровье человека, причинении значительного материального ущерба, существенном нарушении экономической деятельности, возникновении международных конфликтов, а также самоубийстве лица, захваченного в качестве заложника, и случаях причинения умышленного или по неосторожности тяжкого вреда здоровью человека в процессе захвата или удержания заложника. Сюда же отнесены и последствия, указанные в ч. 1 ст. 111 УК РФ⁴.

---

¹ См.: Адельханян Р. А. Указ. соч. С. 15.

² См.: Мальцев В. Ответственность за терроризм // Российская юстиция. 1997. № 11. С. 35.

³ См.: Уголовное право / под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новоселова. С. 376; Уголовное право Российской Федерации / под ред. А. И. Марцева. С. 278.

⁴ См.: Резепкин О. Ю., Журавлев И. А. Указ. соч. С. 97–98.

Поддерживая в общем вышеуказанные мнения, мы не согласны с тем, что по отношению к иным тяжким последствиям, указанным в ч. 3 ст. 206 УК РФ, может быть умысел. «Косвенным подтверждением данной точки зрения, – пишет И. А. Журавлев, – является отсутствие указания на неосторожность при наступлении тяжких последствий совершения преступлений в редакции ст. 63 УК РФ»¹. В данном случае законодатель недвусмысленно указал как на смерть человека по неосторожности, так и на иные тяжкие последствия применительно к особо отягчающему обстоятельству отдельного состава преступления – захвату заложника, в связи с чем оно никак не может сравниваться со ст. 63 УК РФ. Кроме того, как уже указывалось нами выше, предложенная квалификация умышленного тяжкого вреда при захвате заложника по ч. 3 ст. 206 УК РФ ведет к необоснованному усилению ответственности. Представляется, что названное особо отягчающее обстоятельство должно оцениваться как преступное легкомыслие по отношению к наступившим тяжким последствиям в процессе совершения захвата заложника. Исходя из особенностей объективной стороны захвата заложника, по ч. 3 ст. 206 УК РФ в качестве иных тяжких последствий надлежит квалифицировать действия виновных, если имели место: причинение потерпевшим самому себе смерти или тяжкого вреда здоровью при самостоятельной попытке освободиться; смерть близких потерпевшему лиц как следствие переживаний за его судьбу; выкидыш у потерпевших женщин, находящихся в состоянии беременности, или смерть преждевременно родившегося ребенка²; возникшие в связи с захватом заложников межнациональные столкновения.

На практике нередко встречается умышленное причинение смерти в ситуациях, связанных с захватом заложника (-ов). Например, в феврале 1992 г. в следственном изоляторе № 45/1 г. Санкт-Петербурга группа осужденных захватила в заложники двух контролеров. Во время проводимых правоохранительными органами мероприятий, направленных на их освобождение, преступники нанесли заточкой многочисленные ранения одному из контролеров, от которых тот скончался на месте происшествия³. Федеральным законом от 30 декабря 2008 г. № 321-ФЗ ст. 206 УК РФ была дополнена частью четвертой⁴. Данное исключительное отягчающее обстоятельство предусматривает уголовную ответственность за умышленное причинение смерти человеку, совершенное виновным во время захвата и удержания заложника, и означает, что в этих действиях виновного лица отсутствует совокупность преступлений (ст. 206 и 105 УК РФ). Ранее – до введения указанной новеллы – в таких случаях, учитывая, что умысел, независимо от его вида (прямой или косвенный), был направлен на причинение смерти человеку, действия виновного в захвате

---

¹ Журавлев И. А. Указ. соч. С. 14.

² См.: Адельханян Р. А. Указ. соч. С. 16.

³ См.: Архив областного суда г. Санкт-Петербурга за 1996 г. Уголовное дело № 2-8/96.

⁴ Российская газета. 2008. 31 дек.

заложников квалифицировали по совокупности по п. «в» ч. 2 ст. 206 УК РФ (за насилие, опасное для жизни и здоровья) с п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

При этом необходимо отметить, что, исходя из текста редакции ч. 1 ст. 17 УК РФ (где совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание), по мнению ряда ученых, например Э. Побегайло, правильным было бы в соответствии с указанным изменением в ст. 17 УК РФ подкорректировать и редакцию п. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, вообще убрав из них указание на «сопряженные с убийством иные преступления»¹. Более того, сторонники исключения признака «сопряженности» М. Бавсун и Н. Вишнякова полагают, что существующий порядок квалификации убийства по совокупности с преступлениями, с которыми оно сопряжено, ведет к необоснованному завышению оценки общественной опасности преступлений путем двойного учета их признаков, а также способствует появлению противоречий, прежде всего, в правоприменительной деятельности². Вывод о том, что квалификация в названных случаях только по соответствующим пунктам ч. 2 ст. 105 УК РФ теоретически и практически оправданна делает также С. Улицкий³.

Однако мы согласны с выводом П. Яни, что сопряженность в видении Верховного Суда⁴ здесь подразумевает как идеальную, так и реальную совокупность, то есть убийство выходит за рамки деяния, сопряженного с ним, как совершенное уже после выполнения объективной стороны похищения человека, например, по мотивам мести за оказанное сопротивление. Такое «сопряженное» убийство законодатель справедливо считает более общественно опасным, нежели простое – «несопряженное» – убийство. Следовательно, установленное в ч. 1 ст. 17 УК РФ исключение не распространяется на совершение убийств, сопряженных с преступлениями, названными в ч. 2 ст. 105 УК РФ, поэтому в указанных случаях действия подлежат квалификации по совокупности преступлений⁵.

---

¹ Побегайло Э. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 4. С. 112–113.

² См.: Бавсун М., Вишнякова Н. Проблемы квалификации убийства, сопряженного с иными преступлениями // Уголовное право. 2004. № 4. С. 9.

³ См.: Улицкий С. Указ. соч. С. 61.

⁴ См. об этом: п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»; п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131, 132 УК РФ» // БВС РФ. 2004. № 8. С. 2.

⁵ См.: Яни П. Сопряженность не исключает совокупности // Законность. 2005. № 2. С. 27.

Кроме того, совершенно справедливым считаем мнение Н. Н. Салевой о том, что признак «сопряженности» убийства выступает производным от иных квалифицирующих признаков убийства, например, «с целью облегчить совершение другого преступления». Соответственно, убийство, совершенное в связи с захватом заложника, даже при отсутствии в ч. 2 ст. 105 УК РФ признака «сопряженности», было бы признано квалифицированным, и поэтому оно не является обстоятельством, влекущим более строгое наказание. Исходя из этого, совокупность преступлений не исключается¹.

Завершая исследование отягчающих и особо отягчающих обстоятельств, связанных с совершением захвата заложника, следует сделать вывод о том, что они оказывают существенное влияние на квалификацию данного деяния, помогая уяснить высокую степень посягательства на общественную безопасность в зависимости от особенностей субъекта (потерпевшего), объективной и субъективной сторон. Численность и организованность лиц, виновных в захвате заложников, являясь обстоятельством, отягчающим наказание для субъекта преступления, в то же время устанавливает повышенные требования, предъявляемые к субъекту действий по освобождению заложников. Однако анализ уголовного законодательства и судебной практики свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования положений ч. 2 и 3 ст. 206 УК РФ, что позволит правоприменителю более полно учитывать повышенную общественную опасность в пределах указанного состава преступления.

В заключение рассмотрения обстоятельств, отягчающих ответственность за захват заложника, необходимо обратить внимание на то, что законодатель в интересах благополучного освобождения заложника предусмотрел примечание, где, в частности, сказано о возможности освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего данное деяние, в случае его добровольного или по требованию властей прекращения своих преступных действий, если им не были совершены действия, предусмотренные другими статьями уголовного закона (причинение вреда здоровью, умышленное уничтожение чужого имущества, преступное нарушение правил, регулирующих изготовление, приобретение и использование оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем и т. д.)², то есть совершенное лицом деяние не должно выходить за рамки, предусмотренные ст. 206 УК РФ. Если же они вышеперечисленные действия были совершены, то освобождение заложника не освобождает виновного от уголовной ответственности за эти действия.

Вместе с тем судебная практика не признает освобождение заложника добровольным, если оно состоялось после выполнения требований похитителя, и

---

¹ См.: Салева Н. Н. Убийство, сопряженное с иными преступлениями: проблемы квалификации и уголовной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 15.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. С. 204.

виновный подлежит уголовной ответственности. Так, Президиум Верховного Суда РФ от 23 июля 1997 г. в отношении действий Расулова, освободившего похищенного только после выполнения требований, выдвинутых преступником, указал, что их «... нельзя расценивать как “добровольные” в том смысле, как “добровольность” понимается уголовным законом, поскольку фактическое освобождение потерпевшего состоялось уже после выполнения условий, выдвинутых похитителями, когда их цель была достигнута и оказался утраченным смысл дальнейшего удержания заложника. При таких обстоятельствах Расулов не может быть освобожден от уголовной ответственности на основании примечаний к ст. 126 и 206 УК РФ»¹.

Следует согласиться с теми авторами, которые считают, что юридическая природа примечания ст. 206 УК РФ должна полностью отвечать условиям оконченного преступления, когда выполнены объективная сторона состава преступления и предъявление требований к третьим лицам². Это обусловлено особенностями совершения захвата заложника и означает, что виновный должен быть освобожден от уголовной ответственности не только при условии добровольного самостоятельного решения об освобождении заложника, но и в случае, если потерпевший был освобожден по требованию властей³. В отличие от похищения человека, где все происходит в большинстве случаев тайно, без намерения извещать официальные органы, при захвате заложника виновный открыто противостоит правоохранительным органам, поэтому он находится в состоянии вынужденного действия – предъявления требования властям. Таким образом, для признания правомочности данного примечания действия виновного должны быть актом собственного волеизъявления, то есть лицу, захватившему заложника, следует подчиниться требованию властей и освободить пострадавшего в ходе переговорного процесса, а не в процессе силовых действий по освобождению заложника штурмовой группой. Как указано в определении Верховного Суда РФ по делу Д., «под добровольным освобождением человека, по смыслу закона, понимается такое освобождение, которое не обусловлено невозможностью удерживать похищенного...»⁴.

В целом примечание к ст. 206 УК РФ, по нашему мнению, полностью оправдано как поощрительная норма для позитивного послепреступного поведения. Данная норма социально обоснована и допустима с позиций Конституции РФ и принципов уголовного права, поскольку направлена на сохранение жизни и здоровья человека. На практике она выступает действенным компромиссом в пресечении захвата заложников.

---

¹ БВС РФ. 1998. № 6. С. 12–13.

² См.: Овчинникова Г. В., Павлик М. Ю., Коршунова О. Н. Указ. соч. С. 83.

³ См.: Хамаганова А. Х. Специальные виды освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений террористического характера // Адвокат. 2003. № 10. С. 15.

⁴ БВС РФ. 2000. № 3. С. 7.

§ 3. Отличие захвата заложника от смежных составов преступлений

Изучение материалов уголовных дел о захвате заложника и других смежных составах преступлений, а также проведенный в ходе настоящего исследования анализ деятельности правоохранительных органов по освобождению заложников показывают, что в правоприменительной практике наблюдается множество проблем, связанных с несовершенством уголовного законодательства.

Особенные трудности вызывает отграничение захвата заложника от смежных с ним преступлений. Схожесть с захватом заложника по тем или иным признакам имеют, в первую очередь, преступные деяния, связанные с посягательством на личную свободу человека и общественную безопасность, такие как похищение человека и незаконное лишение его свободы (ст. 126, 127 УК РФ), террористический акт (ст. 205 УК РФ), захват воздушного судна или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст. 211 УК РФ) и пиратство (ст. 227 УК РФ). Указанные составы, за исключением деяний, составы которых предусмотрены ст. 126 и 127 УК РФ, расположены в гл. 24 Особенной части Уголовного кодекса «Преступления против общественной безопасности» вместе с исследуемой уголовно-правовой нормой (ст. 206 УК РФ).

Наибольшее количество совпадающих признаков анализируемого нами деяния имеют такие смежные составы преступлений, как похищение человека и незаконное лишение его свободы. Они содержатся в гл. 17 УК РФ «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» и, казалось бы, непосредственно разграничиваются с захватом заложника по объекту. Тем не менее общими признаками для этих составов являются: насильственное ограничение свободы передвижения потерпевшего и лишение его возможности свободно общаться с другими лицами, а если это допускается, то только по указанию преступников. Сравнительный анализ объективных сторон указанных составов преступлений показывает, что незаконное лишение свободы и захват заложника включают в себя, помимо удержания (совпадение этих составов по объективной стороне), еще и захват, который отражает перемещение захваченного лица в пространстве и является однородным захвату по содержанию объективной стороны при похищении человека¹.

Как уже отмечалось, в ранее действовавшем законодательстве указанные деяния были размещены в одной главе и их единым родовым объектом являлись общественные отношения, обеспечивающие свободное и нормальное существование личности, а непосредственным объектом выступала свобода личности. Нельзя не отметить, что еще в 1992 г. в своей диссертационной работе Н. Н. Козлова сделала очевидный для нас сегодня ошибочный вывод о

---

¹ См.: *Гринько С. Д.* Борьба с терроризмом и захватом заложника: Уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 1998. С. 23.

том, что основным непосредственным объектом захвата заложников являются отношения личной свободы¹. Данное обстоятельство говорит о том, что сложный характер объекта исследуемого нами состава преступления не мог найти точного отражения в системе классификации преступлений по главам, так как Уголовный кодекс учитывает лишь основную направленность деяния, наиболее важную часть общественных отношений, на которые оно посягает, выделяя его основной непосредственный объект – общественные отношения в сфере общественной безопасности. Однако тщательный уголовно-правовой анализ объективной и субъективной сторон названных преступлений позволяет их отграничить.

Если рассматривать термины «лишенный свободы», «похищенный» и «заложник», то можно установить, что эти понятия не тождественны. Так, понятие «похищенный» происходит от слова «похитить» – тайно увести, унести, украсть², а «заложник» от слова «залог» – отдать в обеспечение обязательств (имущества) по суду, отданная в такое обеспечение вещь; «выкупить» – значит, заплатив деньги, вернуть залог; заплатить деньги или выполнить какое-нибудь требование, освободить заложника, пленника³. Кроме того, каждый заложник или похищенный лишен свободы, но не каждый лишенный свободы похищен или является заложником. Следовательно, данные термины находятся в соотношении частного к общему, где частное – похищенный человек и заложник, а общее – лишенный свободы.

Таким образом, ст. 127 УК РФ, предусматривающая ответственность за незаконное лишение свободы, является общей по отношению к ст. 206 УК РФ, так как при захвате заложников имеет место лишение человека свободы на определенный период времени. Различия этих преступлений по объективной стороне состоят в следующем: при лишении свободы, как правило, человека насильственно удерживают в привычной для него обстановке (в своем доме, по месту работы и т. д.), тем самым лишая его права на свободное передвижение и возможности менять свое местонахождение по собственному усмотрению. Оно может быть совершено не только путем активных действий, но и путем бездействия. Что же касается захвата заложника, то потерпевшего не только удерживают в разных местах, но и чаще всего удержанию предшествует захват, который проводится только активными действиями с применением физического или психического воздействия. Кроме того, сам факт лишения свободы не придается огласке, тогда как факт удержания заложников носит открытый характер и сопровождается передачей преступником каких-либо требований к третьей стороне – государству, юридическому или конкретному должностному лицу. При незаконном лишении свободы подобные требования либо отсутствуют, либо предъявляются непосредственно лицу,

---

¹ См.: Козлова Н. Н. Указ. соч. С. 14.

² См.: Словарь русского языка. М., 1983. Т. 3. С. 331.

³ См.: Ведомости Верховного Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ (далее – ВСНД РФ и ВС РФ). 1993. № 10. Ст. 362.

лишенному свободы. Как справедливо отмечает А. Г. Блажнов, объективная сторона захвата заложника характеризуется особой формой выражения – публичностью выдвигаемых требований¹. Об этом свидетельствует проведенный им опрос судей (84 %) и следователей (67 %), выделивших указанный признак в качестве основного.

Так, в ноябре 2001 г. братья М. и Ф. Абасовы по предварительному сговору насильно доставили Гордина, Григорьева и Иванова в подвальное помещение своего магазина, где заперли и избивали их. В течение трех суток, удерживая против воли всех троих и избивая, преступники заставили Гордина отдать свою квартиру М. Абасову, за якобы причиненный подтоплением ущерб магазину, оформив при этом доверенность на продажу или обмен, после чего потерпевших отпустили. Утром 10 сентября 2002 г. Абасовы заперли в подсобном помещении магазина Дуляпину за то, что ее дочь не передала потребованные ими ранее под угрозой пистолета 50 тыс. рублей и стала от них скрываться. Причинив Дуляпиной кровоподтеки на лице, не повлекшие вреда здоровью, ее освободили лишь в 19 ч, после того, как М. Абасову позвонила дочь Дуляпиной и сказала, что везет ему деньги. Вскоре после передачи М. Абасову 1400 дол. США оба брата были задержаны сотрудниками милиции.

Органы предварительного следствия квалифицировали действия Абасовых по п. «а» ч. 3 ст. 163, ч. 3 ст. 206 и ч. 3 ст. 222 УК РФ. Однако суд, с учетом установленных по делу фактических обстоятельств, мнения государственного обвинителя, потерпевших, требований закона обоснованно счел необходимым, в частности, исключить из обвинения подсудимых такой квалифицирующий признак, как совершение ими преступлений организованной группой, а также переqualифицировать действия виновных с ч. 3 ст. 206 УК РФ на п. «а» и «ж» ч. 2 ст. 127 УК РФ как незаконное лишение человека свободы, совершенное группой лиц по предварительному сговору, в отношении двух и более лиц по совокупности с п. «а» и «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ. Суд счел, что «поскольку захват заложника подразумевает направленность умысла виновного против общественной безопасности и, как правило, связан с публичным высказыванием определенных требований, в данном случае действия подсудимых были направлены против свободы, чести и достоинства личности, носили по существу скрытый характер»².

Материалы дела подтверждают наше мнение о том, что захват заложника и незаконное лишение свободы – разные преступления. Отличительными критериями этих деяний являются: различный объем конструкций объективной стороны составов преступления (диспозиция ст. 206 УК РФ шире), разный умысел воздействия на объект уголовно-правовой охраны (публичный характер захвата заложника), а также возраст наступления уголовной ответственности (за незаконное лишение свободы он равняется шестнадцати годам).

---

¹ См.: Блажнов А. Г. Указ. соч. С. 121.

² Архив Новокузнецкого городского суда Кемеровской области за 2004 г. Уголовное дело № 2-146/04.

Наиболее сложно разграничить захват заложника и похищение человека, так как и в том и в другом деянии предполагается захват и насильственное удержание потерпевшего. Об этом свидетельствует и судебная практика. Так, в результате проведенного В. А. Осиповым исследования установлено, что 30 % уголовных дел, возбужденных по ст. 206 УК РФ, в суде переqualифицируются на ст. 126 УК РФ¹. Показательным представляется пример, когда судом были обоснованно переqualифицированы действия гр. А. со ст. 206 УК РФ на ст. 126 УК РФ, который обманным путем вывез гр. Б. за пределы Омской области в один из городов Кавказского региона, где его удерживал, и требовал от жены гр. Б. определенную сумму денег за освобождение ее мужа².

На всем протяжении действия названных норм существует потребность точного, научно обоснованного решения вопросов их разграничения, продиктованная интересами практики применения закона. Как ранее было отмечено Л. Д. Гаухманом, С. В. Максимовым, С. Сауляком и Н. Э. Мартыненко, а в настоящее время И. А. Мироновым, данные составы преступления «практически не поддаются точному отграничению один от другого, что вызвано недостаточно определенными формулировками признаков этих преступлений в диспозициях соответствующих статей», а уголовное законодательство и судебная практика не выработали понятия «похищение человека» и не определили достаточно четко охватываемый ими круг деяний³. В основном, с приведенными утверждениями можно согласиться.

Понятие похищения человека, действительно, не определено законом, но частично раскрывается судебной практикой. В постановлении Президиума Верховного Суда РФ по делу А. сказано, что «по смыслу закона под похищением человека следует понимать противоправные умышленные действия, сопряженные с тайным или открытым завладением (захватом) живого человека, перемещением его с постоянного или временного местонахождения в другое место и последующим удержанием в неволе. Основным моментом объективной стороны данного преступления является захват потерпевшего с места его нахождения и перемещение с целью последующего удержания в другом месте»⁴. Раскрытая высшим судебным органом диспозиция ст. 126 УК РФ никак не облегчает разграничение с захватом заложника, так как указанная объективная сторона может быть присуща обоим составам. Отличие при этом имеется в тех случаях, когда заложники удерживаются в месте, где они были

---

¹ См.: *Осипов В. А.* Указ. соч. С. 3.

² См.: Архив Омского областного суда за 1999 г. Уголовное дело № 1-112/99.

³ См. об этом: *Гаухман Л. Д., Максимов С. В., Сауляк С.* Об ответственности за захват заложников и похищение человека // *Законность.* 1994. № 10. С.43; *Мартыненко Н. Э.* Похищение человека: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 3; *Миронов И. А.* Уголовно-правовые и криминологические аспекты похищения человека. М., 2002. С. 4.

⁴ См.: БВС РФ. 2001. № 1. С. 10.

захвачены (например, в театре во время представления или в транспортном средстве, осуществлявшем их перевозку), что исключается при похищениях, предусматривающих обязательное перемещение потерпевших для насильственного удержания в иное место. Однако для определения отличительного критерия необходимо вернуться к объекту преступного посягательства.

Вначале обратим внимание на мнение В. Бриллиантова, который отмечает, что «во многих случаях при похищении, так же как и при захвате, целью посягательства оказывается не свобода человека, а иные общественные отношения». Далее автор поясняет: «Как и при захвате, требования об их передаче [о передаче денег, имущества, прав. – Авт.], совершении определенных действий или воздержании от их совершения предъявляются, как правило, не самому похищенному, а иным лицам, заинтересованным в его освобождении». Затем ученый делает категоричный вывод о том, что «свободу человека необходимо считать дополнительным объектом, а основным – общественную безопасность. В этой связи во многих случаях разграничение захвата заложника и похищения человека из корыстных побуждений по объекту преступления невозможно»¹. На наш взгляд, данное утверждение не вполне соответствует истине, и мы попытаемся изложить свою точку зрения на проблему отграничения анализируемых составов.

Первое отличие захвата заложника заключается в объекте – угрозе общественной безопасности, поскольку главным признаком, по которому этот состав включен в гл. 24 УК РФ, является то, что любой член общества потенциально виктимен при полном отсутствии с его стороны виктимного поведения². Отсутствие возможности конкретизации жертв данного преступления определяет указанное посягательство как опасное и для каждого, индивидуально неопределенного члена общества, и для всего общества в целом.

Непосредственным объектом похищения, напротив, является конкретная личность со своим правом на свободу, так как для лиц, совершивших похищение человека, решающее значение имеет выбор жертвы, которая, как правило, обладает индивидуальной виктимностью. Это могут быть: конкретный должник; предприниматель или лицо, которое, по мнению преступников, способно выполнить их требования либо имеет близких, готовых заплатить выкуп; лицо, указанное заказчиком при совершении похищения по найму; лицо, обладающее профессиональными навыками и предназначенное после похищения выполнять рабскую работу, и т. д. Например, 14 января 2004 г. преступной группой был похищен сын заместителя главы Щелковского района Подмосковья А. Лобяна, который являлся менеджером банка «Возрождение».

---

¹ Бриллиантов В. Похищение человека или захват заложника? // Российская юстиция. 1999. № 9. С. 43.

² См.: Дикаев С. У. Общественная безопасность как основной объект уголовно-правовой охраны при терроризме // Следователь. 2003. № 7. С. 62.

Похитители, не договорившись с похищенным, убили его, а отцу отправили письмо с требованием выплатить 60 млн рублей за освобождение сына¹.

По данным исследований, в подавляющем большинстве случаев побудительными мотивами преступников, совершающих похищения людей, являются корыстные (95 %), а указанная виктимная социальная группа составляет 73 %. Требования похитителей о выплате сумм выкупа или долга предъявлялись родственникам, друзьям или сослуживцам: непосредственно участниками преступления в 65 %, через третьих лиц (посредников) в 35 %; посредством письменного обращения в 12 %; по телефону в 75 %; иными способами (посредством записанного на аудио-, видеокассету обращения похищенного, личного контакта с родственниками потерпевшего) в 13 % случаев².

Следовательно, при похищении потерпевший выступает в качестве средства причинения вреда, а объектом является его физическая свобода. В случае захвата заложник выступает в качестве способа совершения деяния, которое причиняет вред такому объекту преступления, как общественная безопасность.

Второе отличие связано с критерием отграничения захвата от похищения, заключающимся в наличии специальной цели, указанной в диспозиции ст. 206 УК РФ, которая, в свою очередь, свидетельствует о наличии основного непосредственного объекта – общественной безопасности. Этим критерием является факт выдвижения определенных требований государству, организациям или гражданам как условие освобождения потерпевшего. Похищение человека отличается тем, что требования всегда предъявляются непосредственной жертве или ее близким (знакомым). Как совершенно верно заметила Н. Мартыненко, «при похищении людей всегда есть непосредственная жертва (которая может одновременно являться и косвенной), если к ней предъявляются требования; может быть косвенная (родственники похищенного), но вряд ли возможна сопричастная жертва, так как требования всегда предъявляются конкретному адресату»³.

Мы признаем бесспорным здесь тот факт, что если требования предъявляются самому незаконно удерживаемому, то данный случай нельзя рассматривать как захват заложника, поскольку заложник не может быть «заложен» сам у себя⁴. Если же требования предъявляются родственникам похищенного или его друзьям, коллегам по бизнесу, которых следует отнести к категории граждан (физических лиц), то здесь мы обнаруживаем прямое сходство с захватом заложника по выдвижению требований к третьей стороне. Похищение человека в целях получения выкупа (из корыстных побуждений) и захват

---

¹ См.: Крутов О. Письма мертвого человека // Щит и Меч. 2004. 5 февр.

² См.: Дамбаев Ц. Д. Указ. соч. С. 14–16.

³ Мартыненко Н. Э. Указ. соч. С. 45.

⁴ См.: Михаль О. Вопросы квалификации незаконного лишения свободы, похищения человека и захвата заложников // Уголовное право. 2003. № 4. С. 48.

заложника в целях получения выкупа от граждан во многом тождественны, так как отсутствуют четкие законодательные критерии их разграничения¹.

Данное замечание согласуется и с мнением А. Чистякова, считающего, что при захвате заложников значение имеет адресат требований, который должен быть не просто физическим лицом, а лицом, облеченным определенными должностными полномочиями, или быть публичным лицом (политический деятель, активист общественного движения, партии и т. п.), но не может быть расценен как близкий потерпевшего². Очевидно, что для разграничения указанных составов необходим четкий критерий в перечислении категорий лиц, относящихся к третьей стороне.

В этой связи, на наш взгляд, представляется не совсем удачным указание в диспозиции ст. 206 УК РФ на гражданина. Во-первых, предъявление требований и факт удержания заложника, в отличие от похищения человека, носят открытый характер. Это становится общеизвестным фактом, после чего субъект преступления сознательно вступает в отношения с представителями власти и правоохранительными органами государства. Здесь не важно, кто будет выполнять условия освобождения заложников. К ним, как известно, требования не предъявляются, они становятся «разменной монетой», которой преступники могут расплатиться, если их требования будут выполнены.

Еще раз подчеркнем, что объекты понуждения в данном случае не связаны никакими отношениями с потерпевшими и не имеют никаких личностных обязанностей перед ними. Кроме того, стоит согласиться с В. С. Комиссаровым в том, что «не учитывается существование уголовно-правовой нормы похищения человека, при котором также нередко предъявляются требования родственникам и близким похищенного. Однако при захвате заложников под угрозу ставится нечто большее, чем интересы личности, а именно интересы, связанные с безопасными условиями жизни общества»³.

Во-вторых, как показывает практика, требование преступник предъявляет не рядовому гражданину (обывателю), а лицам, занимающим высокое административное (должностное) или общественное положение. Например, обманутый вкладчик требует от директора коммерческого банка вернуть вложенные в банк деньги или от Председателя правительства – прекращения военных действий, выдачи арестованных, как было при захвате и удержании чеченскими боевиками двух тысяч заложников в больнице г. Буденовска.

Следовательно, для четкого определения наличия состава захвата заложника необходимо четко закрепить суть требований к государству, организациям, а также лицам, занимающим должностное или общественное положение,

---

¹ См.: *Потапкин С. Н.* Незаконное лишение свободы по российскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 7.

² См.: *Чистяков А.* Захват заложников и другие деяния... // *Человек: преступление и наказание.* 1995. № 4 (9). С. 15.

³ *Комиссаров В. С.* Захват заложников: происхождение нормы, вопросы совершенствования // *Законность.* 1995. № 3. С. 46.

и установить, как отмечают многие правоведы, нормативно-конкретное понятие уголовно-правовой нормы – «похищение человека»¹.

Таким образом, основным критерием отличия рассматриваемого состава от похищения человека будет открытое удержание заложника и непосредственное предъявление требований к вышеопределенным третьим лицам. Приведем примеры реальных событий.

27 сентября 1993 г. поступил звонок от неизвестного, сообщившего, что его уже два дня насильно удерживают в незнакомой ему квартире. На определенный по номеру телефона адрес выехала оперативная группа и успешно освободила потерпевшего. Обстоятельства его похищения были следующими: бизнесмен А. из Алма-Аты приехал в Омск, чтобы заключить коммерческую сделку, как оказалось позже, с преступным авторитетом, решив при этом его обмануть. К А. приехали члены преступной группировки, погрузили в машину и привезли в квартиру, где потребовали, чтобы он продал свою квартиру в счет погашения долга. Для связи с близкими А. дали телефон, по которому он смог скрытно позвонить в милицию².

28 сентября 24-летний уроженец г. Североуральска А. Палий в детском саду № 226 захватил и удерживал в качестве заложников двадцать детей и двух воспитателей. Вооруженный взрывным устройством террорист требовал крупную сумму денег в иностранной валюте, оружие и самолет для вылета в Ирак. Напряженные переговоры с Палий продолжались более шести часов. Когда нервы преступника не выдержали, и возникла реальная угроза жизни заложников, оперативным штабом было принято решение на обезвреживание террориста. Дождавшись удобного момента, когда преступник во время приема пищи убрал руки от взрывного устройства, группа захвата произвела его обезвреживание (ликвидацию)³.

Анализ первого события свидетельствует о наличии похищения человека (бизнесмена), где сведения о лицах, совершивших похищение, в любом случае не разглашаются, местонахождение похищенного и сам факт предъявления его близким требований содержатся в тайне от всех. Более того, эти лица предупреждаются о тяжких последствиях для похищенного в случае их обращения в правоохранительные органы⁴. Лица, совершившие похищение, выбрали не случайную жертву, а конкретного должника.

Что касается следующего примера, то сам захват и удержание осуществлялись демонстративно. Место удержания заложников совпало с местом их захвата, что, естественно, стало достоянием гласности. Преступник предъявил требования как условие освобождения заложников открыто, в ультимативной

---

¹ См. об этом: *Адельханян Р. А.* Указ. соч. С. 37–38; *Габимова Г. В.* Похищение человека: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 11.

² См.: *Баринов И.* Первый омский заложник // Труд-7. 2002. 6 нояб.

³ См.: Архив прокуратуры г. Омска за 1993 г. Уголовное дело № 800144.

⁴ См.: *Расследование похищения человека: метод. пособие.* М., 2000. С. 5.

форме к органам государственной власти. Жертвой данного преступления стали лица, не имеющие никакого отношения к террористу, но выбор объекта захвата был целенаправленным – побудить государственные органы исполнить выдвинутые им требования.

Имеют место случаи, когда лица совершают похищение человека, выдвигают условия выкупа его близким, а место удержания пострадавшего становится известным правоохранным органам. Во время проведения специальной операции по освобождению похищенного и задержанию подозреваемых они обнаруживают себя, вследствие чего происходит открытое противостояние правоохранных структур с виновными, которые предъявляют требования предоставить им транспорт и определенную сумму денег в качестве условий освобождения заложника. Иначе говоря, возникает ситуация перерастания похищения человека в захват заложника. В связи с этим встает вопрос о возможности подобной ситуации вообще и правильной квалификации действий виновных в частности. По данным проведенного опроса сотрудников прокуратуры и органов внутренних дел 80,5 % респондентов считают, что возникновение такой ситуации весьма вероятно.

Мы согласны с мнением большинства о возможности такой криминальной ситуации, однако считаем, что содеянное необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 126, 206 УК РФ. Это обосновывается тем, что, несмотря на совпадение объективной стороны, указанные преступные действия нарушают различный объект и имеют неодинаковые субъективные признаки преступления, поскольку вначале человека лишают свободы, скрывают его от общества с целью тайного получения за его свободу выкупа, а в последующем удерживают как заложника с целью ухода от уголовной ответственности, выдвигают требования представителям государства.

От правильной квалификации преступлений, в том числе и по их совокупности, зависит вынесение справедливого приговора суда. В соответствии со ст. 69 УК РФ наказания за данные деяния назначаются путем частичного или полного их сложения, что является более строгой мерой. Однако в специальной юридической литературе по этому поводу высказаны точки зрения о том, что нормы об ответственности за захват заложника и за похищение человека соотносятся как специальная и общая, где, как известно, применяется специальная норма, и при этом не имеет значения адресат предъявления требований¹. Данные преступления имеют самостоятельное уголовно-правовое значение и не могут быть тождественными, так как ими нарушаются различные объекты, что, на наш взгляд, не влечет полной конкуренции².

Таким образом, изложенное подтверждает мнение о том, что захват заложника и похищение человека не одно и то же. Каждый состав преступления

---

¹ См. об этом: *Бриллиантов В.* Похищение человека или захват заложника? С. 43; *Габибова Г.* Отграничение похищения человека от захвата заложника // *Законность.* 2002. № 11. С. 51.

² См.: *Кудрявцев В. Н.* Указ. соч. С. 225.

имеет свои отличительные признаки, позволяющие отграничить их друг от друга. Тем не менее в действительности данные составы сложнее всего поддаются разграничению.

Во-первых, это связано с отсутствием законодательного определения понятия похищения человека. С целью устранения данного пробела, учитывая практику и различные точки зрения в правовых источниках, предлагаем диспозицию ст. 126 УК РФ изложить в следующей редакции: *«Захват и перемещение человека в другое место с последующим его тайным удержанием, совершенные путем психического, физического насилия или обмана»*.

Во-вторых, обращение к диспозиции ст. 206 УК РФ показывает, что в ней субъектом понуждения, наряду с государством и организацией, называется и гражданин. Подобная формулировка является не вполне корректной, так как она не позволяет в достаточной мере разграничить захват заложника и похищение человека, особенно в тех случаях, когда они совершаются из корыстных побуждений. Кроме того, основной критерий отграничения этих составов выражен самой формой криминального поведения виновного в захвате заложников – публичным противостоянием и понуждением государственных структур или различных организаций либо непосредственным обращением к лицам, занимающим определенное государственное или общественное положение.

Это подтверждает и проведенный анкетный опрос сотрудников органов внутренних дел и прокуратуры. Так, на вопрос: «По каким признакам следует отграничивать состав преступления “захват заложника” от состава “похищение человека”, предусмотренного ст. 126 УК РФ?» 13,2 % респондентов отметили: «место удержания заложника виновным не скрывается»; 32,8 % подчеркнули: «выдвигаемые требования открыто адресуются государству или представителям власти (общественным деятелям), а не тайно, близким (сослуживцам) заложника». 3,6 % лиц назвали подобным признаком открытое противодействие правоохранительным органам; большинство – 50,4 % – совокупность перечисленных действий.

Указанный критерий отграничения согласуется и с мнением специалистов, считающих, что, «видимо, под гражданином, в интересах отграничения однотипных составов преступлений, было бы правильным понимать только лицо, которое наделено определенными полномочиями представителя той или иной ветви власти, общественной или иной организации, а также коммерческой организации, которые правомочны принимать то или иное решение в интересах лиц, захвативших заложников. Поэтому было бы обоснованным заменить “гражданина” на “их представителя”»¹.

Вместе с тем представляется, что данная замена не будет точно отражать адресата требований, так как субъектом требований может быть не только и не просто представитель власти или организации, но и конкретный общественный

---

¹ Устинова Т. Терроризм: некоторые вопросы совершенствования уголовного законодательства и практики его применения // Уголовное право. 2005. № 5. С. 61.

деятель¹. Следовательно, решение этого вопроса мы видим в замене слова «гражданин» на «общественный (политический) деятель».

Разграничивать преступления по объективной стороне, как правило, приходится и в тех случаях, когда оба деяния посягают на один и тот же основной непосредственный объект.

В первую очередь это относится к террористическому акту, так как очень часто захват заложников содержит признаки данного деяния, особенно, когда виновный угрожает совершением каких-либо действий. Федеральный закон № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» впервые четко отграничивает террористический акт как деяние от понятия «терроризм», определяя его как «идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанную с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»². При этом в законе отсутствует понятие «преступление террористического характера», хотя косвенно законодатель называет его в ст. 24³. Международные правовые акты захват заложников относят к преступлениям террористического характера.

Объективную сторону ст. 205 УК РФ «Террористический акт» образуют, во-первых, активные действия (совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий), во-вторых, угроза совершения указанных действий в тех же целях.

Анализируя соотношения признаков объективных сторон указанных деяний, мы находим основное отличие: захват и удержание человека в составе преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ, и совершение взрыва, поджога, причинения значительного имущественного ущерба или иных опасных действий при террористическом акте. Оценивая неразрывную связь объективных и субъективных признаков, следует отметить, что как в случае с захватом заложника, так и в новой редакции ст. 205 УК РФ законодателем установлена четкая единственная цель совершения данного деяния – оказание давления на органы власти или международные организации, которые «объективируются» в требовании террориста⁴. Здесь просматривается схожесть целей

---

¹ Государственными деятелями признаются не просто сотрудники государственных учреждений, но лица, которые по своему должностному положению вправе принимать самостоятельные и ответственные решения (чиновники категории «А»). *Общественный деятель* – это лицо соответствующего уровня, руководитель или видный член общественного объединения, организации, партии, движения, человек, пользующийся известностью в общенациональном и международном масштабе. (См.: Терроризм и контртерроризм в современном мире: аналитические материалы, документы, глоссарий: научно-справочное издание / под общ. ред. акад. О. А. Колобова. М., 2003. С. 420–421).

² Российская газета. 2006. 10 марта.

³ См.: Косарев М. Новый антитеррористический закон России // Законность. 2006. № 8. С. 26.

⁴ См. об этом: Кибальник А. Оценка «антитеррористических» новелл уголовного закона // Уго-

– «понуждение государства» и «оказание воздействия на органы власти», поэтому возможны ситуации, когда при захвате заложника преследуются такие же цели, что и при совершении акта терроризма (например, получение выкупа, освобождение сообщников и т. п.). К таким ситуациям применимо определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по делу Бугаева и других от 11 февраля 2000 г. № 2-0122/99. Так, действия Бугаева и Хозяинова, связанные с захватом и удержанием заложников, предъявлением требований предоставить оружие и самолет, высказанными угрозами расстрела заложников и созданием угрозы для жизни людей путем взрыва канистр с бензином, квалифицированы наряду со ст. 206 УК РФ также и по ст. 205 УК РФ как терроризм.

Материалы уголовного дела в отношении Мальсагова были выделены в отдельное производство для применения принудительных мер медицинского характера. Между тем из них усматривается, что высказанные Мальсаговым и Бугаевым угрозы расстрела заложников и производство выстрелов из автоматов в воздух не были направлены на нарушение общественной безопасности, устрашение населения или оказание воздействия на принятие решения органом власти, а преследовали цель добиться от командования выполнения требований о предоставлении оружия и самолета, чтобы вылететь с острова. Канистры же с бензином преступники занесли в автомобиль, а затем в салон самолета в других целях.

При таких обстоятельствах Военная коллегия пришла к выводу о том, что вышеуказанные действия Бугаева и Хозяинова охватываются составом преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ, в совершении которого их признали виновными, и не требуют дополнительной квалификации по ст. 205 УК РФ. В связи с этим приговор военного суда флота в отношении данных лиц изменен: из приговора исключено указание об осуждении Бугаева и Хозяинова по п. «а», «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ, и по совокупности совершенных преступлений наказание им снижено¹.

В данном случае сравнение диспозиций указанных норм позволяет утверждать, что террористический акт является общей нормой по отношению к захвату заложника. Таким образом, когда захват заложника подпадает одновременно под признаки преступления, предусмотренного ст. 205 и 206 УК РФ (то есть имеется конкуренция общей и специальной норм), следует применять специальную норму². Если же в содеянном устанавливаются деяния, характерные для обоих составов, то содеянное необходимо квалифицировать по совокупности данных преступлений. Именно по совокупности терроризма и

ловное право. 2006. № 5. С. 49; *Ермакова Л., Комарова М.* Цель как признак терроризма // Уголовное право. 2002. № 2. С. 23–24; *Долгова А. И.* Указ. соч. С. 101.

¹ См.: БВС РФ. 2001. № 1. С. 10.

² См.: *Сопов Д. В.* Уголовная ответственность за терроризм: проблемы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 19.

захвата заложников были квалифицированы нападение чеченских боевиков на г. Буденновск и последующее за этим удержание многих заложников в районной больнице летом 1995 г.¹, трагические события 23 октября 2002 г. в г. Москве, когда заложников захватили в Театральном центре на ул. Мельникова², а также захват 1 сентября 2004 г. заложников в средней школе № 1 г. Беслана. Чтобы исключить полную зависимость данной квалификации от судебного усмотрения, справедливо отмечает С. У. Дикаев, необходимы четкие законодательные критерии, позволяющие рассматривать захват заложника как разновидность проявления терроризма. Этим критерием, по его мнению, может быть политический характер требований преступников, который в большей степени соответствует природе захвата заложника как форме проявления терроризма³.

Вместе с тем имеется основное отличие террористического акта от захвата заложника, которое связано с посягательством на дополнительный непосредственный объект. Так, для террористического акта является обязательным наличие одного из следующих дополнительных факультативных объектов: жизнь и здоровье людей, отношения, обеспечивающие нормальное функционирование органов власти, отношения собственности, а также другие общественные отношения в зависимости от того, какого рода тяжкие последствия повлекли за собой совершение данного преступления или угроза его совершения⁴. В то же время названное условие для захвата заложника не является обязательным, оно лишь касается его квалифицированных видов (применение насилия, опасного для жизни и здоровья, – п. «в» ч. 2 ст. 206 УК РФ) либо связано только с неосторожным причинением смерти человеку или иными тяжкими последствиями (ч. 3 ст. 206 УК РФ).

Захват заложников нередко бывает сопряжен с иными преступлениями террористического характера. При угоне воздушного судна, как правило, в качестве заложников оказываются члены экипажа, а иногда и пассажиры. Или, наоборот, захват является продолжением указанного деяния – угона судна. Здесь возникают определенные трудности при квалификации названного деяния, поскольку имеются сходные признаки захвата заложника с угоном (захватом) судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного транспорта (ст. 211 УК РФ). Данный состав преступлений, как в свое время и захват заложника, пришел в российское законодательство из международного права. В соответствии со ст. 1 Гаагской конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (1970 г.) с объективной стороны захва-

---

¹ См.: *Оганян Р. Э.* Ответственность за терроризм в уголовном праве России. М., 2002. С. 26.

² См.: Прогноз криминогенной ситуации в РФ в начале XXI века / под общ. ред. С. И. Гирько. М., 2003. С. 9.

³ См.: *Дикаев С. У., Диваева И. Р.* Уголовная ответственность за преступления террористического характера: учеб. пособие. М., 2005. С. 13–14.

⁴ См.: *Сопов Д. В.* Терроризм и другие преступления террористического характера: проблемы разграничения при квалификации // Вестник МВД России. 2005. № 5 (82). С. 22.

том воздушного судна является любое незаконное насильственное установление физического господства над воздушным судном, находящимся в полете, а также осуществление над ним контроля¹. Конвенция определяет и предмет преступного посягательства – гражданское воздушное судно (ч. 2 ст. 3).

В статье 211 УК РФ предметом посягательства выступают как гражданские, так и военные летательные аппараты, водные суда, а также железнодорожный транспорт, то есть в отличие от захвата заложника данный состав является предметным преступлением. Основной непосредственный объект – общественная безопасность в сфере эксплуатации указанных предметов данного преступления.

Основу объективной стороны в соответствии с диспозицией ст. 211 УК РФ образуют альтернативные действия: угон указанных средств или их захват. Угон представляет собой противоправное перемещение судна (состава) в необходимом направлении лицами, обладающими навыками управления данным транспортным средством. Действие признается оконченным с момента фактического перемещения указанного в законе транспорта к требуемому пункту назначения. Например, прокуратура Московской области возбудила уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 211 УК РФ, по факту угона у организации РОСТО двух машин класса малой авиации посредством обмана, которые были обнаружены в Рузском районе, где аферисты создали неофициальный частный аэроклуб². Поэтому не всегда угон и захват взаимосвязаны, как это утверждается в существующих научных изданиях³. Однако захват всегда предшествует угону, поскольку что проводится с этой целью и представляет собой насильственное завладение транспортным средством с последующим установлением над ним контроля, а также выдвиганием требований, адресованных экипажу судна. Захват считается совершенным (оконченным), если лицо получило реальную возможность использовать захваченный объект, тем самым ограничив законное использование судна или подвижного состава⁴. Следовательно, данный состав преступления, как и захват заложника, является формальным, но далее длится на стадии оконченного до момента фактического окончания преступного деяния – задержания виновных и (или) восстановления законного контроля над захваченным объектом.

Если захват заложников произошел в воздушном судне, с последующим перемещением его в указанный преступниками пункт, то их действия образуют идеальную совокупность преступлений (ч. 2 ст. 17 УК РФ). Исходя из, здесь потребуется совокупная квалификация за захват судна (ст. 211 УК РФ) и

---

¹ См.: *Адельханян Р.* Захват воздушных судов по международному уголовному праву // *Законность*. 2002. № 10. С. 48.

² См.: *Максаева Е.* Полный улет // *Щит и Меч*. 2004. 5 февр.

³ См. об этом: *Уголовное право / под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новоселова*. С. 383; *Резепкин О. Ю., Журавлев И. А.* Указ. соч. С. 129.

⁴ См.: *Уголовное право Российской Федерации / под ред. А. И. Марцева*. Омск, 2000. С. 289.

заложников (ст. 206 УК РФ). Например, весной 2000 г. в аэропорту г. Стамбула был захвачен самолет Ту-154 авиакомпании «Внуковские авиалинии». Взяв пассажиров и экипаж в заложники, захватчики под угрозой расстрела пассажиров и взрыва воздушного судна потребовали от российского Правительства «прекратить военную операцию в Чечне». В дальнейшем самолет был направлен в Саудовскую Аравию, где произвел посадку в аэропорту г. Медина. В результате штурма лайнера погибла стюардесса¹. Цель угона судна или состава является обязательным признаком деяния, предусмотренного ст. 211 УК РФ, поэтому если захват заложников произошел в транспорте без цели его угона, то эти действия должны квалифицироваться по ст. 206 УК РФ.

В ситуациях, когда угон и захват указанных в диспозиции ст. 211 УК РФ транспортных средств происходил без умысла на захват заложников, действия виновных должны оцениваться в рамках данного состава преступления. Например, в приговоре по делу Овечкиных, связанному с вооруженным захватом воздушного судна 8 марта 1988 г., было сказано, что в ходе судебного следствия не добыто доказательств, свидетельствующих о предложении И. Д. Овечкина братьям взять заложников и его угрозе пассажирам убийством. На этой основе из обвинения факт захвата заложников ему был исключен, и содеянное им и О. Д. Овечкиной судебная коллегия квалифицировала по ч. 3 ст. 213-2 УК РСФСР как вооруженный захват воздушного судна с целью его угона за пределы СССР, совершенный с применением насилия, угроз и повлекший гибель людей и другие тяжкие последствия, и по ч. 1 ст. 15-83 УК РСФСР – покушение на незаконный перелет границы СССР².

Таким образом, отличие состава угона воздушного (водного) судна или железнодорожного подвижного состава от захвата заложника производится по предмету преступления в составе, предусмотренном ст. 211 УК РФ, по основному непосредственному объекту преступления и наличию специальной цели в данных составах.

Сходными признаками с захватом заложника обладает пиратство (ст. 227 УК РФ). Пиратство, или морской разбой, известно с древних веков и не исчезло до настоящего времени. Об этом свидетельствуют такие цифры: с 1984 г. по 1994 г. в стычках с морскими разбойниками погибли более тысячи моряков, только в 1993 г. пиратским нападениям подверглось более четырехсот судов различных стран мира³. Борьба с пиратством регулируется Женевской конвенцией об открытом море (1958 г.) и Конвенцией ООН по морскому праву (1982 г.)⁴.

---

¹ См.: *Оганян Р.* Ответственность за захват заложников по международному уголовному праву // Российская юстиция. 2002. № 5. С. 45.

² См.: Архив Ленинградского областного суда за 1988 г. Приговор по делу № 2-35.

³ См.: *Боровиков В. Б.* Указ. соч. С. 35.

⁴ См.: Конвенция о территориальном море и прилегающей зоне (Женева, 29 апреля 1958 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1964. № 43; Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 г.) // СЗ РФ. 1997. № 48. Ст. 5493.

Специальная норма, предусматривающая ответственность за пиратство, была установлена с введением Уголовного кодекса РФ (1997 г.). Статья 227 УК РФ, в которой предусмотрена ответственность за совершение пиратства, определяет это преступление как нападение на морское или речное судно в целях завладения чужим имуществом, совершенное с применением насилия либо угрозой его применения.

Объект пиратства сложный, так как содержит один основной непосредственный объект – общественную безопасность в сфере обеспечения морского или речного судоходства и два дополнительных непосредственных объекта – жизнь и здоровье человека (экипажа и пассажиров судна), а также собственность.

Данный состав, как и состав, предусмотренный ст. 211 УК РФ, является предметным деянием, но отличие его в том, что предметом преступления здесь выступает, в первую очередь, чужая собственность, находящаяся на судне, которое также будет предметом посягательства, связанным с местом совершения преступления. Например, если преступники захватят водное судно с целью угона или совершат его угон, то такое судно становится предметом преступления, предусмотренного ст. 211 УК РФ. При этом не имеют значения тип и принадлежность морского или речного судна, а также место его нахождения (совершения преступления) как в международных, так и во внутренних водах. Однако есть и другие мнения. Так, В. Б. Боровиков, без приведения каких-либо аргументов считает, что это должно быть судно, «находящееся за пределами государственной границы (в открытом море или в другом месте вне юрисдикции какого бы то ни было государства), так как в противном случае содеянное рассматривается как разбой, бандитизм, грабеж»¹. Это утверждение соответствует понятию пиратства по международным соглашениям².

Что же касается отечественного законодательства в этой области, то оно представляется не совсем точным. Законодатель местом данного преступления признает не только морские, но и речные суда, которые практически не выходят в международные воды. Кроме того, более справедливыми представляются аргументы О. Ю. Резепкина и И. А. Журавлева о том, что при анализе основного непосредственного объекта преступного посягательства одни и те же действия по своему содержанию и сущности в зависимости от места их совершения в одном случае посягают на отношения безопасности морского либо речного транспорта (за пределами государства), в другом – на отношения собственности³.

Значительную сложность при разграничении анализируемых составов представляют случаи, когда захват заложников является продолжением начавшегося ранее акта пиратства или нападение на водное транспортное средство

---

¹ Боровиков В. Б. Указ. соч. С. 36.

² См.: Панов В. П. Международное уголовное право: учеб. пособие. М., 1997. С. 133.

³ См.: Резепкин О. Ю., Журавлев И. А. Указ. соч. С. 132.

совершается с целью захвата заложников. Разграничение данных составов производится по основному непосредственному и дополнительному объектам преступления, а также по цели посягательства – завладеть находящимся на судне имуществом при пиратстве и понудить государство, организации совершить какие-либо действия или воздержаться от совершения определенных действий.

Кроме того, при пиратстве обязательны предмет и место совершения преступления (морское или речное судно) в отличие от захвата заложника, где отсутствует предмет преступного посягательства, а место его совершения не определено. Следовательно, квалифицировать деяния в первом случае следует по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 227 и 206 УК РФ, а во втором случае, где преступникам необходимо взять заложников, а не чужое имущество, виновные должны нести уголовную ответственность только за захват заложника.

Захват заложника имеет ряд сходных признаков и с другими преступными деяниями, направленными против отношений собственности и общественной безопасности. Так, тесно связан данный состав с вымогательством, разбоем и бандитизмом, однако судебной-следственной практикой выработаны четкие критерии отграничения их от захвата заложника, поэтому сравнение с ними мы не проводим.

Основываясь на приведенных доводах, можно сделать вывод о том, что, несмотря на сходность ряда признаков исследуемого состава преступления с иными преступными деяниями, направленными против физической свободы человека, общественного порядка и отношений собственности (ст. 126, 127, 205, 211, 227 УК РФ), состав преступления, предусмотренный ст. 206 УК РФ, отличается от смежных составов важными специфическими особенностями, которые выражены выполнением последовательных действий: захватом заложника (заложников), его (их) открытым насильственным удержанием и, главное, предъявлением определенных требований государственным органам, организациям и лицам, занимающим должностное или общественное положение.

Подводя итог изложенному, важно отметить, что значительные трудности имеются при квалификации и отграничении этого преступления, прежде всего, от похищения человека (ст. 126 УК РФ), а также других вышеуказанных преступлений. В качестве возможного выхода из данной ситуации предлагаем скорректировать диспозицию ст. 206 УК РФ. Для совершенствования практики применения уголовного закона, направленного на борьбу с незаконным завладением человеком (похищением человека и захватом заложника), необходимо нормативно закрепить понятие «похищение человека» и подготовить постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в тексте которого содержались бы разъяснения по применению данных уголовно-правовых норм, в том числе и по разграничению признаков рассмотренных составов преступлений.

ГЛАВА 2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УСЛОВИЙ ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ЗАЛОЖНИКОВ

Чрезвычайная социальная опасность захвата заложников связана с тем, что в процессе пресечения данного преступления часто неизбежно применение силового способа освобождения людей, что влечет причинение вреда правоохраняемым интересам. Отсюда большое теоретическое и практическое значение имеет определение законных оснований и условий правомерности действий сотрудников правоохранительных органов по освобождению заложников, в том числе в случаях причинения вреда. В правоприменительной практике и науке уголовного права до сих пор отсутствует единый подход к характеристике условий правомерности указанных действий. Существующие точки зрения по данной проблеме противоречивы, не в полной мере отражают оценку обстоятельств, исключающих преступность деяния (далее – ОИПД) в рассматриваемых ситуациях. Все это приводит к выводу о необходимости комплексного исследования деятельности, направленной на борьбу с названным преступным посягательством.

Сложный комбинированный характер угроз и вреда от данных чрезвычайных обстоятельств не только влечет повышенную уголовную ответственность лиц, виновных в захвате заложников, но и дает нравственное основание применять самое интенсивное воздействие и максимально возможные средства для освобождения невинных людей. «Использование упомянутых средств в соответствии с общепринятым в праве подходом подлежит рассмотрению в координатах обстоятельств, исключающих преступность деяния, – спасения, безусловно, ни в чем не повинных жертв, избавления мирного населения от страха потери близких или иных потерь»¹. Соответственно, обладают спецификой задачи, выполняемые сотрудниками правоохранительных органов в этих особых условиях, принимаемые для их выполнения меры, а также состав и тактика деятельности сил, участвующих в пресечении данных преступлений.

Учитывая особенности пресечения захвата заложников и сложность правовой оценки действий силовых структур, имеющих право применять меры непосредственного принуждения², необходимо четко представлять уголовно-правовую характеристику указанной правоприменительной деятельности, условия ее правомерности как основание признания этих действий соответ-

---

¹ Долгова А. И. Указ. соч. С. 101.

² К силовым правоохранительным структурам относят: специальные подразделения ФСБ, МВД, ВВ МВД, ФСО, УИС Минюста; к мерам непосредственного принуждения (в широком смысле) – физическую силу, специальные средства, оружие, боевую и специальную технику, применение (использование) которых осуществляется в соответствии с нормативными правовыми актами и, как правило, не требует предварительного вынесения письменного акта управления. (См.: Бекетов О. И. Меры непосредственного принуждения, применяемые должностными лицами правоохранительных органов Российской Федерации: учеб. пособие. Омск, 2004. С. 25–37, 39).

ствующими закону. Для этого следует прибегнуть к анализу юридической конструкции правомерных действий по освобождению заложников.

В уголовно-правовой литературе анализ ОИПД, в основном, связывают с исследованием условий правомерного причинения вреда¹. Вместе с тем ряд авторов, принимая во внимание, что деяния (поступки), причиняющие вред в состоянии ОИПД, представляют собой один из видов правомерного поведения, утверждают, что целесообразно рассматривать их структуру с помощью такой категории, как состав ОИПД². По их мнению, элементами этого состава применительно как к преступлению, так и к любым юридическим фактам, выступающим в качестве основания правоотношений, являются объект, объективная сторона и субъект, субъективная сторона.

Консолидируя приведенную позицию, мы предлагаем действия по освобождению заложников рассматривать как правомерное поведение, содержащее совокупность объективных и субъективных признаков, образующих понятие состава такого поведения. Определение признаков через состав правомерного поведения, причиняющего вред при совершении действий, направленных на освобождение заложников, позволит правильно подчеркнуть юридическую природу данных действий.

Таким образом, под составом правомерного причинения вреда при осуществлении действий по освобождению заложников следует понимать совокупность установленных уголовным законом объективных и субъективных признаков, необходимых и достаточных для установления в каждом конкретном случае действий по освобождению заложников условий правомерного поведения.

Среди элементов состава правомерного причинения вреда следует выделять:

1) объект – он определяет общественные отношения, которым причиняется вред. Дать четкую правовую оценку объекта уголовно-правовой охраны можно лишь путем его соотношения с объектом деяний, причиняющих вред при освобождении заложников³;

2) объективную сторону, выражающуюся в совершении конкретных действий в обстановке наличности и действительности угрозы безопасности за-

---

¹ См. об этом: *Дурманов Н. Д.* Обстоятельства, исключающие общественную опасность и противоправность деяния. М., 1961; *Якубович М. И.* Обстоятельства, исключающие общественную опасность и противоправность деяния. М., 1979; *Блинников В. А.* Система обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002; *Орешкина Т. Ю.* Специальные обстоятельства, исключающие преступность деяния // Уголовное право: Стратегия развития в XXI веке. М., 2004. С. 190–194.

² См. об этом: *Баулин Ю. В.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Харьков, 1991. С. 135–166; *Курбанов Г. С.* Обстоятельства, устраняющие общественную опасность и противоправность деяния. Баку, 1991. С. 36–39; *Винокуров В. Н.* Правомерное причинение вреда в состоянии крайней необходимости: моногр. Красноярск, 2001. С. 62–64; *Меркурьев В. В.* Состав необходимой обороны. СПб., 2004. С. 45–49.

³ Такой вывод делает В. Н. Винокуров в отношении крайней необходимости (См.: *Винокуров В. Н.* Указ. соч. С. 69).

хваченным заложникам, направленности на устранение угрозы их жизни и здоровью, а также последствий таких действий;

3) субъект, выполняющий данные действия, имеющий специальную подготовку, необходимые силы и средства для предотвращения угрозы жизни и здоровью заложников, наделенный правами и обязанностями сотрудника правоохранительного органа;

4) субъективную сторону, характеризующуюся осознанием опасности конкретных действий по освобождению заложников и целью (пресечение захвата заложников), а также возможности устранения угрозы жизни и здоровью заложников имеющимися в наличии силами и средствами в сложившейся конкретной обстановке. В волевом действии переход от побуждения к действию опосредован осознанием цели и предвидением последствий¹.

Деяние как признак объективной стороны правомерного поведения, направленного на освобождение заложников, раскрывает внешнюю сторону конфликта, выполняется в форме действия (поступки, основанные на субъективном праве, исключают бездействие субъекта²), зависит от выбора способа устранения опасности, как правило, связано с возможным причинением вреда, охраняемым уголовным законом интересам лицами, ответственными за выполнение данных действий. При этом выбор правомерного способа, необходимого для достижения цели, обуславливает правомерность самих действий и обеспечивается наличием соответствующих законов и ведомственных правовых актов, устанавливающих порядок борьбы с захватом заложников.

Во-первых, к таким нормативным правовым актам следует отнести Конституцию РФ, в которой признается возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина, в том числе и при выполнении служебных обязанностей силовыми структурами государства в ситуациях, связанных с пресечением преступных посягательств, но не иначе, как федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты общечеловеческих ценностей (ч. 3 ст. 55). Данное конституционное право, в основном, правильно понимается и поддерживается российскими гражданами. Проведенный анкетный опрос показал, что большинство населения страны (66 %) согласно с правом сотрудников правоохранительных органов, при соблюдении условий правомерности, вынужденно причинять вред жизни, здоровью преступника, существенный ущерб имуществу третьих (посторонних конфликту) лиц в процессе освобождения заложников.

Во-вторых, основную структуру правовых оснований правомерного причинения вреда в данной ситуации составляют нормы административного и уголовно-правового законодательства. Так, правовое регулирование правил применения государственными военизированными организациями оружия и специальных средств при освобождении заложников определяется админист-

---

¹ См.: *Винокуров В. Н.* Указ. соч. С. 72.

² См.: *Баулин Ю. В.* Указ. соч. С. 178.

ративно-правовыми нормами. В административном законодательстве предусмотрены основания, условия и порядок применения силового принудительного воздействия, а также даны юридические факты, с которыми законодатель связывает возможность его применения, касающиеся признаков наиболее опасных ситуаций, влекущих нарушение субъективных прав граждан либо законных интересов общества или государства (ст. 12–16 Закона РФ «О милиции»¹, ст. 14 ФЗ РФ от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «Об органах ФСБ»²). Кроме того, к числу таких законов можно отнести: Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности»³, федеральные законы РФ от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»⁴, от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»⁵, от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране»⁶ (п. 3 ст. 24), от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»⁷, от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»⁸, от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»⁹.

В-третьих, важную правовую основу деятельности сотрудников правоохранительных органов по пресечению преступлений составляют международные договоры Российской Федерации. В числе договоров, регулирующих действия, направленные на пресечение захвата заложников, следует назвать Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятый резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 г., Руководящие принципы для эффективного осуществления Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятые резолюцией 1989/61 Экономического и Социального Совета ООН от 24 мая 1989 г., Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка, принятые резолюцией VIII Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (27 августа – 7 сентября 1990 г.)¹⁰. Основания применения оружия и специальных средств в ходе силового освобождения заложников содержатся в подзаконных актах, регулирующих вопросы деятельности правоохранительных органов по проведению, организации и тактике специальных операций, а также в совместных ведомственных нормативных правовых актах по вопросам организации, планирования и взаимодействия при их проведении.

---

¹ См.: ВСНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 16. Ст. 503.

² См.: Сборник законов Российской Федерации. М., 2000. С. 157.

³ См.: ВСНД РФ и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 769.

⁴ См.: СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

⁵ См.: СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

⁶ См.: СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2594.

⁷ См.: СЗ РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.

⁸ См.: СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

⁹ См.: СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

¹⁰ См.: Каплунов А. И., Милюков С. Ф., Уткин Н. И. Правовые основы применения и использования огнестрельного оружия сотрудниками ОВД: учеб. пособие. М., 2004. С. 193–200.

В-четвертых, правовые основы причинения вреда при использовании и применении оружия и специальных средств в процессе освобождения заложников определяются уголовным законом. В уголовном законодательстве устанавливаются пределы правомерной активности лица в подобной ситуации, то есть даны границы допустимого причинения вреда в результате применения силы, исходя из конкретных обстоятельств, которые распространяются на деятельность сотрудников правоохранительных органов (ст. 28, 37, 38, 39, 41, 42, п. «ж» ч. 1 ст. 61, ч. 2 ст. 108, ч. 2 ст. 114 УК РФ). Помощь в определении правомерности можно подчеркнуть в разъяснениях, указанных в следующих постановлениях Пленума Верховного Суда СССР: от 16 августа 1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств»; от 22 сентября 1989 г. № 9 «О применении судами законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка»¹.

В рамках гарантии правовой защиты, обусловленной рискованным и опасным характером правоохранительной деятельности, корректирует пределы правомерной активности лица в конкретной ситуации ст. 24 Закона РФ «О милиции». Она определяет границы допустимого причинения вреда при применении оружия, исходя из конкретных ОИПД. Перечисленные уголовно-правовые институты действовали бы и без упоминания о них в названной норме, тем не менее, она призвана, влияя на правосознание правоприменителя, способствовать исправлению следственно-судебной практики порой предвзятого отношения к действиям сотрудников милиции в ситуациях, связанных с причинением ими такого вреда². Данный аргумент подтверждает и опрос сотрудников правоохранительных органов, которые связывают свои гарантии правовой защиты с административным законодательством. Так, на вопрос: «Какими нормативными правовыми актами, на Ваш взгляд, прежде всего регулируются вопросы о причинении возможного вреда со стороны правоохранительных органов в процессе освобождения заложников?» 74,2 % сотрудников ответили, что это Закон РФ «О милиции» и ФЗ РФ «Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации». 20,3 % лиц считают, что подобные вопросы регулируются Уголовным кодексом РФ.

Вместе с тем, степень общественной опасности захвата заложников во многом определяется большим риском причинения вреда заложникам, в том числе и действиями, связанными с их освобождением. В этих ситуациях, несмотря на приведенные результаты опроса, причинение вреда, возникшего

---

¹ См.: Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам. М., 2003. С. 18, 280.

² См.: Кондрашов Б. П., Соловей Ю. П., Черников В. В. Комментарий к Закону Российской Федерации «О милиции». М., 2003. С. 346.

при правомерной деятельности правоохранительных структур по освобождению заложников, должно анализироваться в рамках ОИПД. Следовательно, правомерность действий органов правоохранительной деятельности по освобождению заложников важно устанавливать с учетом института ОИПД и в соответствии с ними принимать решение по устранению опасности путем причинения меньшего вреда, оставаясь в условиях риска нанесения более значительного вреда.

Социальное содержание правомерного поведения при освобождении заложников направлено на устранение угрозы причинения вреда общественной безопасности. Предпринимаемые действия в указанной ситуации (защита и освобождение потерпевших, отражение опасности, задержание виновных) потенциально предполагают причинение вреда другим охраняемым уголовным законом ценностям. При этом важным обстоятельством, позволяющим оценить правомерность причинения вреда, выступает обстановка, в которой непосредственно действует сотрудник. Обстановка имеет двойное уголовно-правовое значение, поскольку свидетельствует о неизбежности причинения вреда правоохраняемым интересам, а также влияет на пределы указанного вреда (последние должны соответствовать не только правовому основанию вреда, но и сложившейся обстановке)¹.

Особенностью и основным признаком обстановки в условиях пресечения захвата заложников является ее экстремальность. В части 2 ст. 28 УК РФ речь также идет об экстремальных ситуациях, в которых находится рискующий субъект. Несмотря на общие моменты, нельзя упускать из внимания принципиальные различия рассматриваемых институтов. Так, при невиновном причинении вреда человек не может предотвратить эти последствия в силу несоответствия его психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам, поскольку в этом случае утрачивается элемент воли в его поведении. В то же время в ситуации ОИПД имеют место сознательные волевые и правомерные поступки субъекта, поощряемые уголовным законом, так или иначе направленные на причинение (ст. 37–39 УК РФ) или возможность причинения вреда (ст. 41, 42 УК РФ)². Такая обстановка создает реальную возможность организационных и тактических просчетов из-за отсутствия опыта действий в аналогичных ситуациях, влияния поведения лиц, осуществляющих правоприменение в условиях пресечения рассматриваемого деяния. Этот вывод подтверждается исследованиями последних лет. По данным анкетирования, 14 % респондентов одной из причин неудовлетворительного состояния борьбы с терроризмом назвали боязнь применения огнестрельного оружия, 18 % – нерешительность руководителей ОВД и 17 % опрошенных считают такой причиной неподготовленность

---

¹ См.: Баулин Ю. В. Указ. соч. С. 180.

² См. об этом: Арчибасова Л. А. Невиновное причинение вреда: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 160–166; Морозов В. И., Коткова Ю. С. Невиновное причинение вреда, обусловленное экстремальной ситуацией или нервно-психическими перегрузками: учеб. пособие. Тюмень, 2005. С. 71.

антитеррористических подразделений¹. Аналогичные результаты получены и при опросе более 200 руководителей и других опытных работников подразделений криминальной милиции, ОМОНа, спецназа, имеющих практику участия в специальных операциях. Абсолютное большинство опрошенных (93 % респондентов) указали на неадекватное поведение и особое самочувствие в таких ситуациях: чрезмерное волнение, суетливость и невнимательность к распоряжениям руководителей операции².

В ходе нашего исследования сотрудникам отряда милиции специального назначения был задан вопрос: «Что может повлиять на Ваш отказ от применения оружия в ситуации, связанной с освобождением заложников?». Ответы распределились следующим образом: 53 % опрошенных указали вероятность причинения тяжких последствий заложникам; 11,8 % – боязнь привлечения к уголовной ответственности; 4,2 % – незнание условий применения оружия; 23,3 % считают, что повлиять на отказ от применения оружия ничто не может, а 7,7 % респондентов затруднились с ответом. Результаты подчеркивают главную проблему действий по освобождению заложников – обеспечение условий их безопасности.

Направленность на обеспечение безопасности заложников полностью подтверждается значительным большинством опрошенного населения. Так, на вопрос: «Как Вы считаете, какую основную задачу должны выполнить правоохранительные органы в ходе пресечения захвата заложников?» 31 % граждан ответили, что необходимо сохранить жизнь и здоровье заложников; 22 % – задержать (ликвидировать) лиц, захвативших заложников; 30 % респондентов назвали обе вышеуказанные задачи, причем основной из них признали первую; 14 % опрошенных решили, что данная задача будет зависеть от ситуации, и 3 % затруднились ответить.

Однако на практике все же нередки прецеденты, когда в ходе специальной операции по освобождению заложников причиняется вред их жизни и здоровью. Так, 8 марта 1988 г., когда во время полета из Иркутска братья Овечкины, угрожая применением оружия и взрывного устройства, потребовали от экипажа изменения курса самолета и посадки его в аэропорту Лондона, руководитель операции принял решение: ни при каких условиях не выполнять требования террористов, не выпускать самолет за пределы государственной границы. Имитируя посадку на зарубежном аэродроме, экипаж произвел ее на военном аэродроме Вещево, вблизи г. Выборга Ленинградской области.

Около 17 часов Д. Овечкин застрелил бортпроводницу Т. Жаркую. В 19 часов 15 минут штурмовая группа провела операцию по обезвреживанию преступников. По данным уголовного дела, кроме бортпроводницы, погибли 3

---

¹ См.: Кириллов И. А. Уголовно-правовые меры борьбы с терроризмом: лекция. М., 1999. С. 23.

² См.: Истомина Г. М., Сафронов А. Д. Психологическая подготовка сотрудников ОВД к действиям в экстремальных ситуациях как условие предупреждения их гибели и ранений // Проблемы организации работы с личным составом органов внутренних дел: сб. науч. тр. Академии МВД России. М., 1993. С. 27.

пассажира, 35 пассажиров получили телесные повреждения различной степени тяжести, в том числе двое – тяжкие телесные повреждения. Вследствие возникшего после взрыва пожара был уничтожен самолет, государству причинен материальный ущерб на сумму 1 371 948 руб.¹ В силу заведомо неправильных действий члены группы захвата, участвовавшие в данной операции, были привлечены к уголовной ответственности за совершение неосторожных действий, повлекших гибель и тяжкий вред здоровью пассажиров².

Возможно, если бы требования Овечкиных выполнили, то удалось бы избежать последствий данной трагедии, сохранить важнейшие объекты уголовно-правовой охраны, такие как жизнь и здоровье людей. Результат действия всегда выражается в причинении вреда объекту поступка (деяния)³. Проблему определения характера деяния по отношению к объекту правоохраняемого интереса А. А. Пионтковский справедливо предлагал решать в каждом отдельном случае в зависимости от всей конкретной обстановки⁴. Анализ последствий, возникших в результате действий по освобождению заложников, и отношения к ним исполнителей позволяют оценивать, насколько правомерно было данное поведение.

Субъект деяния, причиняющего вред при освобождении заложников, кроме наличия вменяемости, должен обладать дополнительными специальными признаками. Специфическая особенность статуса такого субъекта – возложение на него юридической обязанности действовать, которая подкрепляется уголовно-правовыми запретами бездействовать⁵, даже находясь в ситуации опасной для жизни. Следовательно, сотрудник правоохранительного органа как лицо, выполняющее профессиональные действия, направленные на пресечение захвата заложника, и при этом причиняющее вред правоохраняемым интересам, является специальным субъектом правомерного поведения.

При этом следует отметить, что сознание общественной полезности и законности своего деяния как интеллектуальный момент субъективной стороны здесь имеет стимулирующее значение для правомерного поведения. Волевой момент в этом случае заключается в том, что лицо, участвующее в освобождении заложника, несмотря на опасность желает пресечь захват заложника в силу своего служебного долга. В целом психическое состояние указывает на важный момент субъективной стороны данного состава: отсутствие вины у субъекта, совершающего действия в процессе освобождения заложника, который опирается на особые ее сферы – мотив и цель действий как обязательных признаков субъективной стороны рассматриваемого правомерного поведения.

---

¹ См.: Архив Ленинградского областного суда за 1988 г. Уголовное дело № 2-35.

² См.: Янушко В. И., Мороз В. В. Риск при задержании подозреваемого на транспорте: учеб. пособие. Минск, 1995. С. 17.

³ См.: Баулин Ю. В. Указ. соч. С. 182.

⁴ См.: Пионтковский А. А. Уголовное право РСФСР: Часть общая. М., 1924. С. 462.

⁵ См.: Винокуров В. Н. Указ. соч. С. 94.

Цель указанных действий обуславливается мотивом – выполнить служебную обязанность по пресечению захвата заложника и определяется конечным результатом – устранить опасность для заложника, который может быть достигнут посредством причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны и должен быть соизмеримым с целью действий¹. Однако мы согласны с мнением А. Б. Сахарова, который считает, что если результаты окажутся все же несоизмеримыми и вред наступит несмотря на усилия лица, добросовестно стремившегося его предотвратить, то «лицо не может нести ответственность за результат, противоречащий его объективным и субъективным устремлениям, если сами устремления общественно полезны и юридически одобряемы»². По этой причине установление общественной полезности деяния и его правомерности в категории «состав правомерного поведения по освобождению заложника» служит, в целом, необходимой предпосылкой решения вопроса об отсутствии основания уголовной ответственности.

Именно признание и использование понятия состава правомерного поведения, направленного на освобождение заложника, как совокупности взаимосвязанных элементов, обладающих необходимыми и достаточными признаками, определяющими в целом действие по освобождению заложников как непроступное, дает возможность применять конкретные институты ОИПД при характеристике ситуаций, связанных с захватом заложников.

Самостоятельная роль и индивидуальность ОИПД при их учете в рамках состава правомерного причинения вреда позволяют уточнять специфику условий правомерности данных действий. Проблема правоприменения указанных институтов связана, прежде всего, с их внешним сходством и пограничным характером. На практике применение конкретных ОИПД вызывает большие затруднения при анализе пресечения захвата заложников. Например, при освобождении 750 заложников в здании Дома культуры шарикоподшипникового завода г. Москвы 26 октября 2002 г. погибли 129 заложников и все террористы (41 боевик)³. Правовая оценка действий сотрудников вызывает определенные сложности, особенно применения в сходных ситуациях конкретного ОИПД. Панченко П. Н. оценивает ее как особо нестандартную. По его мнению, существующие ОИПД не охватывают всех нюансов совершения действий по освобождению заложников⁴. Далекое не однозначное отношение к подобным событиям сложилось и в российском обществе. Об этом свидетельствуют результаты нашего опроса граждан об отношении к действиям сотрудников правоохранительных органов, связанных с проведе-

---

¹ См.: *Винокуров В. Н.* Указ. соч. С. 113.

² *Сахаров А. Б.* Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность // Советское государство и право. 1987. № 11. С. 116.

³ См.: Прогноз криминогенной ситуации в РФ в начале XXI века / под общ. ред. С. И. Гирько. С. 9.

⁴ См.: *Панченко П. Н.* Уголовное право в «нестандартных» ситуациях и «нестандартные» ситуации в уголовном праве // Следователь. 2004. № 2. С. 5.

нием специальных операций по освобождению заложников в Театральном центре на Дубровке. По данным опроса, 46 % респондентов оценивают действия положительно, 20 % – скорее отрицательно, 34 % опрошенных затруднились ответить. Следовательно, для объективного решения этой проблемы, бесспорно, необходим анализ сущности каждого из ОИПД и возможности их распространения на рассматриваемые нами действия. Отсутствие единства во мнениях сотрудников органов прокуратуры и внутренних дел по оценке указанных действий подтверждают и результаты проведенного нами анкетирования. 23 % респондентов считают, что для действий по освобождению заложников применима необходимая оборона (ст. 37 УК РФ); 49 % указали на причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ); 30,8 % связывают эти действия с крайней необходимостью (ст. 39 УК РФ); 25,9 % – с обоснованным риском (ст. 41 УК РФ); 28 % – с исполнением приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ); 25,9 % сотрудников называют совокупность указанных институтов, причем 62 % из них указали на вариант совокупности ст. 38, 39, 41 УК РФ. Блинников В. А. обращает внимание на возможные ситуации перерастаний одних ОИПД в другие и допустимости конкуренции имеющихся обстоятельств¹, а Л. Н. Смирнова говорит о таком качестве этих обстоятельств, как взаимосвязь, взаимодополняемость и развитие их как системы².

Экстремальность, связанная с пресечением захвата заложника, практически всегда обусловлена задержанием или ликвидацией лица, совершившего данное преступление и риском причинения вреда плененному. Исходя из этого, следует отметить, что существует реальная проблема оценки ситуации освобождения заложника: по каким правилам какого института ОИПД (одного или нескольких) может быть проведена специальная операция по пресечению данного преступления.

Большое значение для решения данной проблемы имеет анализ общего порядка проведения специальных операций по освобождению заложников. Деятельность сотрудников правоохранительных органов по освобождению заложников опирается на отношения власти и подчиненности, основой которых выступает приказ. Специальные операции в рамках указанной деятельности начинаются по команде руководителя оперативного штаба (далее – ОШ), который перед этим обязан лично проверить укомплектованность групп оперативного применения и их экипировку³. На основе принятого ре-

---

¹ См. об этом: Блинников В. А. Обстоятельство, исключаящее преступность деяния, в уголовном праве России. Ставрополь, 2001. С. 40–45; *Его же*. Система обстоятельств, исключаящих преступность деяния, в уголовном праве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 23, 24.

² См.: Смирнова Л. Н. Уголовно-правовое регулирование задержания лица, совершившего преступление. СПб., 2005. С. 29–31.

³ См.: Организация деятельности горрайлинооргана внутренних дел в особых условиях / под ред.

шения он обязан отдать боевой приказ на проведение операции и поставить задачу каждому сотруднику, задействованному в штурмовой группе. В подавляющем большинстве случаев приказ сопряжен с возможностью нанесения имущественного ущерба и причинения физического вреда, но при этом является законным, поскольку направлен на реализацию социально-позитивных целей. Действия подчиненного здесь ограничены юридически обязательной для него волей руководителя. Таким образом, действия непосредственных участников освобождения заложников следует оценивать по признакам ст. 42 УК РФ «Исполнение приказа или распоряжения», а вся ответственность за причиненный вред ложится на руководителя операции.

Однако если оценивать действия руководителя или каждого сотрудника штурмовой группы по конкретному случаю причиненного вреда, то в качестве основания освобождения от уголовной ответственности данных сотрудников подлежат рассмотрению условия других институтов ОИПД.

Например, в мае 1979 г. у аэровокзала г. Новокузнецка два молодых человека, вооруженных гранатой и пистолетами, захватили автобус, в котором находились 8 пассажиров, в том числе 6 женщин, доехали до аэропорта и потребовали выкуп в 3 млн руб., а также вертолет для вылета за границу. Виновные действовали жестоко: для подтверждения серьезности своих требований они убили одного из заложников – пожилого мужчину. Кроме того, потребовали совершить переход из автобуса в вертолет в ночное время без освещения. Руководителем операции было принято решение о выполнении требований, но вместо штатного экипажа в вертолет проникла оперативная группа в составе трех человек, среди которых был стажер-слушатель Омской высшей школы милиции МВД СССР В. Тумаков. Укрывшись в салоне под брезентом, он после перехода преступников в вертолет сумел в условиях ограниченной видимости определить виновных и в упор застрелить одного из них, угрожавшего гранатой, а также ранить второго, который выпал из открытой двери салона вертолета и сумел скрыться, но в результате поисковых мероприятий вскоре был задержан¹. Действия В. Тумакова были признаны правомерными, заложники не пострадали, а за выполнение этой задачи он впоследствии был награжден орденом Красной Звезды.

Приведенная ситуация иллюстрирует самостоятельное принятие решения сотрудником в сложной оперативной обстановке. Характер и степень общественной опасности указанного посягательства позволяет нам утверждать, что поступок сотрудника милиции имеет все признаки действий в состоянии необходимой обороны. На одного из нападавших, получившего ранение и скрывшегося с места происшествия, распространяются основания задержания преступника. Этот пример дает нам право говорить о перерастании одного

проф. В. Н. Соглаева. М., 1994. С. 15.

¹ См. об этом: Журавлев И. А. Захват заложников: исторические корни и современное положение // Закон и право. 2002. № 1. С. 11; Бобров А. Подвиг // Вечерний Омск. 1979. 12 июля.

ОИПД в другое, где необходимая оборона перерастает в задержание лица, виновного в захвате заложников и скрывшегося с места происшествия. В этом случае невозможно одновременное наличие двух обстоятельств, одно из них как бы сменяется вновь возникшим¹.

Между тем необходимо отметить, что при применении оружия сотрудником в случае промаха или взрыва гранаты существовала реальная угроза жизни для всех, кто находился на борту вертолета. Иными словами, лицо, освобождавшее заложников, несомненно, рисковало жизнью невиновных и поэтому потенциально находилось в состоянии крайней необходимости. Здесь и возникает вопрос о конкуренции ОИПД, которые должны учитываться в ситуациях, связанных с освобождением заложников: «необходимой обороны», «крайней необходимости» или, возможно, «обоснованного (профессионального) риска».

Примером может послужить аналогичная ситуация, где, однако, был причинен вред жизни и здоровью заложникам. Так, 29 июля 1994 г. в аэропорту г. Минеральные воды был захвачен рейсовый автобус «Икарус» с пассажирами. Бандиты требовали вертолет и 10 тыс. дол. США. В результате переговоров им был предоставлен вертолет МИ-8, в который они и пересели вместе с заложниками. Штаб операции принял решение денег бандитам не давать, а предпринять штурм по освобождению заложников. Сотрудники СОБР ГУОП и ООСН «Вега» МВД России произвели штурм вертолета, переполненного заложниками, среди которых смогли затеряться трое террористов. В этой крайне сложной ситуации бандиты успели применить оружие и взорвать гранату, в результате чего погибли три женщины и девочка, а также были ранены сотрудники ОВД, участвующие в спецоперации, и уничтожен вертолет². Своими действиями сотрудников не допустили гибели всех заложников, а также уход от наказания террористов, хотя события могли бы закончиться более драматично. Следует добавить, что, с точки зрения тактики специальной операции по освобождению заложников, проведение ее в вертолете признается наиболее сложным, так как практически исключается скрытное продвижение штурмовой группы к объекту, а также теряется эффект неожиданности при попадании группы внутрь вертолета. Кроме того, выбор такого летательного аппарата террористами обусловлен его возможностью приземлиться в любой труднодоступной местности. Штурм вертолета в указанной ситуации был продиктован крайней необходимостью³.

Указанные примеры раскрывают возможность наличия при проведении специальных операций как минимум трех ОИПД (необходимой обороны,

---

¹ См.: Орехов В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключющие преступность деяния. СПб., 2003. С. 110.

² См.: Селиверстов С. А. Организация и тактика проведения специальных операций по освобождению заложников и захвату (уничтожению) бандитов. М., 2003. С. 38–41.

³ Там же. С. 97.

крайней необходимости и причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление), которые могут конкурировать между собой и перерасти одно в другое. Это подтверждает и вывод В. П. Илларионова: «В случае захвата заложников возникают обстоятельства, позволяющие действовать по правилам не только крайней необходимости и необходимой обороны, но также задержания преступников. Поскольку по времени обычно невозможно отделить одни от других, то все решает специфика сложившейся ситуации, связанная со стремлением сохранить жизнь и здоровье заложников, пресечь преступные деяния лиц, их захвативших»¹.

В то же время анализ юридической литературы показывает, что ситуации, связанные с освобождением заложника, оцениваются с различных позиций. Еще в 1991 г. в ходе дискуссии по данной проблеме учеными была выдвинута идея о возможной совокупности институтов необходимой обороны и крайней необходимости в одной и той же ситуации².

Так, В. Назаров и В. Прошляков утверждают, что «причинение любого вреда (в том числе и лишение жизни) лицам, удерживающим заложников, должно рассматриваться как действие в состоянии необходимой обороны. ... Если в ходе освобождения пострадали заложники или третьи лица, то данная ситуация должна расцениваться по правилам крайней необходимости»³. Лоскутов А. считает, что меры, принимаемые для пресечения захвата заложников, представляют собой своеобразное сочетание действий, совершаемых в условиях крайней необходимости и в условиях необходимой обороны⁴. Мнения ученых расходятся в том, что В. Назаров и В. Прошляков оценивают институты крайней необходимости и необходимой обороны по конечному результату разрешения ситуации, связанной с освобождением заложников, тогда как А. Лоскутов считает, что эти институты проявляют себя в названной ситуации не одновременно.

Представляется, что ближе к истине позиция, которую занимает А. Лоскутов, поскольку правовые требования действительности и наличности преступного посягательства и опасности относятся не только к концу, но и к началу возникновения каждой ситуации, требующей действий в условиях необходимой обороны и крайней необходимости. Сходную точку зрения, но в отношении имущественного вреда, высказывает В. Михайлов: «При проникновении в помещение путем разрушения пола, окон, потолка для освобождения захваченных лиц и задержания преступников имущественный вред причиняется не посягающим (лицам, захвативших заложников), а владельцу

---

¹ Илларионов В. П. Переговоры с преступниками (правовые, организационные, оперативно-тактические основы). М., 1994. С. 51.

² См.: Обсуждаем мнение // Социальная законность. 1991. № 10. С. 34–35.

³ Назаров В., Прошляков В. Захват заложников – закон и практика // Социальная законность. 1991. № 3. С. 33.

⁴ См.: Лоскутов А. Пресечение захвата заложников // Социальная законность. 1991. № 12. С. 38.

помещения – третьему лицу. В таких ситуациях на ущерб, нанесенный преступникам, распространяется положение о необходимой обороне, а на ущерб, причиненный «третьим лицам», – о крайней необходимости»¹.

Нам также импонирует позиция Ю. Н. Демидова, который указывает на близость состояния профессионального риска институтам необходимой обороны и крайней необходимости, проявляющихся в ситуациях захвата заложников. «При этом рациональный выбор рискованного шага (например, применение снайперской винтовки) способен в максимальной степени снизить вероятность того, что в ходе пресечения общественно опасного деяния пострадают посторонние граждане»². Особая проблема – рискованные действия при различных ОИПД, прежде всего, при крайней необходимости³. Здесь весьма значимо точное установление признаков отграничения конкурирующих институтов, например, крайней необходимости и обоснованного (профессионального) риска. Так, моментом, объединяющим эти институты, является достижение общественно полезной цели, потребность в ограниченном периоде принять уголовно-правовое решение, влекущее причинение наименьшего вреда охраняемым интересам. Отличие заключается в ситуации невозможности достижения цели иным способом (при обоснованном риске) и невозможности устранения опасности иными средствами (при крайней необходимости).

Однако сегодня существуют мнения, с которыми мы не можем согласиться, о том, что действия, направленные на освобождение заложников, совершаются в состоянии необходимой обороны и должны отвечать условиям ее правомерности. Так, А. И. Каплунов и С. Ф. Милюков считают, что «данное преступление имеет длящийся характер, и до тех пор, пока заложники не освобождены и продолжает существовать опасность для их жизни или здоровья, действия по применению огнестрельного оружия при освобождении заложников должны соответствовать условиям правомерности, характеризующим состояние необходимой обороны»⁴. Новиков В. С. освобождение заложников относит к тем правовым конфликтам, когда сотрудники милиции, находясь в состоянии необходимой обороны, обязаны вынужденно применять огнестрельное оружие⁵.

На наш взгляд, при пресечении захвата заложника нет оснований определять необходимую оборону как единственное правовое состояние, отражающее внешние условия ситуации, в которой может оказаться сотрудник правоохра-

---

¹ Михайлов В. Крайняя необходимость // Закон. 2000. № 7. С. 43.

² Демидов Ю. Н. Уголовно-правовые меры борьбы с правонарушениями в экстремальных условиях. М., 1993. С. 47.

³ См.: Бабурин В. В. Влияние объекта преступления на степень уголовно-правового риска // Научный вестник. 2002. № 1 (15). С. 4.

⁴ Каплунов А. И., Милюков С. Ф. Применение и использование боевого ручного стрелкового, служебного и гражданского огнестрельного оружия. СПб., 2003. С. 119.

⁵ См.: Новиков В. С. Правовая основа вынужденного применения огнестрельного оружия сотрудниками милиции // Государство и право. 1996. № 1. С. 84.

нительных органов. При применении оружия возможны не только необходимая оборона, но и оправданный профессиональный риск¹.

При оценке ситуации, связанной с освобождением заложников, необходимо учитывать ее экстремальность и объем задач, стоящих перед оперативным штабом, который призван обеспечить высокую готовность сил и средств к участию в данной операции. Возникает вопрос: как можно ограничиваться только одним правовым состоянием, таким как необходимая оборона, когда стоят задачи разработки тактики и стратегии переговоров с захватчиками, организации силовых действий по освобождению заложников и задержанию виновных.

Сложность проведения специальных операций по освобождению заложников заставляет сотрудников органов безопасности и внутренних дел применять ряд оперативно-служебных действий по освобождению заложников², которые можно разделить на три самостоятельных этапа. На первом этапе в целях выигрыша времени, сохранения жизни и здоровья людей, материальных ценностей, а также изучения возможности пресечения данного преступления без применения силы допускается ведение переговоров с виновными. На втором этапе, в ходе оперативной игры, создается видимость выполнения их требований, делаются некоторые уступки, чтобы добиться освобождения заложников или большей их части, в первую очередь детей, а также нуждающихся в медицинской помощи. Следующий этап включает безотносительно итогов переговорного процесса, а тем более, когда они не дали положительных результатов, силовые действия, направленные на изоляцию (ликвидацию) лиц, захвативших заложников, освобождение пострадавших и доставку задержанных к месту содержания под стражей. Кроме того, для решения указанных задач в типовых планах в зависимости от обстоятельств захвата и масштабов операции необходимо спрогнозировать наибольшее количество вариантов развития событий, начиная с переговорного процесса.

Таким образом, устранять данную опасность возможно совокупностью уголовно-правовых мер, так как любая из ситуаций (этапов) операции может содержать то или иное условие причинения правомерного вреда, где могут одновременно иметь место несколько обстоятельств, исключающих преступность деяния, и, следовательно, существует проблема их конкуренции. «В подобных ситуациях, – отмечает В. В. Орехов, – должны применяться правила допустимого вреда, наиболее благоприятные для лица, причинившего вред. Когда же при конкуренции превышаются пределы допустимости только одного из ОИПД, лицо должно нести уголовную ответственность за причинение вреда при нарушении именно этого обстоятельства»³.

---

¹ См.: *Донцов С.* Правомерность причинения вреда в критических условиях борьбы с преступностью // Советская юстиция. 1990. № 6. С. 14.

² См.: *Организация и тактика действий сил и средств ОВД и ВВ МВД России при проведении специальных операций* / под ред. канд. юрид. наук Е. П. Приходько. М., 1996. С. 121–153.

³ *Орехов В. В.* Указ. соч. С. 111.

Учитывая пограничный характер и внешнее сходство правовых состояний ОИПД в ходе рассматриваемой нами деятельности, возникает необходимость определения общего для подобных ситуаций обстоятельства и момента его действия. Возможность причинения вреда в ходе проведения специальной операции по освобождению заложников следует оценивать по характеру и степени угрожающей опасности и тем условиям, в которых она будет устраняться, а не по результатам причиненного вреда.

Сущностью общественной опасности деяния являются его волевой характер, направленность на те или иные общественные отношения и причинение им ущерба¹. Значит, сущность захвата заложника содержится в волевом поведении виновного – стремлении прикрыться жизнями невинных, поставить их под угрозу причинения им вреда, в том числе и со стороны правоохранительных органов, и тем самым добиться желаемого результата. Исходя из этого, в данных условиях в момент применения института необходимой обороны, то есть правомерного причинения вреда посягающему и одновременно защиты заложников от общественно опасного посягательства, практически всегда существует реальная угроза жизни и здоровью заложников. Следовательно, применение указанного ОИПД происходит на фоне крайней необходимости, так как не исключается риск причинения вреда пострадавшим (третьим лицам). По этой причине процесс освобождения заложников начинается переговорами с террористами, в ходе которых оперативный штаб идет на крайние меры, используя возможность избежать причинения вреда заложникам, то есть норму о крайней необходимости, разрешающей правоприменителю действовать, даже путем причинения вреда, в целях спасения более значимого блага – жизни человека.

Об этом свидетельствуют и факты, когда с целью сохранения жизни заложников выполнялись все требования террористов. Так, в марте 1992 г. три бандита захватили рейсовый автобус в Ставропольском крае. При следовании мимо поста ГАИ один из них был убит, остальных стали преследовать трое сотрудников милиции. В ходе преследования бандиты в одном из домов захватили в заложники женщин и детей. Забежавшие в дом милиционеры оказались в трудном положении: уничтожить бандитов и пожертвовать заложниками либо сдаться самим. Работники милиции сложили оружие, после чего были посажены в автобус как заложники, а их оружием довооружились бандиты. Затем они приехали в аэропорт «Минводы» с требованием предоставить им самолет. В ходе трехдневных переговоров оперативный штаб не был готов принять какое-либо решение, в итоге захваченный автобус пропустили через рубеж блокирования, и он последовал в сторону Чечни. По пути движения автобус несколько раз останавливался, один из бандитов сидел на заднем

---

¹ См.: Андрушко П. П. Юридическая природа и значение исполнения приказа и выполнения профессиональных функций в советском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1987. С. 9.

сиденье с канистрой бензина, второй выходил и вел переговоры. Согласно выдвинутым требованиям им привезли водку и к одному из них жену. Несмотря на то, что возможность для ликвидации террористов имелась, применить для этого группу спецназа внутренних войск МВД России не решились, так как в ней были солдаты срочной службы, которые недостаточно четко представляли себе происходящее. В результате автобус с заложниками уехал в Чечню беспрепятственно¹.

23 декабря 1993 г. в Ростове-на-Дону четверо вооруженных террористов во главе с Алмамедовым захватили учительницу и 12 школьников, посадили их в автобус и объявили заложниками. Террористы выдвинули требование предоставить им вертолет для следования в Иран. На предоставленном им вертолете МИ-8 с экипажем они вместе с заложниками вылетели с военного аэродрома Ростова-на-Дону в Краснодар, а затем в Минеральные Воды. В ходе переговоров террористы потребовали в качестве выкупа 10 млн дол. США. 24 декабря требуемая сумма была им предоставлена, и они освободили часть заложников. 26 декабря они отпустили оставшихся заложников и вылетели в направлении Махачкалы. Террористы покинули борт вертолета в пригороде Махачкалы, но в ходе поисковых мероприятий 27 декабря все они были задержаны².

Эти и другие события спровоцировали череду последующих захватов при аналогичных обстоятельствах: 26 мая 1994 г. в Ставропольском крае банда Бициева захватила автобус. Террористы требовали наркотики, вертолет, 10 млн. дол. США. В итоге вертолет с террористами приземлился в Чечне, а через час после посадки они были обезврежены. Практически то же произошло 28 июня 1994 г., когда террористы захватили рейсовый автобус близ Минеральных Вод³.

Приведенные примеры событий, связанные с ненасильственным вариантом освобождения заложников, говорят о том, что оперативные штабы, руководители указанных операций, в силу отсутствия абсолютных гарантий сохранения жизней заложников, выбрали, по их мнению, единственно правильную стратегию разрешения криминальной ситуации⁴. Представляется, что в данном случае решения оперативного штаба следует оценивать по правилам института крайней необходимости, так как выполнялись все требования террористов (крупные суммы денег, наркотики, спиртные напитки и даже оружие) в обмен на безопасность и свободу заложников. Здесь возможный материальный ущерб государству, бесспорно, является меньшим по сравнению с риском причинения физического вреда здоровью (жизни) человека.

---

¹ См.: *Селиверстов С. А.* Указ. соч. С. 35–36.

² См.: О действиях органов внутренних дел и внутренних войск при проведении операции по освобождению заложников, захваченных в г. Ростове-на-Дону 23 декабря 1993 г.: аналитическая справка ГУК МВД России от 9 марта 1994 г. М., 1994. С. 2.

³ См.: *Ныриков С. А., Голубев В. П., Назаркин М. В., Гучетль С. В.* Мировой опыт борьбы с терроризмом. М., 2003. С. 34.

⁴ См.: О действиях органов внутренних дел и внутренних войск при проведении операции по освобождению заложников, захваченных в г. Ростове-на-Дону 23 декабря 1993 г. С. 9.

Между тем мировая практика и приведенные примеры свидетельствуют о том, что иногда власти вынуждены идти по пути бескомпромиссной борьбы с терроризмом и уничтожения террористов, так как выполнение их требований, в том числе по уплате выкупа за заложников, лишь поощряет террористов к новым захватам. В Чечне на этом базировался крупный «бизнес». Только в 1997 г. он принес чеченским бандитам, по официальным подсчетам, около 20 млн дол. США¹. В связи с этим чаще всего применяется силовой вариант тактических действий по освобождению заложников, который предполагает множество оперативных замыслов и решений по применению оружия и специальных средств по сравнению с ненасильственным вариантом. Обычно, силовой вариант направлен на уничтожение террористов, их нейтрализацию с использованием усыпляющих и других психотропных средств, ликвидацию главарей и т. п. В этих условиях вред целенаправленно причиняется посягающему при защите от него пострадавших, и это означает, что правоохранные органы действуют в условиях необходимой обороны. «Наступает момент, – пишет А. Лоскутов, – когда для освобождения заложников следует избрать меры чрезвычайные, более “крайние”, чем возможные в условиях крайней необходимости. Такие действия, думается, можно отнести к необходимой обороне»². Однако возникает вопрос: как быть при этом с риском реального причинения вреда заложникам? Следовательно, в ситуациях, связанных с силовым вариантом освобождения заложников, мы можем говорить о возможной конкуренции необходимой обороны и обоснованного риска.

Сравнительный анализ этих уголовно-правовых норм показывает, что сфера действия ст. 41 УК РФ шире сферы действия ст. 37 УК РФ, так как могут быть лишены жизни по неосторожности третьи лица³. Однако проведенное нами анкетирование показывает, насколько неоднозначно и сложно поддается оценке данный вывод сотрудниками правоохранных органов. Так, на вопрос: «Считаете ли Вы возможным в исключительных случаях причинение смерти заложнику в ходе спецоперации по их освобождению? Если да, то укажите, в рамках какого института обстоятельств, исключаяющих преступность деяния, это допустимо?» были даны следующие ответы: да – 31,6 % (из них по ст. 37 УК РФ – 10 %, ст. 39 УК РФ – 47 %, ст. 41 УК РФ – 50,6 %), нет – 43,4 % (68 % опрошенных составляли сотрудники прокуратуры), а 25 % респондентов затруднились с ответом. Примерно так же распределились мнения граждан. На вопрос: «Как Вы относитесь к тому, что в исключительных случаях возможно причинение смерти заложнику в ходе спецоперации по освобождению многих заложников?» 40 % граждан указали,

---

¹ См.: Артамонов И. И. Указ. соч. С. 236.

² Лоскутов А. Указ. соч. С. 38.

³ См.: Михаль О. Профессиональный (обоснованный) риск при освобождении заложников // Уголовное право. 2003. № 1. С. 40.

что относятся к этому с пониманием, 38 % – отрицательно и 22 % респондентов затруднились ответить.

Нам представляется, что действия правоохранительных органов, направленные на освобождение заложников в условиях силового варианта, следует рассматривать как проявление обоснованного риска. Это подтверждает и аргументированный вывод, сделанный Т. Орешкиной: «Вред, причиненный работниками милиции лицу, совершившему преступление, должен охватываться таким ОИПД, как необходимая оборона. Допустимость причинения вреда прохожим должна рассматриваться в рамках обоснованного риска. Вывод о правомерности или неправомерности действий работников милиции должен основываться на тщательном анализе ситуации, с учетом того обстоятельства, что, как правило, рисковать жизнью человека нельзя. Однако, если происходило пресечение опасного преступления, и работники милиции осуществляли необходимые меры для предотвращения вреда прохожим, то в конкретном случае причинение вреда здоровью человека, случайно оказавшемуся на месте происшествия, может быть (с точки зрения обоснованного риска) признано допустимым»¹. Исключением могут быть лишь те ситуации, когда виновные в захвате заложников непосредственно приступили к уничтожению (убийству) своих жертв или условия позволяют ликвидировать террористов без явного причинения вреда заложникам. Такая обстановка будет полностью соответствовать требованиям необходимой обороны.

В качестве примера рассматриваемой ситуации приведем беспрецедентный захват террористами средней школы № 1 г. Беслана в период с 1 по 3 сентября 2004 г., где более 1200 заложников удерживались в заминированном по всему периметру спортзале. Согласно данным Парламентской комиссии, 3 сентября один из членов банды террористов, в соответствии с заранее разработанным планом, привел в действие установленные в спортивном зале школы самодельные взрывные устройства². Взрывы вызвали неуправляемые действия пострадавших внутри школы. Спасая жизни, большая часть заложников, не задумываясь о последствиях, предприняла попытку покинуть частично разрушенное здание спортзала школы. Террористы открыли огонь на поражение заложников. Сотрудники спецподразделений с риском для жизни спасали людей и ликвидировали бандитов. В ходе теракта установлено 326 погибших (большинство из них дети), получили ранение 727 человек³. В этой специальной операции штурмовые группы перешли к силовым действиям только потому, что был произведен взрыв в спортзале и террористы приступили к уничтожению заложников.

---

¹ Орешкина Т. Обоснованный риск в системе обстоятельств, исключаяющих преступность деяния // Уголовное право. 1999. № 1. С. 23, 24.

² См.: Российская газета. 2006. 23 дек.

³ См.: Российская газета. 2004. 9 сент.

Итак, по нашему мнению, уголовно-правовая характеристика деятельности правоохранительных органов по освобождению заложников состоит в том, что действия сотрудников данных подразделений в случае причинения ими вреда будут оцениваться по нескольким ОИПД в зависимости от моментов их наличности и действительности. Специфичность рассматриваемой деятельности заключается в том, что начальным моментом по отношению к остальным ОИПД служит условие исполнения приказа или распоряжения, так как данный уголовно-правовой институт закрепляет обязанность исполнителя выполнять приказы руководителя оперативного штаба, направленные на проведение специальной операции по освобождению заложников даже путем причинения вреда.

При индивидуальной оценке приказов руководителя или действий сотрудников спецподразделений наглядно проявляется близость состояний необходимой обороны, крайней необходимости и обоснованного риска, которые конкурируют между собой и устанавливаются в зависимости от тактических вариантов освобождения заложников. Состояние обоснованного риска нам представляется среди них наиболее характерным для действий по силовому освобождению заложников, поскольку в этом случае существует потенциальная угроза причинения вреда заложникам. Однако в ситуациях, связанных с ликвидацией террористов при условии отсутствия угрозы причинения вреда захваченным лицам, или когда виновные приступили к непосредственной расправе с заложниками, данные действия будут соответствовать условиям необходимой обороны. При выполнении органами власти в ходе переговоров требований, предъявляемых виновными в данном преступлении, налицо деятельность, которую следует оценивать по правилам института крайней необходимости. Кроме того, возможна наличность оснований задержания лица, виновного в захвате заложников. В этом случае возникает ситуация перерастания одного из указанных ОИПД в институт задержания лица, совершившего преступление. Детальное исследование каждого из представленных обстоятельств и моментов их распространения на возможные условия действий правоохранительных органов в специальных операциях по освобождению заложников будет представлено в следующих параграфах работы.

Обобщив изложенное, можно сделать вывод о том, что рассмотренное нами выше понятие состава правомерного поведения в действиях по освобождению заложников не подменяет ОИПД, а создает теоретическую предпосылку для уяснения содержания тех институтов ОИПД, условия правомерности которых предоставляют возможность давать объективную уголовно-правовую оценку деятельности сотрудников правоохранительных органов по пресечению захвата заложников.

Более того, данный состав правомерного поведения позволяет определить общие условия правомерности причинения вреда при освобождении заложников, которые, в свою очередь, делятся на две группы. Одна группа включает условия правомерности, относящиеся к посягательству: захват заложников,

сопряженный с насилием, опасным для жизни потерпевших; наличие и действительность данного посягательства. Другая группа – условия правомерности, относящиеся к защите: круг объектов защиты – общественная безопасность, непосредственно заложники; причинение вреда посягающему без риска или с риском причинения вреда заложникам, а также третьим лицам; соразмерность вреда (причиненный вред посягающему может быть равным или большим); для третьих лиц (заложников) вред должен быть менее значительным, чем предотвращенный. Вместе с тем для уточнения наиболее сложных условий правомерности процесса освобождения заложников необходимо в комплексе проанализировать признаки общественной опасности преступления и действий по его пресечению.

ГЛАВА 3. ОБОСНОВАННОСТЬ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ЗАЛОЖНИКОВ

§ 1. Возможность причинения вреда в целях освобождения заложников

Причинение вреда объектам уголовно-правовой охраны в результате действий правоохранительных органов, направленных на освобождение заложников, должно происходить на законных основаниях, регламентирующих их служебную деятельность, и соответствовать условиям ОИПД, предусмотренных уголовным законом. Нарушение условий правомерности этих обстоятельств может привести к тому, что данные действия будут признаны неправомерными, влекущими ответственность. При этом возможное превышение ОИПД сотрудниками правоохранительных органов в указанной деятельности должно оцениваться, кроме прочих условий, и в зависимости от того, каков масштаб захвата заложников и насколько высока опасность лица, совершившего это деяние¹.

С точки зрения юридической (правовой) формы правомерных поступков, ОИПД можно разделить на две группы: 1) осуществление своего права; 2) выполнение правовых обязанностей или исполнение служебного долга². Вместе с тем следует иметь в виду, что во многих ситуациях одно и то же обстоятельство может быть правом для одних и юридической обязанностью для других. Таким образом, рассматривая исследуемую нами деятельность правоохранительных органов, необходимо обосновать условия правомерности возможных действий, преступность которых исключается уголовным законом³, правильно определить их юридическую природу, а также конкретизировать, является ли это для них правом или служебным долгом.

---

¹ См.: Алтухов С. А. Преступления сотрудников милиции (понятие, виды и особенности профилактики). СПб., 2001. С. 36.

² См. об этом: Баулин Ю. В. Указ. соч. С. 60; Савенок А. Л. Риск: социально-правовые аспекты: учеб. пособие. Минск, 1999. С. 26.

³ См.: Пархоменко С. Деяния, преступность которых исключается уголовным законом // Уголовное право. 2004. № 4. С. 55.

Перечисленные выше уголовно-правовые основания действий по освобождению заложников позволяют указать общие объективные и субъективные признаки условий правомерности деяний для ОИПД, предусмотренных ст. 37, 38, 39, 41 УК РФ, совершение которых возможно в исследуемой нами деятельности сотрудников правоохранительных органов. С объективной стороны данные действия направлены на достижение общественно полезного результата – пресечение общественно опасного деяния, связанного с захватом заложника, поэтому при соблюдении всех условий правомерности этих обстоятельств причинение вреда не может рассматриваться как преступление¹. Субъективная сторона деяния при ОИПД в указанной ситуации определяется особенностями отношений специальных субъектов к своим действиям – преследуемой целью, связанной с предотвращением грозящей опасности от преступного посягательства.

Кроме того, характер деятельности по освобождению заложников подчинен строгим служебно-властным отношениям сотрудников, основанным на принципе единоначалия. Отсюда условия правомерности, предусмотренные ст. 42 УК РФ, более специфичны, чем сочетаемость вышеуказанных ОИПД. Это связано с тем, что возможное причинение вреда, совершенного в рамках *исполнения приказа или распоряжения* как разновидности социально-правовых отношений, направлено на обеспечение должного уровня дисциплины и порядка – неотъемлемого элемента прохождения службы государственными военизированными организациями. Данный институт строится на соблюдении правил строгой субординации, где подчиненный обязан выполнить приказ начальника беспрекословно, точно и в указанные им сроки².

О решающем влиянии приказов (распоряжений) начальников на сотрудников в чрезвычайных обстоятельствах свидетельствуют ответы респондентов на вопрос: «Что, на Ваш взгляд, определяет поведение сотрудника органов внутренних дел в пресечении массовых беспорядков?». Результаты распределились следующим образом: приказы начальника – 54 %, требования закона – 35 %, чувство самосохранения – 22 %, нравственные принципы – 19 %³. Данные проведенного нами анкетирования практически не отличаются от вышеуказанного опроса. Так, на вопрос о том, что может реально определить поведение сотрудника правоохранительных органов, участвующего в освобождении заложников, 56 % опрошенных сотрудников ответили, что это приказы руководителя операции, 37,8 % – требование закона, 29,4 % – служебный долг, 6,3 % – чувство самосохранения, 11,9 % – нравственные принципы.

---

¹ См.: Смирнова Л. Н. Указ. соч. С. 114.

² См.: Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации: утв. указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495. М., 2008. С. 18–19.

³ См.: Демидов Ю. Н. Указ. соч. С. 50.

В статье 42 УК РФ предусмотрены два вида реагирования исполнителя на приказ. Во-первых, субъект причинения вреда, находящийся в подчинении лицу, отдавшему для него обязательный приказ, как правило, понимает вредность совершаемых им действий, хотя они соответствуют требованиям нормативных предписаний, но не знает об общественно опасных последствиях своих действий, не осознает также их конечную общественную значимость. В тех случаях, когда исполнитель осознает явно преступный характер полученного приказа (например, ведение огня на поражение при скоплении рядом с виновным большого числа заложников), но выполняет его, он несет ответственность на общих основаниях вместе с лицом, отдавшим этот приказ.

Во-вторых, закон дает право выбора исполнителю приказа, тем самым обеспечивает охрану лица, сознательно не выполнившего приказ, который он признает как заведомо незаконный (преступный). Отказ выполнить преступный приказ не только утрачивает общественную опасность, но и устраняет возможные общественно опасные последствия. Таким образом, правомерность действий лица, исполняющего приказ, связана с субъективной стороной данного обстоятельства¹, то есть отсутствием его виновности как в случае причинения вреда правоохраняемым законом интересам при исполнении обязательного приказа, так и в тех случаях, когда лицо не исполнило заведомо незаконный приказ.

Между тем в ряде международно-правовых актов существуют нормы, запрещающие ссылаться на приказ начальника в оправдание совершенных незаконных деяний (ст. 5 Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, § 3 ст. 2 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, пп. 3–10 «А» Декларации о полиции и др.)².

Деятельность сотрудников правоохранительных органов, направленная на освобождение заложников, обусловлена требованиями начальника (руководителя оперативного штаба), основой которых выступает приказ. Данный приказ, в подавляющем большинстве случаев, сопряжен с нанесением ущерба и возможным причинением вреда, но при этом является законным и направлен на реализацию социально необходимых целей. Действия подчиненного здесь ограничены волей руководителя, которая для него является юридически обязательной. Отсюда, если исполнитель четко выполнил законный приказ, а затем обнаружились последствия, превышающие правомерный вред, то уголовную ответственность за это должно нести лицо, отдавшее приказ. В определении УСК ВС СССР от 28 июня 1939 г. по делу Т. и С. сказано,

---

¹ См. об этом: *Сахаров А. Б.* Исполнение обязательного приказа // Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. М., 1987. С.136; *Орехов В. В.* Указ. соч. С. 156; *Зуев В. Л.* Необходимая оборона, крайняя необходимость и иные обстоятельства, исключаящие преступность деяния // *Юридический мир.* 2001. № 8. С. 41; *Демидов Ю. Н.* Указ. соч. С. 50.

² См.: *Веденин Д. В.* Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 14.

что «подчиненный, выполнивший законное распоряжение своего начальника, не может отвечать за наступившие последствия, предвидеть которые был обязан не он, а лицо, отдавшее распоряжение»¹. Так, основной причиной драматических событий, связанных с результатами освобождения заложников по делу Овечкиных, стало непрофессиональное руководство данной операцией². В то же время, выполняя поставленную руководителем задачу, сотрудник, входящий в состав штурмовой группы, обязан учитывать обстановку в данный отрезок времени и в соответствии с ней выбирать свой вариант правомерного поведения. Значит, действия сотрудника, соответствующие требованиям правоприменительного акта и подпадающие под условия необходимой обороны, но совершенные в нарушение приказа, следует считать правомерными. Например, снайпер, без разрешения на открытие огня, выбрав удобный и тактически верный момент, точным выстрелом может поразить террориста, не поразив заложников. Если же самовольное превышение приказа повлечет общественно опасные последствия, то подчиненный может быть привлечен к уголовной ответственности. О такой ситуации В. Я. Григенча пишет: «Нет соучастия и в том случае, если приказ сам по себе законен, но исполнитель, игнорируя доступные ему законные способы достижения поставленной в приказе цели, действует преступно. Здесь имеет место своеобразный эксцесс исполнителя приказа...»³. В таком случае исполнитель приказа (распоряжения) не может ссылаться на полученное предписание как на обстоятельство, оправдывающее его деяние. Выход за рамки предписанного поведения означает, что исполнитель принимает на себя всю полноту ответственности за последствия своего деяния⁴.

Кроме того, пределы исполнения приказа в деятельности всех правоохранительных структур аналогичны и определены рамками соответствующих законов. Так, в ч. 3 ст. 16 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» закреплено: «При получении приказа или указания, противоречащего закону, указанное должностное лицо обязано руководствоваться законом»⁵.

Вышеизложенный анализ деятельности сотрудников правоохранительных органов по освобождению заложников применительно к институту исполнения приказа или распоряжения позволяет сделать вывод о том, что данное обстоятельство повышает действенность приказов, укрепляет социальную безопасность исполнителей и служит основным признаком оценки их действий,

---

¹ Сборник Верховного Суда СССР. 1938–1939. С. 104.

² См.: Болтунов М. «Альфа» – смерть террору. М., 2003. С. 227.

³ Григенча В. Я. Юридическая природа исполнения неправомерного приказа // Российский юридический журнал. 1997. № 2. С. 14.

⁴ См.: Веденин Д. В. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: учеб. пособие. Екатеринбург, 2001. С. 44.

⁵ См.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. проф. В. В. Николюка и доц. В. В. Кальницкого, А. Е. Чечетина. Омск, 1999. С. 143.

правомерность которых определяется дисциплинарной подчиненностью (законный приказ подлежит обязательному исполнению) и требованиями законности действий сотрудников спецподразделений (самостоятельностью субъектов).

Оценивая непосредственно действия руководителя и отдельных сотрудников правоохранительных органов по освобождению заложников, необходимо подчеркнуть, что данная ситуация связана с пресечением тяжкого (особо тяжкого) преступления, в ходе чего могут пострадать третьи лица. Следовательно, все эти обстоятельства свидетельствуют об исключительных уголовных правоотношениях, возникших между лицом, совершившим данное деяние, и сотрудниками спецподразделений, обязанными выполнить указанную им оперативно-служебную задачу вплоть до максимального причинения вреда захватчикам (лишения их жизни). В этих условиях допустимо применение всех средств воздействия на нарушителей уголовного закона, предусмотренных ст. 12 Закона «О милиции» (ст. 14 ФЗ РФ «Об органах федеральной службы Федерации»).

Обращаясь к традиционной норме российского уголовного права о *необходимой обороне* (ст. 37 УК РФ) в рамках исследуемых нами действий по освобождению заложников, важно подчеркнуть, что положение о необходимой обороне в действиях сотрудников правоохранительных органов распространяется только на те случаи, когда применение силового варианта освобождения заложников не связано с потенциальным риском причинения вреда жертвам данного преступного посягательства. Это, по нашему мнению, относится к ситуациям по обезвреживанию лица, причастного к удержанию заложников, в условиях нахождения виновного на безопасном расстоянии от удерживаемых им людей.

Например, 2 сентября 2005 г. в операционном зале отделения сбербанка поселка Каменоломня Ростовской области неизвестный мужчина 23–28 лет, приставив к горлу 30-летней женщины нож, потребовал выкуп в размере 500 тыс. руб. Прибывшая к месту происшествия оперативно-следственная группа милиции вступила с ним в переговоры, в ходе которых налетчику передали 100 тыс. руб. и предоставили такси, за рулем которого сидел начальник уголовного розыска местной милиции. Прикрываясь заложницей, виновный во время выхода из банка выронил из рук пакет с деньгами и нагнулся, чтобы подобрать его. Этим моментом воспользовался начальник уголовного розыска, выстрелив из табельного оружия преступнику в голову¹.

Пример показывает, что сотрудник милиции правильно оценил обстановку происходящего, угрозу общественно опасного посягательства и при применении оружия профессионально грамотно обеспечил безопасность заложника. Тем самым им были соблюдены условия правомерности необходимой обороны, которые относятся, во-первых, к посягательству и определяются его общественной опасностью, наличием и действительностью, во-вторых, к

---

¹ См.: Российская газета. 2005. 3 сент.

защите – действия по защите не превысили ее пределы. При этом очень важно оценивать субъективные критерии необходимой обороны – поведение посягающего и реакцию на это защищающегося. «Иначе говоря, – как верно отметил Ю. В. Баулин, – она признается правомерным актом не только в связи с объективно причиненным вредом посягающему, но и при адекватном психическом отношении к причинению этого вреда. Такое отношение характеризуется интеллектуальным и волевым моментом»¹.

Особое значение данный институт приобретает в плане гарантированности интересов обороняющегося от произвольной оценки его действий, ставших ответной реакцией на общественно опасное посягательство, действий, не просто допустимых с точки зрения права, но социально одобряемых обществом и государством². Согласно ч. 3 ст. 37 УК РФ все граждане независимо от их профессиональной подготовки или служебного положения наделяются правом на использование необходимой обороны, а также возможностью обратиться за помощью к другим лицам либо правоохранительным органам. Например, ранним утром 24 октября 2004 г. сержант милиции УВД г. Наро-Фоминска Глушенков, находясь в нетрезвом состоянии, открыл стрельбу на улице из своего табельного оружия. При этом он совершил убийство женщины и ранил двух граждан, после чего захватил автобус, угрожая водителю пистолетом. Водитель Францев ударил угрожавшего по руке, в которой находилось оружие; Глушенков успел выстрелить – пуля попала в лобовое стекло автобуса. Затем Францев, применив физическую силу, обезоружил нападавшего и задержал его³.

Не вызывает сомнений правомерность причинения вреда лицу, совершившему захват заложников, вплоть до лишения его жизни, в связи с особой степенью его общественной опасности. Однако, на наш взгляд, сами заложники не должны оказывать сопротивление лицам, их захватившим, и причинять им при этом смерть или вред здоровью. В обоснование предложенной точки зрения приведем результаты опроса граждан, по данным которого 39 % респондентов считают, что оказывать сопротивление лицам, их захватившим, является гражданским долгом каждого человека; 8 % указали, что это обязанность только сотрудников правоохранительных органов; 40 % опрошенных ответили, что не стоит рисковать своей жизнью и безопасностью других заложников, и 12 % затруднились ответить.

Для специального субъекта необходимой обороны (сотрудника правоохранительного органа) при освобождении заложника характерны признаки интеллектуального момента, которые заключаются в осознании им того, что виновным совершается тяжкое (особо тяжкое) преступление. Здесь налицо

---

¹ Баулин Ю. В. Указ. соч. С. 254.

² См.: Пархоменко С. В. Почему необходимая оборона является необходимой? // Уголовное право. 2003. № 1. С. 49.

³ См.: Комсомольская правда. 2004. 27 окт.

фактическое основание необходимой обороны, а также то, что посягательство непосредственно угрожает жизни и здоровью заложников и лиц, участвующих в их освобождении. Сотрудник должен предвидеть причинение им соразмерного вреда только посягающему лицу, учитывая его опасность и обстановку безопасности для заложника. В то же время волевой момент данного субъекта необходимой обороны характеризуется желанием выполнить свой моральный долг и служебную обязанность, причиняя виновному адекватный его опасности вред, который выступает необходимым средством пресечения общественно опасного посягательства.

Данный подход соответствует требованиям ч. 3 ст. 23 Закона «О милиции», где подчеркивается, что сотрудники милиции не несут ответственности за причиненный вред только в том случае, если он был соразмерен силе оказываемого противодействия, а также ч. 3 ст. 12 названного закона, где сказано, что они обязаны при применении силы действовать с учетом не только силы оказываемого противодействия, но и характера, степени опасности правонарушения и лиц, его совершивших¹. Как справедливо заметил Б. С. Никифоров, «нападающий лишает себя предусмотренных законом гарантий лишь в тех пределах, в которых он своим образом действий делает необходимым и тем самым оправданным причинение ему данного вреда»². Следующий пример указывает на важность анализа внутреннего психического состояния субъектов противостояния в рассматриваемой криминальной ситуации. Так, 17 апреля 2004 г. во Владивостоке 29-летний бухгалтер захватил в заложники пассажиров междугороднего рейсового автобуса. Угрожая пистолетом, похожим на ПМ (впоследствии выяснилось, что это был пневматический пистолет Иж-74), мужчина потребовал от водителя ехать к американскому посольству, утверждая, что ему необходимо срочно получить политическое убежище в США, иначе его убьют. При этом он сильно нервничал и постоянно извинялся перед заложниками. В ходе переговоров террорист попросил привезти его мать и сестру. Выяснилось, что захват заложников вызван неверием в справедливое расследование возбужденного против него уголовного дела. К месту происшествия привезли родных захватчика, и после разговора с матерью он освободил всех заложников и сдался сам. По завершении данной операции источник в правоохранительных органах сообщил, что снайперы могли ликвидировать террориста без риска причинить вред его жертвам, так как он стоял в салоне открыто, заложников для прикрытия не использовал³. Именно по этим признакам и спокойной обстановке в автобусе сотрудникам милиции стало ясно, что они имеют дело с человеком, потерявшим веру в объективность судебного решения, поэтому ограничились переговорами с

---

¹ См.: Кондрашов Б. П., Соловей Ю. П., Черников В. В. Указ. соч. С. 269, 344.

² Никифоров Б. С. Место объекта в общем определении преступления по советскому уголовному праву // Социальная законность. 1956. № 35. С. 35–36.

³ См.: Известия. 2004. 20 апр.

захватчиком, что и привело к позитивному результату. Приведенный пример свидетельствует о том, что далеко не всегда пресечение захвата заложника должно быть связано с жестким решением применения крайних мер в отношении виновного.

Однако известны ситуации, когда сотрудники правоохранительных органов, обезвреживая лицо, захватившее заложников, не имеют полного представления о сложившейся криминальной обстановке, тем самым подвергают риску, как свою жизнь, так и жизни многих заложников. Например, 7 июня 1991 г. самолет ТУ-154, следовавший по маршруту Грозный – Москва с более чем ста пассажирами и шестью членами экипажа, в аэропорту «Внуково» был захвачен чеченцем Рамазаном, вооруженным гранатой. Угрожая взорвать самолет, он дал 20 минут на дозаправку и потребовал вылета в Турцию. Переговоры с бандитом ни к чему не привели. После этого группа захвата ОМОН в составе А. Василенко и Ф. Якупова проникла в самолет через боковое окно кабины пилотов. Старший штурмовой группы Василенко, наблюдая за происходящим в глазок двери кабины, увидел террориста, расхаживающего по салону с гранатой в руке, не поставленной на боевой взвод (с невыдернутой чекой). Летчики по просьбе Василенко подозвали бандита к двери якобы для переговоров по радио. Когда Рамазан подошел, Якупов отворил ее, а Василенко, присев, направил ствол пистолета вверх в голову бандита и выстрелил. Террорист был убит, а гранату, выпавшую из его рук, накрыл своим телом Якупов, но кольцо гранаты было не выдернуто, и он выбросил ее через открытое окно кабины пилотов на землю. Впоследствии выяснилось, что у Рамазана в салоне самолета находился сообщник, вооруженный пистолетом, который, увидев, как того убили, испугался применить оружие¹.

Если в приведенном выше случае освобождение заложников прошло успешно, то во время захвата заложников на борту Ту-104, следовавшего по маршруту Москва – Новосибирск – Чита, в 1973 г. произошла трагедия. Сотрудник милиции В. Ежиков, сопровождавший самолет, выбрав удобный момент, выстрелил в спину террориста Рзаева, который захватил лайнер. В результате сработало взрывное устройство, находившееся в руках террориста, что привело к гибели всех находившихся на борту людей².

Ситуации, когда при защите причиняется вред не самому посягающему, а кому-либо из третьих лиц в связи с фактической ошибкой или отклонением действия, исключают в действиях обороняющегося необходимую оборону³. В первом примере сотрудники как обороняющиеся субъекты неправильно оценили обстановку защиты, так как в их действиях присутствовал потенциальный риск угрозы жизни и здоровью заложников со стороны соучастника захвата. Во втором случае субъект необходимой обороны допустил неизвинительную

---

¹ См.: *Селиверстов С. А.* Указ. соч. С. 107–108.

² См.: *Болтунов М.* Указ. соч. С. 217.

³ См.: *Орехов В. В.* Указ. соч. С. 80.

ошибку в оценке характера и опасности посягательства. Возможно, он не осознавал ошибочность своих действий, но по обстоятельствам дела должен был и мог это осознавать, если бы проявил должную профессиональную осмотрительность. При неизвинительной ошибке обороняющийся подлежит ответственности за неосторожное причинение смерти, тяжкий вред здоровью, поскольку иной вред, причиненный по неосторожности, не наказуем¹.

Применение силы в рамках ст. 37 УК РФ распространяется и на исключительные ситуации, связанные с непосредственным посягательством на жизнь заложников, когда только экстренные, оперативные действия штурмовых групп, направленные на уничтожение виновных, способны минимизировать причиняемый вред пострадавшим (опыт Беслана). Во всех остальных случаях силового варианта освобождения заложников, как нам представляется, действия сотрудников правоохранительных органов следует оценивать по правилам ст. 41 УК РФ.

В заключение анализа условий института необходимой обороны в действиях сотрудников правоохранительных органов, связанных с освобождением заложников, важно отметить, что в настоящее время данная уголовно-правовая норма играет большую роль в обеспечении личной и общественной безопасности, а также в уголовно-правовой борьбе с преступностью. При этом условия правомерности необходимой обороны применительно к данным действиям определяются наличием посягательства со стороны лиц, удерживающих заложников, и пределами во времени – оптимально выбранным моментом возможного причинения вреда посягающим лицам при отсутствии непосредственной опасности для жизни и здоровья заложников.

Детально разбирая применение института ОИПД, предусмотренного ст. 38 УК РФ, «*причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление*» в условиях проведения специальной операции по освобождению заложников, подчеркнем, что в ряде случаев задержание виновного может перерасти в необходимую оборону, поскольку зачастую, во время силового освобождения, преступники оказывают активное сопротивление группе захвата, выражающееся в посягательстве на жизнь и здоровье сотрудников данного подразделения. В связи с этим у задерживающих возникает право на необходимую оборону.

Так, в период с 19 по 21 апреля 2002 г. А. В. Косарев, находящийся в розыске за совершение тяжкого преступления, скрывался в одной из квартир г. Омска. Квартира была взята под скрытое наблюдение сотрудниками специального отряда быстрого реагирования криминальной милиции (СОБРа КМ) при УВД Омской области. 21 апреля 2002 г. примерно в 9 ч 30 мин Косарев, удерживая в руках пистолет и гранату, готовую к взрыву, закрываясь Н. С. Угрюмовой, вышел из квартиры и тут же был окружен полукольцом сотрудников указанного

---

¹ См.: Баулин Ю. В. Указ. соч. С. 257.

подразделения, которые стали вытеснять его в безлюдное место, предлагая сдаться. Возле дома Косарев, угрожая взрывом гранаты, стал отходить назад, поскользнулся, начал падать, отпустил заложницу, при этом выстрелил один раз из пистолета. Приблизившись к нему, сотрудники милиции отбросили женщину в сторону и произвели несколько выстрелов по пытавшемуся выстрелить в них Косареву. После этого через несколько секунд произошел взрыв выпавшей из рук задерживаемого гранаты. В результате виновный скончался на месте происшествия, в больницу с телесными повреждениями доставлены Угрюмова и три сотрудника милиции. Один из них (О. И. Охрименко) скончался в больнице. Действия сотрудников СОБРа по данному уголовному делу следствием были признаны законными и обоснованными в соответствии с п. 1 и 2 ч. 1 ст. 15 Закона РФ «О милиции»¹.

Вышеизложенная ситуация задержания лица, совершившего преступление, с причинением ему вреда, прежде всего, должна оцениваться по условиям необходимой обороны, так как сотрудникам оказывалось активное сопротивление, связанное с непосредственной угрозой для их жизни и здоровья. В то же время данная обстановка позволяет вести речь об обоснованном риске, если для задержания применяются такие способы и средства, в результате применения которых могут пострадать заложник и люди, участвующие в задержании², то есть возможна конкуренция указанных обстоятельств.

Между тем, несмотря на сходные условия и правила уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 38 УК РФ, с необходимой обороной, данный институт ОИПД имеет собственный юридический вектор, направленный на осуществление пресечения противоправного сопротивления лица, который перед этим совершил общественно опасное деяние и пытается избежать за содеянное дальнейшего уголовного преследования (п. 55 ст. 5 УПК РФ³). Так, по мнению Э. Ф. Побегайло, «вынужденное причинение вреда лицу, совершившему криминальное посягательство, является самостоятельным обстоятельством, исключая преступность деяния. Поэтому нет никакой необходимости приравнивать его к акту необходимой обороны, как это, например, сделано в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда от 16 августа 1984 г.»⁴. Справедлив в этом отношении и вывод В. П. Барчукова о том, что состав уголовно-правового задержания складывается из совокупности объективных и субъективных признаков правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, которые отличают эти

---

¹ См.: Архив Омской городской прокуратуры за 2002 г. Уголовное дело № 801243.

² См.: Смирнова Л. Н. Указ. соч. С. 121.

³ Уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

⁴ Цит. по: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. С. 79.

действия от аналогичных институтов необходимой обороны и крайней необходимости, а также от неправомерного поведения в данных ситуациях¹.

Вместе с тем наиболее правильную, на наш взгляд, позицию по вопросу определения института причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, занимает О. В. Кондрашова, которая указывает, что данный институт образует автономное, самостоятельное, имеющее собственные цели, функции и характеризующееся совокупностью признаков обстоятельство, исключающее преступность деяния. Причинение вреда как институт – это совокупность взаимосвязанных условий, определяющих социальную полезность и правомерность действий по причинению вреда².

Самостоятельный анализ правомерности причинения вреда при задержании лиц, совершивших общественно опасное деяние, в том числе и предусмотренное ст. 206 УК РФ, требуется лишь в тех случаях, когда задерживаемый не является активной, нападающей стороной, а пытается уклониться от задержания³. При этом институт задержания имеет своей целью доставку преступника органам власти и пресечение возможности совершения им в последующем новых посягательств (ч. 1 ст. 38 УК РФ). Вред, причиненный в ходе задержания, выступает в качестве средства достижения указанной цели.

В общем, законодатель весьма специфично определяет пределы вреда, причиняемого при задержании. С одной стороны, допустимый причиняемый вред определяется характером и степенью общественной опасности содеянного без требования меньшего вреда (как и при необходимой обороне). С другой – размер вреда поставлен в зависимость от обстоятельств задержания и определяется соображениями целесообразности, чтобы явно чрезмерные меры не принимались без очевидной необходимости, но были вызваны обстановкой⁴. В случае превышения задерживающим указанных пределов причиненного вреда задерживаемому уголовная ответственность наступает только за умышленное причинение им вреда (ч. 2. ст. 38 УК РФ).

Как уже отмечалось выше, институт задержания распространяется на те случаи, когда правонарушители уже совершили общественно опасное посягательство и пытаются избежать задержания. Однако если при этом задерживаемый прикрывается своими жертвами, то преследующие его сотрудники не могут действовать в соответствии с условиями, предусмотренными ст. 38 УК РФ, до тех пор, пока будет присутствовать угроза жизни заложникам.

Например, в мае 1994 г. четверо уроженцев Чечни, вооруженных автоматами и гранатами, захватили рейсовый автобус с пассажирами, следовавший в аэропорт г. Минеральные Воды. По прибытии в аэропорт террористы

---

¹ См.: Барчуков В. П. Уголовно-правовой институт задержания преступника и практика его применения органами внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. С. 23.

² См.: Кондрашова О. В. Уголовно-правовая оценка причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное посягательство: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. С. 41.

³ См.: Кондрашов Б. П., Соловей Ю. П., Черников В. В. Указ. соч. С. 349.

⁴ См.: Зув В. Л. Указ. соч. С. 38.

потребовали автоматы, бронежилеты, деньги в сумме 10 млн дол. США и вертолет. Указанные условия за освобождение части заложников были выполнены, и бандиты, прикрывшись четырьмя заложниками, перешли в вертолет и взлетели. В ходе полета их преследовали вертолеты с мобильными группами СОБРа, «Альфы» и «Веги». Вертолет приземлился на территории Чечни в 40 км от Грозного вблизи лесного массива на поле. Преступники, преследуемые спецподразделениями, покинули вертолет и, взяв с собой заложников, направились в лес. Один из бандитов остался прикрывать отход остальных, оказывая активное вооруженное сопротивление, и был убит. Оставшиеся террористы с заложниками были блокированы в лесном массиве. В результате поисковых мероприятий один бандит при оказании сопротивления был задержан, а двое других сдались добровольно, после чего задержанные и деньги были переданы представителям прокуратуры¹.

В приведенном примере сотрудники правоохранительных органов, несмотря на преследование и поиск скрывшихся террористов, находились в состоянии пресечения преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ, так как лица, совершившие это деяние, удерживали заложников и, следовательно, продолжали совершать данное общественно опасное посягательство. По этой причине в данной ситуации действия сотрудников спецподразделений, направленные на задержание сопротивляющихся бандитов, следует оценивать по вышеуказанным условиям необходимой обороны.

Классическим примером института задержания при проведении специальной операции по освобождению заложников может стать ситуация, сложившаяся в 1996 г., когда в зале ожидания станции «Успенская» Северо-Кавказской железной дороги гражданин Украины Ивченко, вооруженный взрывным устройством, при попытке его досмотра сотрудниками патрульно-постовой службы, угрожая взорвать себя и окружающих, взял в заложники двух женщин и их малолетних детей, после чего забаррикадировался с ними в помещении вокзала. В ходе переговоров выяснилось, что он хочет добиться освобождения своего незаконно задержанного в Ростове-на-Дону друга. Переговорщикам удалось убедить террориста отпустить заложников в обмен на еду и бутылку коньяка. Оставшись один, Ивченко решил бежать с места происшествия, воспользовавшись уходящим со станции пассажирским поездом. Его, снаряженного взрывным устройством, нельзя было допустить к пассажирскому составу. Сотрудник опергруппы А. Масюта понял замысел террориста и предупредил показавшегося в окне Ивченко голосом и выстрелом из пистолета в воздух. Несмотря на это, террорист выпрыгнул из окна. Тогда Масюта выстрелил в него, в результате чего произошел взрыв, Ивченко погиб. Служебная проверка, проведенная прокуратурой, признала действия А. Масюты правомерными².

---

¹ См.: Селиверстов С. А. Указ. соч. С. 37.

² См.: Мицкевич-Черновол С. Рикошет или еще раз о терроризме // Закон и право. 2004. № 11. С. 77–78.

Завершая рассмотрение условий правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего захват заложников, следует отметить, что характер мер по задержанию, во-первых, определяется совершением тяжкого (особо тяжкого) деяния, а во-вторых, должен соответствовать обстановке и поведению задерживаемого. Если данное лицо еще до начала силовых действий органов правоохраны добровольно освобождает заложников и сдается властям или уже в ходе указанных действий не оказывает сопротивления, то в этих случаях вообще практически отсутствует основание применения правил, предусмотренных ст. 38 УК РФ. В рассматриваемой нами ситуации обоснованное уголовно-правовое причинение вреда виновному в захвате заложников будет иметь место только в тех случаях, когда это лицо после оказания интенсивного вооруженного сопротивления (агрессивного поведения) самостоятельно попытается скрыться с места удержания заложников, не реагируя при этом на принятые предупредительные меры со стороны сотрудников спецподразделений.

Таким образом, начальным моментом правомерных действий, предусмотренных ст. 38 УК РФ, следует считать одновременное прекращение террористом криминального противостояния органам власти и удержания захваченных им лиц с последующей попыткой скрыться с места происшествия, а моментом окончания – его нейтрализация, задержание (здесь возможно причинение ему физического вреда вплоть до лишения жизни) с целью доставления в правоохранительные органы для последующего уголовного преследования.

Во время проведения контртеррористической операции в Чечне нередко происходили обмены взятых в плен, похищенных чеченскими боевиками военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов на представителей преступных формирований, находящихся под арестом у федеральных органов. Например, полковник налоговой полиции Иванов был захвачен и пробыл в плену более двух месяцев. После тщательной, кропотливой и объемной отработки всех возможных вариантов было принято решение обменять его на задержанного Муссу, участника незаконного вооруженного формирования¹.

В приведенном примере присутствуют все признаки *крайней необходимости*: реальная угроза жизни и свободе человека, устранить которую иными средствами не представляется возможным. При этом был причинен вред системе правосудия, реально пострадал принцип неотвратимости наказания. По своему «правовому естеству» и смысловой направленности переговоры с преступниками относятся к ненасильственным действиям и ведутся для предотвращения опасности, угрожающей личности и ее правам, интересам общества и государства². Для решения указанных задач представителям власти приходится рассматривать условия, которые выдвигают виновные, и идти на их

---

¹ См.: Михайлов В. Указ. соч. С. 41.

² См.: Илларионов В. П. Указ. соч. С. 47.

выполнение, при этом осознанно нарушая нормы морали и рамки закона в обмен на жизнь заложника.

В социальном плане крайняя необходимость охватывает все иные ОИПД, включая и необходимую оборону. «Представление о том, что необходимая оборона является разновидностью крайней необходимости, указывает на то, что логическое ударение в выражении “необходимая оборона” акцентируется на понятии необходимости»¹. Данное представление подтверждают нормы международного права, где применение силы и огнестрельного оружия правоохранительными органами охватываются требованиями крайней необходимости: «Должностные лица по поддержанию правопорядка могут применять силу только в случае крайней необходимости и в той мере, в какой это требуется для выполнения их обязанностей при надлежащем уважении прав человека»².

Рассматривая ситуацию, связанную с проведением специальной операции по освобождению заложников, следует отметить, что она вполне может отвечать указанным в уголовном законе правомерным условиям крайней необходимости: условия, характеризующие эту опасность, и условия, характеризующие действия, направленные на устранение последней.

Наличие источника опасности при захвате заложника, в контексте условий правомерности крайней необходимости, возникает с момента объявления захватчиками требований, предъявляемых органам власти в обмен на жизнь и свободу своих жертв, и продолжается до принятия решений адресатом требований по выполнению ультиматума. Эти условия Т. Орешкина совершенно справедливо относит к состоянию преодолимого психического принуждения (лицо сохранило возможность руководить своими действиями), которое рассматривается законодателем как источник опасности при крайней необходимости (ч. 2 ст. 40 УК РФ). «Так, психическим принуждением являются угрозы причинения вреда жизни или здоровью захваченных заложников, которые высказываются, например, правоохранительным органам, от которых при этом преступники требуют совершения действий, внешне противоправных, – выдачи оружия, наркотиков, предоставления вылета за границу»³.

Второе условие правомерности рассматриваемого института ОИПД при пресечении захвата заложников возникает вследствие реального психического принуждения, направленного на органы власти. Последние, как правило,

---

¹ Антонов В. Ф. Обстоятельства применения института крайней необходимости в деятельности правоохранительных органов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 22.

² См. об этом: Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию порядка (принят 17 декабря 1979 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 34/169); Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка (приняты VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшимся в период с 27 августа по 7 сентября 1990 г. в Гаване) // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк, 1992. С. 158.

³ Орешкина Т. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. 1999. № 3. С. 14.

опасаясь за жизнь заложников, идут на исключительные крайние средства устранения данной опасности, причиняя при этом вред ценностям, находящимся под охраной уголовного закона. Здесь и проявляется основная проблема института крайней необходимости, которая заключается в правильной оценке соразмерности и определении пределов причиненного вреда, особенно если ценности были разноплановыми. Причем вред должен оцениваться, исходя, главным образом, из общественной значимости спасенного блага¹.

Кроме того, иерархия объектов охраны ценностей представлена в ч. 1 ст. 39 УК РФ, где приоритетное место занимает личность. Эти аргументы, в общем, имеют существенное значение для решения вопроса о наличии или отсутствии превышения пределов крайней необходимости. Например, В. Н. Винокуров отмечает, что в большинстве случаев властям следует проявлять уступчивость в переговорах с лицами, захватившими заложников, реализуя институт крайней необходимости. При этом он, анализируя ситуацию, связанную со штурмом самолета, захваченного семьей Овечкиных в 1988 г., пишет: «Угрозу причинения вреда можно было устранить... для чего необходимо было пойти на причинение менее значительного вреда, в частности выполнить требование преступников о беспрепятственном вылете за рубеж»². Можно заключить, что для сохранения жизни человека, оказавшегося в качестве заложника, будет оправданным причинение более значительного вреда (ущерба) другим правоохраняемым интересам, чем для предотвращения опасности, непосредственно угрожающей личности и ее правам.

Экстремальная ситуация, связанная с освобождением заложников, вынуждает руководство специальной операцией действовать, зачастую причиняя вред законно охраняемым интересам, и уклониться от этого они не имеют права. Так, Н. Д. Дурманов писал, что «лица, на которых лежит в силу закона, служебного долга или условий работы обязанность бороться с угрожающей опасностью или вообще в определенных случаях подвергаться опасности или охранять те или иные законные интересы от этой опасности, не могут ссылаться на состояние крайней необходимости при уклонении от своих обязанностей»³. В этих условиях, в рамках ст. 39 УК РФ, возможно причинение материального ущерба третьим лицам, другим правовым интересам, за исключением лишения жизни заложников. Спасение жизни одного человека за счет смерти другого не признается правомерным в случае крайней необходимости ни судебной практикой, ни многими авторами⁴.

---

¹ См.: *Орехов В. В.* Указ. соч. С. 133.

² См.: *Винокуров В. Н.* Указ. соч. С. 82.

³ *Дурманов Н. Д.* Указ. соч. С. 38.

⁴ См. об этом: *Козак В. Н.* Вопросы теории и практики крайней необходимости. Саратов, 1981. С. 95; *Марцев А. И., Царегородцев А. М.* Необходимая оборона. Задержание преступника. Крайняя необходимость: учеб. пособие. Омск, 1987. С. 30; *Михайлов В. И.* Указ. соч. С. 43; *Орехов В. В.* Указ. соч. С. 135; и др.

Особо дискуссионным является вопрос возникновения ситуаций, когда вред причиняется здоровью и жизни невиновного человека в целях спасения жизни нескольких людей¹. Ранее в советской литературе утверждалось, что допускается возможность причинения смерти в состоянии крайней необходимости, если ценой жизни одного человека спасается жизнь многих людей². В настоящее время, например, А. А. Игнатъев отмечает, что «можно совершать любые действия, если соблюдаются условия крайней необходимости, так как это будут правомерные, законные и общественно полезные действия. Так, для спасения жизни многих людей можно лишить жизни одного человека, если иного выхода не было. И это будет лишением жизни в состоянии крайней необходимости, то есть общественно полезным действием, а не преступлением – убийством в юридическом смысле слова»³. «Однако, – возражает В. П. Илларионов, – обращение к общечеловеческим ценностям, которое сейчас наблюдается, исключает подобный подход. Ведь жизнь “нескольких или многих” состоит также из отдельных человеческих жизней, неповторимых, как и одна человеческая жизнь»⁴.

В соответствии с угрозами настоящего времени – терактами и имевшимися в связи с этим событиями В. В. Орехов допускает, «что спасение жизни многих людей при реальной возможности гибели или гибели меньшего числа людей подпадает под все условия правомерности крайней необходимости и может повлечь уголовную ответственность»⁵. Данную позицию отстаивают и другие авторы⁶. Это подтверждают и результаты анкетирования сотрудников специальных подразделений милиции (ОМОНа и ОМСН): по мнению 84 % респондентов причинение вреда здоровью невиновных лиц в случае крайней необходимости при проведении специальной операции допустимо. Иной точки зрения придерживаются О. И. Бекетов и В. Н. Опарин. Они указывают, что никакие объективные и субъективные обстоятельства не позволяют лишать жизни невиновных лиц, даже если это вызвано крайней необходимостью⁷. 92 % сотрудников на вопрос: «Возможно ли пожертвовать жизнью невиновного человека при проведении специальной операции ради спасения

---

¹ См.: Трагедия на Дубровке // Российская газета. 2002. 26 окт.

² См. об этом: Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1947. С. 243; Слуцкий И. И. Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность. Л., 1956. С. 105–106; Паше-Озерский Н. Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость. М., 1962. С. 167; Овезов Н. А. К вопросу об обстоятельствах, устраняющих общественную опасность и противоправность деяния в советском уголовном праве. Ашхабад, 1972. С. 96.

³ Игнатъев А. А. Убийство по закону (необходимая оборона и крайняя необходимость в частном сыске и охране) // Частный сыск, охрана, безопасность. 1995. № 11. С. 23.

⁴ Илларионов В. П. Указ. соч. С. 53.

⁵ Орехов В. В. Указ. соч. С. 133.

⁶ См., например: Каплунов А. И., Милоков С. Ф., Уткин Н. И. Указ. соч. С. 122.

⁷ См.: Бекетов О. И., Опарин В. Н. Применение полицейской силы по законодательству Российской Федерации: моногр. Омск, 2001. С. 144.

жизни многих людей?» ответили отрицательно¹. Полагаем, что с этим стоит согласиться, и вред, причиненный здоровью третьих лиц при проведении специальной операции по освобождению заложников в условиях крайней необходимости, может быть ограничен только ранениями (телесными повреждениями), не влекущими впоследствии смерть.

Таким образом, мы считаем, что прерогатива института крайней необходимости заключается в соизмерении ценностей различных благ, например личных и имущественных, но ни в коем случае одноплановых – жизнь за жизнь. Данный подход в полной мере согласуется с крайними мерами, принимаемыми органами государственной власти в процессе переговоров с лицами, захватившими заложников.

Например, операция по освобождению заложников в детском саду г. Омска 4 октября 1993 г. В результате переговоров сотрудники органов безопасности выполнили практически все требования террориста: передали ему крупную сумму денег, автомат с патронами и еду. Во время приема пищи его ликвидировали, заложники при этом не пострадали². В данном случае в обмен на безопасность взятых в качестве заложников заведующей и пятерых детей, руководители операции пошли на выполнение всех требований, даже тех, которые могли еще больше осложнить обстановку (передача автомата с патронами).

Х. Д. Аликперов предлагает инциденты, связанные с захватом заложников, разрешать путем разумной компромиссной борьбы как разновидности несилового метода пресечения данного преступления в пользу общественных интересов, «в точном соответствии с институтом крайней необходимости заключить сделку с преступниками, удовлетворив выдвинутые ими условия в обмен на освобождение заложников»³. При этом он ссылается на общеизвестный эпизод, связанный с захватом группой Якшиянца 1 декабря 1988 г. в г. Орджоникидзе (ныне г. Владикавказ) в качестве заложников 30 школьников и их учительницы.

В данном случае ради спасения жизни детей и их освобождения сотрудники правоохранительных органов пошли на выполнение жестких условий ультиматума преступников: предоставление автоматов с боеприпасами, 2 млн дол., наркотиков, самолета для вылета за рубеж⁴. «При этом, – пишет Х. Д. Аликперов, – они в пределах профессионального риска рассчитывали на пресечение действий преступников за рубежом, их выдачу, а также передачу законным владельцам оружия, валюты и т. д. Расчет оправдался»⁵. Органы безопасности в приведенном примере, действительно, пошли на большой риск, вооружив террористов автоматами и вручив им наркотики. Совер-

---

¹ Екимов С. О. Правовые и организационные основы деятельности подразделений милиции специального назначения: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2004. С. 30.

² См.: Архив прокуратуры г. Омска за 1993 г. Уголовное дело № 800144.

³ Аликперов Х. Д. Преступность и компромисс. Баку, 1992. С. 29–30.

⁴ См.: Михайлов В. И. Указ. соч. С. 43.

⁵ Аликперов Х. Д. Указ. соч. С. 70.

шенно справедливо характеризует данную «сделку» В. П. Илларионов: «Поведение преступников в подобных ситуациях непредсказуемо и не дает возможности определить степень вероятности наступления желаемого результата – основы любой формы риска, в том числе и профессионального»¹.

Проведенный опрос сотрудников правоохранительных органов также свидетельствует о том, что выполнение далеко не любого требования террористов может гарантировать безопасность заложников. Так, на вопрос: «Какие требования со стороны лиц, захвативших заложников, могут подлежать выполнению?» большинство респондентов (49,9 %) ответили, что только те, которые не связаны с выдачей им оружия и иных средств и предметов, применение которых может создать угрозу жизни и здоровью людей, а также с выполнением политических требований. Вместе с тем 25,2 % опрошенных считают, что необходимо отказаться от переговоров с террористами, 8,4 % затруднились с ответом, и лишь 16,5 % одобряют выполнение любых требований в обмен на жизнь заложников. Интересными представляются мнения на тот же вопрос и граждан: 32 % из них согласны с выполнением любых требований в обмен на жизнь заложников; немногим больше (44 %) считают, что заслуживают внимания только те, которые не связаны с выдачей оружия и иных средств и предметов, применение которых может создать угрозу жизни и здоровью людей, а также не связанные с выполнением политических требований; всего 11 % указали на отказ от переговоров с террористами, а 13 % затруднились с ответом.

Следует обратить внимание на неоднозначность и в правовом регулировании ведения переговоров с террористами. Если в ранее действовавшем Федеральном законе «О борьбе с терроризмом» законодатель устанавливал, что не должны рассматриваться вопросы о выдаче террористам каких бы то ни было лиц, передаче им оружия и иных средств и предметов, применение которых может создать угрозу жизни и здоровью людей, а также о выполнении политических требований, то в действующем Федеральном законе «О противодействии терроризму» он ограничился нерассмотрением политических требований террористов.

Данные подходы к оценке переговорного процесса подчеркивают проблему, в определении условий какого из ОИПД должны выполняться требования лиц, захвативших заложников. Это подтверждает и анкетирование правоприменителей. На вопрос: «Какое из обстоятельств, исключая преступность деяния, будет оправдывать выполнение требований террористов, направленных на выдачу им оружия и иных средств и предметов, применение которых может создать угрозу жизни и здоровью людей?» были получены следующие результаты: 4,9 % респондентов указали на психическое принуждение, 39,4 % лиц связывают эти действия с крайней необходимостью, 19,2 % – с обоснованным риском, 8,4 % затруднились ответить на вопрос. По этой

---

¹ Илларионов В. П. Указ. соч. С. 52.

причине выполнение органами власти требований лиц, захвативших заложников, по передаче им оружия и наркотиков трудно оценить только рамками крайней необходимости, так как в этом случае возникают реальные предпосылки для обострения и без того сложной оперативной обстановки, а также для большей напряженности общественной опасности при проведении специальной операции по освобождению заложников.

В связи с этим нам представляется, что в соответствии с условиями ст. 39 УК РФ могут выполняться только требования террористов, влекущие за собой любые материальные затраты, а выдачу им в руки оружия, боеприпасов и наркотических средств следует оценивать в рамках института обоснованного риска как сознательное решение, пренебрегающее возможными негативными последствиями с целью обеспечения безопасности жизни заложников. Кроме того, в настоящее время имеется уже достаточное количество фактов, которые свидетельствуют о том, что очень часто при проведении специальных операций по освобождению заложников, наряду с состоянием крайней необходимости, может возникнуть состояние обоснованного (профессионального) риска. Речь идет о так называемой идеальной совокупности ОИПД¹.

Близость условий данных институтов подтверждает и существовавшая до принятия УК РФ 1996 г. практика, когда обоснованный риск «чаще всего приравнивали к ситуации крайней необходимости и исключали уголовную ответственность на основании ст. 14 УК РСФСР 1960 г.»². В советском уголовном законе отсутствовала норма, предусматривающая обоснованный риск, поэтому подобные ситуации рассматривались как идеальная совокупность необходимой обороны и крайней необходимости. Так, И. И. Слуцкий писал: «Если применение оружия было необходимо для защиты от нападения, опасного для жизни, то вынужденное при этом причинение ранения постороннему лицу, случайно оказавшемуся на месте происшествия, оправдывается крайней необходимостью»³. Однако, с нашей точки зрения, данный пример нельзя рассматривать как совокупность указанных институтов по той причине, что если изначально складывается ситуация угрозы третьим лицам, то правоприменитель должен действовать по правилам одного института. Применительно к настоящему времени это может быть обоснованный риск.

Можно заключить, что именно исследуемой нами деятельности правоохранительных органов присущи исключительные случаи совокупности ОИПД, которые обычно возникают при пресечении актов терроризма, связанных с захватом заложников. Примером могут служить события, происшедшие сначала в Буденовке, а затем Дагестане, где в ходе каждой из операций по

---

¹ См.: Баулин Ю. В. Уголовно-правовые проблемы учения об обстоятельствах, исключающих преступность (общественная опасность и противоправность) деяния: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1991. С 14.

² Келина С. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: понятие и виды // Уголовное право. 1999. № 3. С. 6.

³ Слуцкий И. И. Указ. соч. С. 91.

освобождению заложников присутствовало состояние крайней необходимости и обоснованного риска.

Так, при нападении вооруженных чеченских террористов 14–20 июня 1995 г. в заложниках оказались 1820 жителей г. Буденовска. В результате бесчинств бандитов были убиты 147 человек, 397 получили ранения, от обстрелов при столкновении с бандитами были полностью или частично уничтожены 54 муниципальных здания, 110 частных домов¹. При проведении данной специальной операции вначале было принято решение штурмовать здание больницы, где за спинами многочисленных заложников укрывались террористы. Затем начавшиеся силовые действия спецподразделений были прекращены, и в результате переговоров террориста Басаева с премьер-министром России В. Черномырдиным (человек, облеченный властью, не может быть переговорщиком) были выполнены требования Басаева, которые позволили захватчикам безнаказанно уйти в Чечню². Эта безнаказанность стала одной из причин захвата 9 января 1996 г. террористами во главе с Радиевым в г. Кизляре здания родильного дома и городской больницы. Переговоры позволили бандитам на предоставленных им автобусах, под прикрытием 160 заложников, покинуть Кизляр и направиться в сторону Чечни. На границе с Чечней колонна с террористами была остановлена, и они, прикрываясь заложниками, заняли оборону в селе Первомайском. В ходе штурма данного населенного пункта специальными подразделениями вооруженных сил и правоохранительных органов 82 заложника были освобождены. При этом 13 заложников погибли, а 64 были уведены в Чечню³.

Несмотря на негативные оценки данных операций в организационно-тактическом плане (события в Первомайском показали, к чему приводят действия «скопом»⁴), уголовно-правовая оценка причиненного вреда в результате принятых решений руководителями специальных мероприятий, а также непосредственно действий спецподразделений по освобождению заложников должна охватываться понятиями института крайней необходимости (выполнение требований террористов по беспрепятственному уходу с места совершения преступлений) и обоснованного риска (силовое воздействие на преступников при непосредственной угрозе жизни заложников).

Исходя из вышеизложенного, следует констатировать, что совершаемые в ходе специальных операций по освобождению заложников действия, влекущие возможность причинения вреда, в целом закреплены в обязывающих и правоустанавливающих нормах различных отраслей российского законодательства. Правовые основания причинения вреда различным объектам

---

¹ См.: Российская газета. 2002. 25 окт.

² См.: Артамонов И. И. Указ. соч. С. 233.

³ См.: Каплунов А. И., Милуков С. Ф., Уткин Н. И. Указ. соч. С. 122.

⁴ См.: Миньковский Г. М., Ревин В. П. Характеристика терроризма и некоторые направления повышения эффективности борьбы с ним // Государство и право. 1997. № 8. С. 90.

уголовно-правовой охраны в специальной операции по освобождению заложников объясняются и оправдываются общими признаками¹: сложностью, исключительностью и объективностью совершения действий сотрудников правоохранительных органов. Основанием правомерности причиненного при этом вреда является соблюдение предусмотренных законом пределов, условия которых устанавливаются вышерассмотренными институтами ОИПД. Так, действия исполнителей, сотрудников спецподразделений в случае причинения вреда следует оценивать по правилам института исполнения приказа, а распоряжения, отданные руководителем, или действия отдельных участников данной операции в зависимости от оценки наступившего вреда или ущерба могут соответствовать требованиям необходимой обороны, крайней необходимости, а также условиям задержания лица, совершившего захват заложников. Данные условия правомерности возможного причинения вреда можно представить в виде сравнительной таблицы.

---

¹ См.: *Баулин Ю. В.* Обстоятельства, исключаящие преступность деяния. С. 150.

ПРИЗНАКИ УСЛОВИЙ ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИЧИНЕННОГО ВРЕДА В ПРОЦЕССЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЗАЛОЖНИКОВ

ОИПД	<i>Объекты и даāti аді іпде</i>					
	<i>Устраняемая опасность</i>	<i>Источник опасности</i>	<i>Кому причиняется вред</i>	<i>Соразмерность причиняемого вреда</i>	<i>Выбор способа, средств</i>	<i>Возмещение вреда</i>
1	2	3	4	5	6	7
<i>Необходимая оборона (ст. 37 УК РФ)</i>	Опасное посягательство на личность, безопасность общества и государства	Лицо, виновное в захвате заложников	Только посягающему лицу, захватившему заложников	Причинение вреда без умышленных действий, соответствующих опасности посягательства	Разрешенные и безопасные для жизни заложников	Нет * (ст. 1066 ГК РФ)
1	2	3	4	5	6	7
<i>Задержание лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ)</i>	Намерение лица скрыться с места преступления без заложников	Тот же	Лицу, совершившему общественно опасное посягательство, связанное с захватом заложника	Причиненный вред только задерживаемому должен быть вынужденным и соответствовать характеру обстановки при задержании	Имеется возможность выбора применения силы	Не порождает гражданско-правовой ответственности*

<i>Крайняя необходимость (ст. 39 УК РФ)</i>	Угроза причинения существенного вреда личности, интересам общества и государства	Тот же	Имущественный вред третьим лицам, государству	Вред должен быть менее значительным, чем предотвращенная опасность	Выполнение определенных требований захватчиков заложников в ходе переговоров	Возможно (ст. 1067 ГК РФ)
<i>Обоснованный риск (ст. 41 УК РФ)</i>	Достижение общественно полезной цели, связанной с освобождением заложников	Тот же	Неизбежность причинения вреда отсутствует, но имеется опасность для жизни и здоровья заложников	Вред признается необоснованным, если заведомо был сопряжен с угрозой для жизни многих заложников	Предприняты достаточные меры для достижения поставленной цели	Нет*
<i>Исполнение приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ)</i>	Направлено на пресечение захвата заложников	Тот же	Охраняемым уголовным законом интересам при проведении данной спец. операции	Действия подчиненных по исполнению обязательного для них приказа	Предусмотренные законным приказом руководителя оперативного штаба	Нет*

* Без превышения условий правомерности.

Однако объективно рискованная деятельность участников данной специальной операции, влекущая опасность причинения вреда заложникам, находится в прямой зависимости с решением вопросов обоснованного уголовно-правового риска. Этот вывод также опирается на результаты проведенного нами опроса сотрудников правоохранительных органов, которые на вопрос: «Считаете ли Вы, что мероприятия, направленные на освобождение заложников, связаны с ситуацией обоснованного (профессионального) риска?» убедительным большинством (84,9 %) дали положительный ответ, 10,8 % респондентов ответили отрицательно, а 4,3 % затруднились с ответом. В целом, окончательные ответы на данные вопросы в силу их сложности в теоретическом отношении и трудностей при практическом применении требуют дальнейшей разработки.

§ 2. Обоснованность риска причинения вреда при освобождении заложников

В уголовно-правовой литературе нет единой позиции в определении понятия «риск»¹. Проблема разночтений кроется в разработке рискованных действий, требующих уголовно-правового регулирования. В основном, эти действия ученые-правоведы связывают с субъектом, который, с одной стороны, рискует, выполняя функциональные обязанности, а с другой – действует по личному усмотрению. По этой причине предлагается разделить рискованные действия на две группы – добровольные и неизбежные либо на две разновидности уголовно-правового риска – риск обычного и риск профессионального поведения. Исходя из этого, А. Л. Савенок определяет неизбежный риск как «вынужденную деятельность при выполнении лицом своих профессиональных обязанностей или служебного долга, направленную на выбор варианта поведения для достижения общественно полезной цели»². Однако в раскрытии данного понятия риска отсутствует указание на опасность причинения вреда в результате рискованных действий. В этой связи наиболее правильными представляются следующие понятия уголовно-правового риска. Бабурин В. В. Определяет уголовно-правовой риск как деятельность субъекта, совершаемую путем выбора альтернативного варианта поведения, создающего опасность причинения значительного вреда общественным отношениям, в целях использования имеющейся возможности достижения определенного желаемого результата, который не может быть достигнут нерискованными средствами, при осознании им возможности качественно и количественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, побочного причинения вреда этим отношениям и наступления уголовной ответственности за

---

¹ См. об этом: *Альгин А. П.* Риск и его роль в общественной жизни. М., 1989. С. 174; *Янушко В. И., Мороз В. В.* Указ. соч. С. 4–5.

² *Савенок А. Л.* Указ. соч. С. 35.

сделанный выбор¹. Михайлов В. И. под риском понимает ситуацию, «в которой возможность достижения цели наиболее эффективными в данном случае действиями связана с опасностью наступления отрицательных последствий для охраняемых уголовным законом интересам»². Причем причинение вреда в рискованной ситуации является лишь возможностью, риск не влечет неизбежности причинения вреда интересам, охраняемым уголовным законом. Интересными, на наш взгляд, представляются мнения опрошенных нами сотрудников правоохранительных органов о том, что они понимают под риском. Большинство респондентов ответили, что это решения, связанные как с положительными, так и с отрицательными последствиями (63,2 %), 16,4 % ожидают неблагоприятных для себя последствий, 14 % сотрудников ждут положительного результата, а 6,4 % опрошенных затруднились с ответом.

В результате многолетней дискуссии о необходимости уголовно-правовой регламентации риска теория и практика российского уголовного права пришли к выводу о целесообразности включения в отечественное уголовное законодательство нормы об обоснованном риске (ст. 41 УК РФ 1996 г.). До этого норма о профессиональном и хозяйственном риске впервые появилась в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г. (документ не вступил в силу в связи с распадом СССР), где в ст. 27 «Оправданный профессиональный риск» отмечалось, что не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но представляющее собой оправданный профессиональный или хозяйственный риск для достижения общественно полезной цели³.

Обращаясь непосредственно к регламентации ст. 41 УК РФ, необходимо констатировать, что она, к сожалению, малоприменима. Иными словами, практика ее применения в большинстве регионов отсутствует, а деяния общих субъектов риска квалифицируются по правилам крайней необходимости⁴. С 1997 г. по настоящее время в опубликованной практике высшей судебной инстанции страны нет ни одного упоминания о реальном применении ст. 41 УК РФ, а в научной литературе неоднозначно комментируются специальные условия правомерности, предусмотренные обоснованным риском.

Так, одни авторы считают, что действия в данном состоянии направлены не на устранение прямого вреда, а на достижение позитивного эффекта в соответствующей области хозяйствования, науки, медицины, то есть на изменение сложившейся обстановки, возможно, вредной, рутинной по отношению

---

¹ *Бабурин В. В.* Современные проблемы уголовно-правового риска // Уголовное право. 2005. № 4. С. 11.

² *Михайлов В. И.* Риск в бизнесе // Закон. 2000. № 7. С. 53.

³ См.: ВСНД СССР и ВС СССР. 1991. № 30. Ст. 862.

⁴ См. об этом: *Пархоменко С. В.* Почему необходимая оборона является необходимой? С. 35; *Шурдумов А.* Обоснованный риск // Уголовное право. 2002. № 3. С. 62.

к предполагаемому прогрессу (в результате экспериментов)¹. Другой точки зрения придерживаются те, кто рассматривает вопрос правомерности данного института ОИПД во многих сферах общественной жизни, где вероятно наступление неблагоприятных последствий для охраняемых уголовным законом интересов при осуществлении субъектами различного рода и вида деятельности². Так, анализируя ст. 41 УК РФ, Т. Орешкина совершенно справедливо замечает: «Обоснованным может быть причинение вреда охраняемым интересам без ограничения деятельности лица профессиональной и хозяйственной сферами. В числе сфер деятельности, тесно связанных с риском, следует упомянуть... службу спасения при катастрофах и стихийных бедствиях, обеспечение общественной безопасности, военную службу и т. п. Поскольку риск всегда связан с возможностью неудачи, деятельность при таком профессиональном риске может быть сопряжена с причинением вреда жизни и здоровью людей...»³.

Кроме того, анализ уголовно-правовой литературы показывает, что в ней детально не рассматриваются проблемы риска в деятельности правоохранительных органов. Однако, без сомнения, специфические особенности профессионального риска содержит в себе и правоохранительная деятельность, направленная, прежде всего, на борьбу с преступностью. «Каждодневные задачи, возникающие перед сотрудниками ОВД в правоохранительной практике, предполагают наличие творческого подхода к решению каждой из них, что, естественно, требует выполнения тех или иных действий, связанных с риском»⁴. В процессе данной деятельности профессиональный (служебный) риск возможен при осуществлении широкого спектра служебных обязанностей: от охраны общественного порядка до расследования преступлений⁵. Так, на вопрос анкеты: «Приходилось ли Вам рисковать в связи с выполнением профессиональных функций?» 25 % опрошенных нами сотрудников правоохранительных органов ответили, что приходилось рисковать часто, 58,2 % – иногда и лишь 16,8 % опрошенных сотрудников рисковать не приходилось. Вместе с тем в зависимости от ситуации 79,8 % сотрудников ОВД считают свою профессию опасной⁶.

---

¹ См., например: *Зуев В. Л.* Указ. соч. С. 40; *Берестовой А. Н.* Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999. С. 13; *Орехов В. В.* Указ. соч. С. 153.

² См.: *Козаев Н. Ш.* Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 16, 17.

³ *Орешкина Т.* Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния. С. 19, 20.

⁴ *Янушко В. И., Мороз В. В.* Указ. соч. С. 5.

⁵ См.: *Балалаева М. В.* Обстоятельства, исключающие преступность действий сотрудников органов внутренних дел, совершаемых в сфере их профессиональной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. С. 5.

⁶ См.: *Глухова А. А.* Виктимологические аспекты профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел // Преступность в разных ее проявлениях и организованная преступность / под ред. проф. А. И. Долговой. М., 2004. С. 175.

Особая ситуация риска, безусловно, присутствует в обстановке экстремальности, когда действия сотрудников правоохранительных органов направлены на непосредственное отражение и пресечение опасных преступных посягательств, задержание лиц, совершивших особо тяжкие преступления. Более всего состояние риска характерно для условий чрезвычайной обстановки, связанной с проведением специальных операций по освобождению заложников¹. Об этом же пишет О. Михаль: «Изучение действий сотрудников ОВД в условиях экстремальности показывает, что наиболее часто обоснованный риск в деятельности правоохранительных органов возникает при освобождении заложников»².

В данном контексте заслуживающей внимания является точка зрения опрошенных граждан. На вопрос: «Как Вы думаете, имеют ли право сотрудники спецподразделений на риск причинения вреда заложникам в ходе спецоперации по их освобождению?» 20 % граждан ответили, что эти действия всегда связаны с риском, 44 % лиц дали тот же ответ, но только с условием, если будут предприняты все необходимые меры для предотвращения вреда, 31 % респондентов считают, что нельзя рисковать жизнью людей, и 5 % затруднились ответить.

Приведенные выше аргументы и результаты анкетного опроса свидетельствуют о том, что регулировать деятельность правоохранительных органов применительно к конфликтным ситуациям, которые они разрешают в большинстве случаев, следует через призму правил обоснованного риска. «Их деятельности, – пишет Ю. Н. Демидов, – объективно присущ риск как одно из необходимых условий достижения общественно полезных целей, установленных законом»³. Особенно проблема риска связана с состоянием неопределенности при принятии решений и возможностью его отрицательных последствий в действиях по пресечению преступлений террористического характера, таких, как захват заложников. На это обращают внимание Г. М. Миньковский и В. П. Ревин, которые утверждают, что «в рамках уголовно-правового регулирования проработке подлежит специфика обоснованного риска при пресечении террористических действий...»⁴. Как правило, именно здесь возникает множество вопросов по оценке правомерности действий сотрудников спецподразделений, применивших оружие и специальные средства в рискованной ситуации (угрозе причинения вреда заложникам). В связи с этим для более четкой регламентации уголовно-правового риска рассматриваемой деятельности следует выработать единый правовой подход (универсальные критерии) в оценке вреда, причиненного в условиях риска, с учетом особенностей и специфики проведения специальных операций по освобождению заложников.

---

¹ См.: *Побегайло Э. Ф.* Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. С. 87.

² *Михаль О.* Профессиональный (обоснованный) риск при освобождении заложников. С. 39.

³ *Демидов Ю. Н.* Указ. соч. С. 45.

⁴ *Миньковский Г. М., Ревин В. П.* Указ. соч. С. 88.

Таким образом, уголовно-правовая оценка деятельности сотрудников правоохранительных органов при проведении операций по освобождению заложников, обычно протекающей в ситуации, которая обусловлена повышенной агрессивностью преступников, их нервозностью, опасениями необдуманных или непредсказуемых действий жертвы либо собственных просчетов, сводится, в основном, к анализу проблемы риска. Особенно это касается тех случаев пресечения захвата заложников, когда все меры по добровольному освобождению заложников не достигают цели, появляется необходимость в принятии руководителями правоохранительных органов (ОШ) решения о силовом варианте проведения специальной операции по освобождению заложников. Это решение, осуществляющееся в ситуации обоснованного риска, должно обладать его признаками и вытекать из точной оценки сложившейся обстановки.

Отметим, что нередки случаи, когда во время проведения силовыми структурами операций по освобождению заложников, в результате превышения пределов обоснованного риска, допускается причинение смерти и тяжкий вред здоровью заложников. Так, в апреле 2002 г. в Нижнем Новгороде гражданин Узбекистана, находясь в психически возбужденном состоянии, вооружившись ножом, взял в заложники двухлетнего мальчика и потребовал крупную сумму денег и автомобиль. Требования преступника были выполнены. Когда он уже находился за рулем автомобиля с мальчиком на руках, группа сотрудников СОБРа окружила машину и открыла стрельбу на поражение. Участниками специальной операции по освобождению заложника было произведено восемь выстрелов по преступнику. В результате был убит преступник и тяжело ранен в голову мальчик¹. В данной ситуации было нарушено основное условие обоснованного риска при проведении подобных специальных операций – максимальная безопасность заложников в момент их освобождения. Заложники не должны пострадать даже в случаях, когда обстоятельства вынуждают ликвидировать преступника.

Причиной подобных нарушений является, как правило, отсутствие у лиц, принимающих решение об операции по освобождению заложника, навыков анализа обоснованного риска в типичных экстремальных ситуациях. Неверная оценка ситуации обоснованного риска влечет, соответственно, неправильное определение пределов допустимого вреда. Подобные ситуации имеют большое отрицательное воздействие на общественное мнение о деятельности органов внутренних дел по борьбе с преступностью.

К сожалению, статистика рассматриваемых случаев, связанных с нарушением безопасности заложников при их освобождении, носит закрытый, сугубо ведомственный характер. Это не способствует правильному, объективному определению степени общественной опасности причиненного вреда общественным отношениям и отрицательно сказывается на обеспечении законности в деятельности правоохранительных органов.

---

¹ См.: Архив Автозаводского районного суда г. Н. Новгорода за 2002 г. Уголовное дело № 1-1021.

Правильная оценка обоснованного риска не зависит от наступления либо не наступления в ходе риска вреда, а возможна лишь с учетом соблюдения при его осуществлении условий правомерности¹. Рассматривая содержание уголовно-правовой нормы «обоснованный риск» (ст. 41 УК РФ) применительно к рискованным действиям по освобождению заложников, можно сформулировать следующие условия обоснованного риска:

1) риск направлен на достижение общественно полезной цели в рамках служебной необходимости – устранение угрозы общественной безопасности;

2) невозможность выполнить служебные обязанности обычными средствами, не связанными с риском;

3) действия рискующих содержат возможность причинения общественно опасного вреда и осознаются ими только как побочный и возможный вариант;

4) рискованные действия обеспечиваются соответствующими знаниями, умениями и опытом, направленными в конкретной ситуации на предупреждение наступления вредных последствий;

5) рискующими приняты достаточные меры для предотвращения вреда и соблюдены все необходимые требования нормативно-правовых актов, регулирующих выполнение данных служебных обязанностей.

Оценивая правомерность действий лиц, проводивших силовое освобождение заложников и допустивших при этом вред, нужно учитывать, что при риске практически невозможно предусмотреть все необходимые меры, исключаящие наступление неблагоприятных последствий, потому что в общесмысловом значении риск – это возможная удача, действие в надежде на благополучный исход. При риске не может быть абсолютной уверенности в стопроцентной вероятности достижения поставленной цели. Риск всегда связан с объективной возможностью неудачи, хотя бы в меньшей степени, и субъективным пониманием этого лицом, действовавшим в условиях риска². «Действия рискующего субъекта, – справедливо отмечает В. В. Бабурин, – собственно и являются риском. Это – главный элемент риска, имеющий объективную и субъективную части»³.

Однако большое значение, на наш взгляд, здесь имеет оценка не только результата наступивших последствий, но и цели, которую необходимо было достичь в данных условиях. Кроме того, в основе исследуемой деятельности лежит правовая обязанность (служебный долг), и «это, как правило, свидетельствует об общественной полезности совершенного, так как в данной ситуации преследуются, прежде всего, именно общественно полезные цели, достижение которых неразрывно связано с обеспечением общественных интересов»⁴.

---

¹ См.: Берестовой А. Н. Указ. соч. С. 15.

² См.: Балалаева М. В. Указ. соч. С. 24.

³ Бабурин В. В. Современные проблемы уголовно-правового риска. С. 11.

⁴ Савенок А. Л. Указ. соч. С. 41.

В то же время ряд исследователей при анализе рассматриваемого уголовно-правового института говорят не об общественно полезной цели, а об общественно полезном результате как об одном из условий его правомерности. Более справедливым, на наш взгляд, следует считать мнение А. Н. Берестового, который отмечает, что предпочтительным все же является указание на общественно полезный характер не результата, а цели действий при обоснованном риске, аргументируя это тем, что цель деятельности и результат деятельности – несовпадающие понятия. Обоснованный риск – это состояние неопределенности, причем неопределенность касается двух моментов: факта наступления или не наступления последствий рискованных действий, с одной стороны, и с другой – характера этих последствий или результата действий. Этот результат только предполагается, он всего лишь вероятен¹. Кроме того, «в статье 41 УК России, – пишет В. Михайлов, – указывается на общественно полезную цель, а, как известно, в уголовном праве под целью понимают представление о результате. Цель может существенно отличаться от результата»². Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что освобождение заложника имеет большое социальное значение, особенно когда существует реальная угроза его жизни. Следовательно, у лица, выполняющего свой служебный долг, возникает объективная потребность исключить опасную ситуацию, а такая потребность формирует соответствующую цель, которая, бесспорно, общественно полезна.

Кроме того, особенностью применения данной уголовно-правовой нормы является то, что в результате рискованных действий вред охраняемым уголовным законом интересам может не наступить. Например, при проведении операции по освобождению заложники, в отношении которых были осуществлены рискованные действия, не пострадали, а вред был причинен только лицу, виновному в общественно опасном посягательстве. По этой причине сомнителен вывод С. В. Пархоменко о том, что ст. 41 УК РФ не предоставляет права на риск, а дает право только на причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам. «Если такой вред отсутствует, то это вообще проблема не уголовного закона»³. В данном случае нам импонирует точка зрения М. С. Гринберга, который, полемизируя с Н. Н. Паше-Озерским по поводу оценки им опасных работ на пожаре, при спасении гибнущих в шахте и т. п. как состояния крайней необходимости⁴, усматривает здесь риск, «способный при удачном развитии событий закончиться без каких-либо потерь»⁵. На эту же отличительную особенность уголовно-правового риска указывает и А. Б. Сахаров: «Причинение вреда при профессиональном риске – возможное,

---

¹ См.: Берестовой А. Н. Указ. соч. С. 16.

² Михайлов В. И. Риск в бизнесе. С. 54.

³ Пархоменко С. В. Деяния, преступность которых исключается в силу специальной полезности и необходимости. СПб., 2004. С. 258.

⁴ См.: Паше-Озерский Н. Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость. М., 1962. С. 155.

⁵ Гринберг М. С. Технические преступления. Новосибирск, 1992. С. 104.

но не непременно последствие»¹. Следовательно, результат обоснованного риска находится в прямой зависимости от того, насколько успешными будут действия рискующих лиц.

Показателен пример успешных рискованных действий, связанных с обезвреживанием Индиева, захватившего ранним утром 31 июля 2001 г. рейсовый автобус Невинномысск – Ставрополь с 35 пассажирами. Угрожая автоматом и гранатой, он сообщил, что автобус меняет маршрут и следует в аэропорт г. Минеральные Воды. В шестистах метрах от аэропорта автобус выехал на эстакаду и остановился в верхней ее точке. Такое расположение автобуса максимально осложняло проведение штурма, так как террорист имел прекрасную возможность заранее обнаружить подготовительные действия правоохранительных сил. Эстакаду перекрыли, поставив по два КамАЗа на обоих концах. От них до автобуса с заложниками было около двухсот метров.

Террорист освободил пятерых заложников – пожилых женщин и детей, которым стало плохо. Через них он заявил свои первые требования: передать радиоприемник, с помощью которого он мог бы следить за тем, как развиваются события, а также освободить из-под стражи и доставить к нему брата и четверых его подельников, отбывающих наказание за захват автобуса в 1994 г. Кроме того, он сообщил, что на его теле закреплено взрывное устройство, которое можно привести в действие нажатием кнопки.

Тщательно проанализировав ситуацию, оперативный штаб принял решение проводить штурм как можно скорее, пока не стемнело, потому что именно с наступлением темноты террорист и ожидал штурма. Основную роль в операции предстояло сыграть снайперам. Поскольку абсолютно исключить возможность наличия сообщников среди заложников было нельзя, то решено было вслед за снайперским залпом проводить штурм автобуса.

Около 19 ч 45 мин террорист спустился на подножку автобуса. Снайперские пары отработали четко: две пули попали в левую ногу, а две – в грудь террориста. Вслед за выстрелами снайперов на штурм выдвинулись четыре группы захвата. Быстро преодолев расстояние от укрытия до автобуса, группы приступили к его штурму через окна и дверь. Те, кто действовал через дверь, сразу накрыли тело террориста бронеодеялом для уменьшения последствий в случае срабатывания взрывного устройства. С момента первого выстрела снайпера до окончания действий штурмовой группы прошло всего пятнадцать секунд. В результате действий правоохранительных органов никто из заложников не пострадал, заряд, изготовленный из стандартных тротиловых шашек, был разрушен гидравлической пушкой².

Рассматривая второе условие обоснованного риска в силовых действиях по освобождению заложников, мы обращаемся к определению Уголовного

---

¹ Сахаров А. Б. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. С. 135.

² См.: Назаров А. Ю. Организационно-правовые и тактические основы деятельности ОВД по борьбе с терроризмом: учеб. пособие. М., 2002. С. 123–126.

кодекса Российской Федерации, где сказано, что риск считается обоснованным только в том случае, если общественно полезная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями, то есть обычными средствами. Вывод об этом необходимо делать не вообще из объективной достижимости иным путем такого результата, а из конкретной обстановки, которая указывает на вынужденный характер рискованных действий.

Примером могут послужить трагические события в центре Москвы на ул. Мельникова. В ходе данной специальной операции сложилась критическая ситуация, связанная с необходимостью брать штурмом заминированное и переполненное людьми здание Дома культуры. Руководители специальной операции были вынуждены идти на штурм и использовать при этом отравляющее вещество (газ). Несмотря на большое количество смертельных отравлений среди заложников, удалось предотвратить взрыв всего здания, тем самым сохранить намного большее количество человеческих жизней. Рискованные действия (штурм с применением токсичного газа) в этой ситуации были необходимым решением руководства ОШ для достижения общественно полезной цели. Ярким признаком риска, раскрывающим его уголовно-правовую сущность, является признак опасной деятельности – осознанное создание опасности причинения вреда общественным отношениям в целях использования возможности достижения желаемой цели¹.

Между тем уголовно-правовая реакция многих авторов на эти события такова, что спасение жизни многих людей при реальной возможности гибели или гибели меньшего числа людей подпадает под все условия правомерности крайней необходимости². Однако при этом А. И. Каплунов и С. Ф. Милюков допускают, что нормы Уголовного кодекса РФ об обоснованном риске и исполнении приказа или распоряжения могут применяться только в качестве ОИПД, если действия сотрудников милиции повлекли ранение людей в результате применения огнестрельного оружия (когда имеет место состояние необходимой обороны, либо крайней необходимости, либо задержание лица, совершившего преступление)³.

Противоречивость этого подхода состоит и в том, что состояние того или иного обстоятельства должно оцениваться не по конечному результату причиненного вреда, а в целом по объективной стороне принимаемых мер, направленных на устранение опасности. «Главное при этом – исходить не из оценки последствий, результатов, а прежде всего, из того, было ли лицо вправе в создавшихся условиях использовать право на риск. Иначе говоря, исходить из начальной правомерности риска»⁴. По нашему мнению, цинично

---

¹ См.: *Бабурин В. В.* Современные проблемы уголовно-правового риска. С. 11.

² См. об этом: *Орехов В. В.* Указ. соч. С. 135; *Каплунов А. И., Милюков С. Ф., Уткин Н. И.* Указ. соч. С. 122; *Смирнова Л. Н.* Указ. соч. С. 30–31.

³ См.: *Каплунов А. И., Милюков С. Ф.* Указ. соч. С. 70.

⁴ *Демидов Ю. Н.* Указ. соч. С. 46–47.

умышленно спасать жизнь одних за счет жизни других при крайней необходимости. Кроме того, решение о применении нейтрализующего воздействия газом (аналогично наркозу) было своего рода экспериментом, в результате которого вряд ли предполагалось такое количество жертв, иначе были бы приняты более эффективные меры по медицинскому обеспечению операции. Нам представляется, что в рассматриваемой ситуации власти приняли вынужденный вариант действий, соответствующий правилам правомерности обоснованного риска, не сопряженный, как, очевидно, они рассчитывали, с угрозой для жизни многих заложников.

Далее, характеризуя анализируемое условие, отметим, что в ситуации риска у субъекта имеется возможность выбора между несколькими вариантами поведения, каждый из которых связан с риском, что, собственно, не оставляет выбора, кроме рискованного варианта поведения. «Если же, – справедливо отмечает Н. Ш. Козаев, – рискованное деяние является единственным выходом для устранения опасности, то тогда субъект действует в состоянии крайней необходимости, а не обоснованного риска»¹.

При уголовно-правовой оценке условий обоснованного риска может возникнуть вопрос о том, какие меры достаточны для предотвращения вреда правоохраняемым интересам (ч. 2 ст. 41 УК РФ). Это условие является оценочной категорией профессионального опыта и решения специфических задач сотрудниками правоохранительных органов. Следовательно, несмотря на то, что при риске всегда существует вероятность причинения вреда, которую рискующий осознает, требуется абсолютное исключение элемента неосторожности². Для этого важно соблюдать перечисленные ниже требования:

- а) перед началом опасных действий необходимо предусмотреть все возможные препятствия к защите подвергаемых опасности ценностей;
- б) продумать все осуществимые способы преодоления этих препятствий и надежно удостовериться в их применении для конкретной ситуации;
- в) применить все способы предотвращения вреда, корректируя их реализацию в соответствии с тактической обстановкой.

Отметим, что термин «достаточные» по отношению к предпринятым мерам вряд ли удачен. Неверен также, на наш взгляд, вывод, сделанный А. Н. Берестовым по поводу формулировки «достаточные меры». Он полагает, что данное определение обоснованно и речь идет действительно не обо всех без исключения мерах, а лишь о тех, которые возможны в конкретной обстановке для лица, осуществляющего рискованные действия³. Противоречивость названного термина состоит в том, что, во-первых, действуя рискованно, лицо не может

---

¹ Козаев Н. Ш. Обоснованный риск как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: учеб. пособие. Ставрополь, 2001. С. 76.

² См.: Мазин П. В., Пономарев Г. Е., Битеев В. Н. Обоснованный риск: проблемы, толкования и практическое применение // Уголовное право. 2002. № 2. С. 29.

³ См.: Берестовой А. Н. Указ. соч. С. 17.

предусмотреть все меры предосторожности, так как они основываются на его сугубо личных знаниях, умениях и опыте, которые не всегда могут удовлетворять требования, предъявляемые к рассматриваемой сфере деятельности. Так, А. Н. Попов полагает, что «достаточность мер определяется действующим лицом, исходя из его субъективных представлений об этом и имеющихся на данный момент объективных возможностей. Лицо должно субъективно сознавать, что меры, им предпринятые, достаточны для предотвращения общественно опасных последствий. Не требуется принятия объективно необходимых мер, исключаяющих данные последствия»¹. Во-вторых, как отмечают Т. Орешкина и К. Лиховидов, если меры были достаточными, то вред не должен наступить, если же вред наступает, то предпринятые меры нельзя признать достаточными². Наиболее целесообразным было бы использовать термин, который предусматривался в Основах уголовного законодательства 1991 г., а также в ст. 54 теоретической модели УК, – «принятие всех необходимых мер для предотвращения вреда»³.

Иначе рассматривается признак обоснованного риска в уголовных кодексах некоторых стран. Так, в ч. 2 ст. 39 УК Республики Беларусь говорится, что лицо, допустившее риск, «...предприняло все возможные меры для предотвращения вреда правоохраняемым интересам». Такая же формулировка содержится и в ч. 1 ст. 33 уголовного закона Латвийской Республики, а также в ч. 2 ст. 31 Уголовного кодекса Грузии. В части 1 ст. 13а УК Республики Болгария этот признак еще более уточняется: «...лицо предприняло все, зависящее от него, для предотвращения наступления вредных последствий»⁴.

Кроме того, важно подчеркнуть, что согласно ч. 3 ст. 41 УК РФ риск не может быть обоснованным, если он заведомо был сопряжен с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественно-го бедствия.

Рискованные действия сотрудников при освобождении заложников, несомненно, сопряжены с угрозой для жизни многих людей. Это мнение воспринимается и разделяется большинством опрошенных граждан. Так, на вопрос: «Что может, по Вашему мнению, оправдывать причинение вреда здоровью заложника (-ов) со стороны сотрудников правоохранительных органов?» 20 % граждан указали на необходимость пресечения продолжения захвата заложника (-ов); 50 % лиц считают, что может быть случайное причинение вреда в

---

¹ Попов А. Н. Обстоятельства, исключющие преступность деяния // Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе. СПб., 1998. С. 35.

² См. об этом: Орешкина Т. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключаящее преступность деяния. С. 21.; Лиховидов К. Риск как условие дифференциации объема и мер юридической ответственности // Законность. 2001. № 12. С. 34.

³ См.: Сахаров А. Б. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. С. 133.

⁴ См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. СПб., 2001. С. 111–112; Уголовный кодекс Латвийской республики 1998 г. СПб., 2001. С. 83; Уголовный кодекс Грузии 1999 г. СПб., 2002. С. 97; Уголовный кодекс Республики Болгария 1968 г. СПб., 2001. С. 46.

обстановке, когда нет возможности предусмотреть все негативные последствия; 15 % опрошенных ответили, что ничто не может оправдать этот вред, и 15 % затруднились ответить.

Следовательно, исходя из буквального толкования условий ч. 3 ст. 41 УК РФ, рассматриваемая деятельность сотрудников правоохранительных органов всегда будет носить необоснованный характер. Это главная проблема правомерности риска в ситуации силового освобождения заложников. Указанное условие обоснованности риска в научной литературе подвергнуто критике. Например, В. И. Самороков полагает, что нецелесообразно было бы включать это требование в уголовное законодательство, так как оно будет излишним, поскольку в перечисленных случаях очевидно нарушение неперемных условий правомерности риска, указанных в ч. 2 ст. 41 УК РФ¹. Более того, прямой запрет законодателя применительно к ситуациям правоохранительной деятельности может привести к самоустранению лиц, обязанных рисковать в общественно полезных целях.

Нельзя не согласиться и с мнением Т. Орешкиной о том, что указание в законе на заведомость, то есть точное знание лица о наличии угрозы охраняемым интересам, явную очевидность такой угрозы, ясное осознание этой угрозы в полном объеме, представляется неудачным. Заведомость при-суща прямому и косвенному умыслу, а не преступному легкомыслию, которое характеризует субъективную сторону превышения пределов обоснованного риска. При легкомыслии лицо предвидит лишь абстрактную возможность наступления последствий. Все это говорит о несовершенстве данной формулировки закона².

Тем не менее, интересным представляется утверждение авторов, что риск будет обоснованным, если в результате освобождения заложников по неосторожности лишили жизни не более двух заложников³. Исходя из системного единства кодифицированного уголовного права и вытекающего из этого единства понятийной базы действующего законодательства, В. И. Ткаченко признал, что риск, сопряженный с угрозой для жизни многих людей, предполагает и их гибель. Отсюда следует, что угроза для жизни многих людей предполагает угрозу не менее чем для трех человек⁴. По мнению А. Г. Кибальника, «грамматическое толкование этой нормы (множественное число начинается с числительного два) ставит под вопрос законность риска, в котором изначально и одновременно принимают участие два и более рискующих»⁵. Однако наряду с понятием «многих людей», законодатель в ч. 3

---

¹ См.: Самороков В. И. Риск в уголовном праве // Государство и право. 1993. № 5. С. 112.

² См.: Орешкина Т. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключаящее преступность деяния. С. 22.

³ См.: Михаль О. Профессиональный (обоснованный) риск при освобождении заложников. С. 40.

⁴ См.: Уголовное право Российской Федерации: Общая часть / под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 1999. С. 314.

⁵ Кибальник А. Г. Некоторые перспективы развития института обстоятельств, исключаящих

ст. 41 УК РФ указывает на такой критерий, как «катастрофа», вкладывая тем самым в норму общий смысл масштабности. Из этого, по нашему мнению, следует, что критерий «многих людей» означает не «два и более лиц», а подразумевает гораздо большее количество – «десятки лиц». Арбитром указанной полярности мнений мог бы выступить Пленум Верховного Суда РФ, придав в соответствующем постановлении критерию «многих людей» объективное содержание.

Как уже отмечалось, в данной деятельности риск – одно из необходимых условий достижения общественно полезных целей. В Законе РФ «О милиции» определены обязанности милиции по пресечению преступлений, применению огнестрельного оружия, в том числе и для освобождения заложников (п. 3 ст. 15). Также в ст. 24 имеются общие указания о распространении на деятельность сотрудника милиции норм уголовного законодательства за обстоятельства, исключающие преступность деяния. К сожалению, в законе не сказано о допустимости и правомерности риска в деятельности органов внутренних дел в экстремальных условиях.

В этой связи интересным является опыт Республики Беларусь, где в Законе «О милиции» (ст. 26) определены права сотрудников милиции на профессиональный риск. Данная статья устанавливает, что «риск признается оправданным и не является правонарушением, если совершенное действие объективно вытекало из сложившихся обстоятельств, а законная цель не могла быть достигнута без совершения такого действия, и работник милиции, допустивший риск, предпринял в создавшейся обстановке все возможные меры для предотвращения причиненного вреда»¹.

Данную проблему ученые, исследовавшие рассматриваемый уголовно-правовой институт, предлагают решать путем введения в уголовное законодательство понятия уголовно-правового риска в конкретных составах преступлений и определением его признаков применительно к рискованным ситуациям. Например, включить специальную норму в Уголовный кодекс РФ о правовой защите сотрудников ОВД при причинении вреда охраняемым уголовным законом интересам в условиях необходимого риска². Кроме того, для определения правомерности причинения вреда предлагается обратиться к законам и подзаконным актам, закрепляющим осуществление профессиональных обязанностей³. Это должно, по мнению исследователей, способствовать правильному пониманию допустимости причинения вреда в действиях сотрудников милиции по пресечению преступлений в рамках обоснованного риска.

Так, Уголовный кодекс Республики Казахстан был дополнен ст. 34-1 «Осуществление оперативно-розыскных мероприятий»⁴. Статья расширила

преступность деяния // Государство и право. 2006. № 10. С. 101.

¹ Демидов Ю. Н. Указ. соч. С. 45.

² См.: Балалаева М. В. Указ. соч. С. 24–25.

³ См.: Уголовное право: Общая часть / под ред. И. Я. Козаченко и З. А. Незнамовой. С. 286.

⁴ См.: Уголовный кодекс Республики Казахстан. СПб., 2001. С. 43.

перечень ОИПД. Как отмечают казахские ученые-правоведы, необходимость в таком дополнении продиктована и повышенной степенью профессионального риска при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий в условиях качественного и количественного состояния преступности в стране, и потребностями оперативно-розыскной практики¹, с учетом того, что в теории оперативно-розыскной деятельности разрабатывалась концепция оперативного риска, во многом близкая к рассматриваемой уголовно-правовой норме. При этом предлагались правила, которыми должен был руководствоваться оперативник, принимая решение на проведение оперативно-розыскных мероприятий в условиях риска: риск целесообразен лишь в том случае, когда без него нельзя выполнить стоящую задачу; риск оправдан, когда положительные результаты многократно превышают по значению возможные вредные последствия². Однако, как нами уже отмечалось, представленные условия оцениваются правилами крайней необходимости, а не обоснованного риска.

Прежде всего, на правомерность рискованных действий сотрудника, связанных с освобождением заложников, во многом влияет обстановка экстремальности, которая усложняет процесс принятия решения и выбора варианта оптимально допустимого размера неблагоприятных последствий. Исходя из этого, правомерность обоснованного риска в ситуации освобождения заложников должна соответствовать следующим субъективным требованиям:

- 1) рискующее лицо должно иметь специальную подготовку и практический опыт в этом виде деятельности (специальный допуск);
- 2) лицо, действующее в ситуации риска, должно предпринять все возможные меры по исключению в своих действиях общественно опасных последствий.

Уголовно-правовая норма устанавливает, что обоснованный риск теоретически возможен во всякой специальности, даже не требующей профессиональной квалификации. Деятельность сотрудников правоохранительных структур по освобождению заложников, несомненно, отягощена риском (ответственностью за жизни людей), поэтому большое значение здесь имеет четкое определение профессиональных качеств рискующего субъекта. По справедливому мнению Ю. М. Ткачевского, «риск всегда сопряжен с выходом за пределы неизвестного. Вместе с тем вполне очевидно, что он должен быть разумным, рассчитанным на достижение полезного результата, не противоречить науке и опыту, профессиональным правилам. При риске недопустимы действия на авось, на глазок»³.

Следовательно, лица, осуществляющие данную деятельность, обязаны иметь достаточно высокий уровень профессиональной грамотности, основанной на

---

¹ См.: Турецкий Н. Н. Правомерность причинения вреда при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий // Прокурорская и следственная практика. 2005. № 3–4. С. 93–94, 101.

² См.: Опалев А. В. Оперативно-розыскная деятельность: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. М., 2002. С. 133.

³ Ткачевский Ю. М. Оправданный профессиональный и производственный риск как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность // Вестник МГУ. 1991. № 30. С. 18.

теоретических знаниях и большом практическом опыте¹. Это означает, что рисковать жизнью заложников может не любой сотрудник органов внутренних дел, а только специалист, личностные и профессиональные качества которого соответствуют предъявляемым требованиям – способности решать задачи повышенной сложности в ситуациях, сопровождающихся высокой степенью личного риска, опасностью для жизни и здоровья окружающих лиц. На эту особенность указывают и результаты проведенного опроса сотрудников правоохранительных органов, которые считают, что в спецоперации по освобождению заложников может быть задействован: оперативный сотрудник правоохранительных органов (7 %); оперативный сотрудник подразделения специального назначения (23 %); только сотрудник подразделения специального назначения, имеющий опыт выполнения других оперативно-служебных задач в экстремальных условиях (35,7 %); затруднились с ответом 5,6 % респондентов.

Для сотрудников с низкой квалификацией, начинающих и малоопытных риск в этих условиях представляется неуместным². Совершенные ими действия следует оценивать по признакам крайней необходимости, когда ситуация вынуждает выполнять свой служебный долг. В этом случае, кроме института крайней необходимости, имеется правовая регламентация Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»³, где конкретно говорится о том, что вред является правомерным лишь в случае, если он объективно имел вынужденный характер (ч. 4 ст. 16 ФЗ РФ «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Рассмотрев условия применения обоснованного риска при освобождении заложников, необходимо отметить, что, во-первых, эта деятельность непосредственно подвержена риску, во-вторых, выполнение рискованных действий для сотрудников спецподразделений правоохранительных органов в данной ситуации является их правовой обязанностью (служебным долгом), в-третьих, в случае причинения вреда правоохраняемым интересам (заложникам) при выполнении данных действий их следует оценивать, исходя из условий правомерности обоснованного риска. При этом сам институт обоснованного риска, в плане его четкой регламентации применительно к деятельности правоохранительных органов в экстремальных ситуациях, нуждается в законодательной корректировке.

Таким образом, приоритет при определении правовых оснований правомерности причиненного вреда в ситуации силового освобождения заложников отдается обоснованному риску, а остальные нормы обстоятельств, исключающих преступность деяния (необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание лица, совершившего данное преступление, а также исполнение приказа),

---

¹ См.: Уголовное право Российской Федерации: Общая часть / под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 1994. С. 251.

² См.: Мазин П. В., Пономарев Г. Е., Битеев В. Н. Указ. соч. С. 27.

³ См.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С. 143–147.

могут применяться только в условиях, отвечающих их юридической природе, то есть действия не должны представлять непосредственную опасность для жизни заложников. Вместе с тем следует обратить особое внимание на то, что пресечение такого преступления, как захват заложника, и причинение при этом вреда (ущерба) различным правоохраняемым интересам объективно содержат в себе все условия рассмотренных институтов ОИПД.

§ 3. Совершенствование уголовно-правовой регламентации правомерности причинения вреда при освобождении заложников

Комплексный уголовно-правовой подход к характеристике захвата заложников и оценке правомерности причинения вреда при их освобождении приводит к необходимости постановки задачи дальнейшего совершенствования российского уголовного законодательства, регулирующего сферу борьбы с современными захватами заложников, поскольку устранение опасности, в первую очередь для заложников, связано с поиском возможностей тех способов, которые будут отвечать всем требованиям уголовного закона. Так, в ходе исследования более 77 % респондентов (руководители служб МВД, ГУВД, УВД 77 субъектов РФ) отметили, что правовое обеспечение деятельности по предотвращению и пресечению захвата заложников урегулировано частично¹.

Особую тенденцию распространения захвата заложников в современных условиях приобретают захваты террористами большого количества людей. Цель, которая преследуется ими при этом, – устрашение населения и оказание максимального воздействия на власти для принятия выгодных им политических и других решений.

Как показывает практика, данные криминальные ситуации квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 205 и 206 УК РФ. Такая квалификация объясняется тем, что это специфический акт общественно опасного волевого поведения человека, совершаемый с заранее выработанной целью, в конкретных условиях места и времени, закономерно отражающийся в материальной среде и сознании людей². Захват заложника здесь служит способом реализации террористической «идеи», которую преследуют участники организованной группы. В то же время постановку квалификации одинаковых по своей юридической природе деяний в полную зависимость от судебского усмотрения можно оценить как пробел³. По этой причине необходимы четкие критерии захвата заложников в тех случаях, когда это преступление имеет террористическую направленность.

---

¹ См.: *Щукин В. М.* Организация деятельности группировки сил и средств ОВД по предотвращению и пресечению захвата заложников террористами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 12.

² См.: *Артамонов И.* «Терроризм»: проблемы уголовной ответственности // *Уголовное право.* 2002. № 3. С. 4.

³ См.: *Дикаев С. У.* Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование). СПб., 2006. С. 421.

С точки зрения уголовного права ответственность за данные деяния должна наступать, прежде всего, за захват заложников, как за конкретное противоправное насильственное действие, а не за «терроризм». Это обстоятельство создает определенные проблемы как с двойной терминологией уголовного закона, так и с уголовной ответственностью за такого рода преступления. Их решение Л. Гаухман, в частности, видит в следующем: «При совершенствовании уголовного законодательства целесообразно с учетом общеправового определения терроризма определить соответствующее уголовно-правовое понятие как “совершение терроризма общеопасным способом”»¹. Сопов Д. предлагает установить уголовную ответственность за терроризм путем криминализации его конкретных проявлений в различных статьях УК РФ, что в свою очередь, позволит законодателю быстро реагировать на изменения содержания данного явления и возникновения его новых форм². Именно такой способ использован во многих зарубежных государствах³. Вместе с тем В. Щукин в результате проведенного исследования признает захват заложника террористическим актом, если он совершается террористами с целью удовлетворения их противоправных интересов, и приходит к выводу о том, что в ст. 205 УК РФ, кроме совершения взрыва и поджога, следует добавить «захват заложников»⁴.

В то же время, проанализировав существующую редакцию Федерального закона «О противодействии терроризму», можно сделать вывод о том, что все мероприятия по борьбе с терроризмом направлены только против конкретного преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ «Террористический акт». Следовательно, по буквальному толкованию закона в отношении захвата заложников, совершенного с террористической целью, нельзя будет проводить контртеррористическую операцию для пресечения данного преступления. Между тем мы согласны с мнением тех авторов, которые считают, что не только ст. 205 УК РФ содержит основной уголовно-правовой запрет терроризма, поскольку не включает в себя самостоятельные составы преступления, в частности состав, предусмотренный ст. 206 УК РФ⁵.

Подобное упущение криминологически не обосновано и негативно сказывается на правовом регулировании мер по пресечению захватов заложников, совершенных с террористической целью, поэтому для эффективности практического применения уголовного законодательства, направленного на борьбу с данным преступлением, необходимы четкие критерии, позволяющие рассматривать захват заложника как разновидность преступления террористической

---

¹ Гаухман Л. Уголовно-правовая борьба с терроризмом // Законность. 2001. № 5. С. 5.

² См.: Сопов Д. В. Терроризм и другие преступления террористического характера: проблемы разграничения при квалификации. С. 11.

³ См.: Ващенко Ю. В. Опыт борьбы с терроризмом за рубежом // Преступность и законодательство. М., 1997. С. 382.

⁴ См.: Щукин В. М. Указ. соч. С. 7, 18.

⁵ См.: Косарев М. Н. Новое законодательство о противодействии терроризму // Российская юстиция. 2006. № 10. С. 36.

направленности. Для этого нами предлагается ввести в уголовный закон такое понятие, как «массовый захват заложников», а Пленуму Верховного Суда Российской Федерации дать в связи с этим соответствующее разъяснение.

В социологическом смысле масса понимается как «группа людей, внутри которой индивиды до известной степени теряют свою индивидуальность и благодаря взаимному влиянию приобретают схожие чувства, инстинкты, побуждения, волевые движения»¹. При этом под понятием «масса» применительно к захвату заложников следует подразумевать не только количественную составляющую (группу террористов и определенную численность людей, ставших их заложниками), но и рассматривать подобные деяния как массовидное явление², создающее серьезную угрозу общественной безопасности.

Опираясь на анализ совершенных террористами захватов заложников, попытаемся очертить предметное поле, охватываемое понятием «массовый захват заложников», выделив следующие признаки:

- а) высокоорганизованный характер захвата заложников группой террористов;
- б) демонстративный захват и удержание большого количества заложников, направленный на создание обстановки повышенной общественной опасности (страха), осуществляемый с применением боевого оружия, взрывных устройств и т. п. с целью эффективного воздействия террористов на принятие решения государством или организациями;
- в) преимущественно политический характер требований террористов.

Таким образом, в уголовно-правовом смысле *массовый захват заложников* может быть представлен как *умышленные действия организованной группы террористов, направленные на захват большого количества людей и создающих под угрозой применения современных средств поражения обстановку повышенной общественной опасности (страха) с целью воздействия на принятие государством или организациями, как правило, политических решений.*

Кроме того, говорить о созревании криминологических условий снижения террористической и опасной насильственной преступности в скором будущем не приходится, так как наблюдается рост масштабности террористической деятельности, для которой характерны большие человеческие жертвы, усиление жестокости и безоглядности действий террористов³. Для этого достаточно проанализировать вызвавшие широкий общественный резонанс террористические акты, связанные с массовым захватом заложников, которые были совершены в Буденовске и Кизляре, а затем в Москве и Беслане.

---

¹ Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Губский Е. Ф., Кораблева Г. В., Лутченко В. А. М., 1997. С. 258.

² *Массовидные явления* – совпадающие оценки и установки, принятые *стереотипы* и внутренние образцы поведения, связанные с более или менее одновременно переживаемыми психическими состояниями людей, как результат коммуникаций в больших группах. (См.: Психология: словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1990. С. 202.)

³ См.: *Миньковский Г. М., Ревин В. П.* Указ. соч. С. 84.

В научной литературе указывается, что «совокупность статей уголовного закона, касающихся борьбы с терроризмом, наращивалась в достаточной мере спонтанно, и не все нормы точно отражают криминальные реалии»¹. По мнению А. И. Долговой, субъекты, совершающие террористические акции, направленные на захват заложников, имеют прямой либо косвенный умысел на убийство, причем не одного человека. Такие деяния квалифицируются по совокупности преступлений – умышленное убийство и захват заложников, однако данная квалификация, считает автор, носит вынужденный характер и с юридической точки зрения некорректна. Эту проблему А. И. Долгова предлагает решить введением в ст. 206 УК РФ новой части, предусматривающей захват заложника, сопряженного с убийством одного или нескольких лиц, ужесточив при этом наказание – ввести в качестве одной из мер наказания смертную казнь².

Подтверждением необходимости введения более строгих и определенных санкций за преступления, совершаемые организованными группами (организациями), могут послужить результаты анкетирования сотрудников судебных и правоохранительных органов. На вопрос: «Какие виды и размеры наказания являются наиболее оптимальными для ч. 3 ст. 206 УК РФ?» ответили 79 % опрошенных. Из них около половины – 39 % – высказались за введение в статью смертной казни или пожизненного лишения свободы; 40 % респондентов предложили оставить такой вид наказания, как лишение свободы, увеличив ее минимальные и максимальные пределы. При опросе населения на вопрос: «Необходимо ли применять смертную казнь в России в качестве исключительной меры наказания?» 73 % респондентов ответили утвердительно; 65 % сочли необходимым применять смертную казнь за такие преступления, как терроризм, захват заложника, бандитизм, если эти деяния повлекли тяжкие последствия³. Следует также отметить суровость санкций за преступления в области общественной безопасности в некоторых странах. Например, в Голландии за захват заложника, повлекший его смерть, наказание преступнику предусмотрено в виде пожизненного тюремного заключения (ст. 284)⁴. По УК Швейцарии преступник за захват заложника, если преступное деяние касается многих людей, также может быть наказан пожизненной каторжной тюрьмой (ст. 185)⁵.

Относительно необходимости адекватного реагирования на проявление захвата заложников, который служит способом решения террористических целей, влекущим большие человеческие жертвы, мы отмечаем, что совершение захвата заложников, сопряженного с убийством многих людей, требует

---

¹ Долгова А. И. Организованная преступность, терроризм и коррупция: тенденции и совершенствование борьбы с ними // Прокурорская и следственная практика. 2005. № 3–4. С. 178.

² Там же. С. 179.

³ См.: Расщупкина О. Н. Указ. соч. С. 139.

⁴ См.: Уголовный кодекс Голландии. СПб., 2000. С. 183.

⁵ См.: Уголовный кодекс Швейцарии. СПб., 2004. С. 165.

квалификации по совокупности особо отягчающих обстоятельств преступлений: убийство, захват заложника и террористический акт.

Однако в уголовно-правовых нормах, регламентирующих процесс назначения наказания за убийство, сопряженное с другими преступлениями, отсутствует последовательность в назначении наказания при наличии множественности квалифицирующих признаков¹. Это относится и к отражению реальной степени общественной опасности убийства значительного числа людей (десятки лиц) в процессе совершения захвата заложников с террористической целью. Данная проблема требует самостоятельного исследования, но уже имеются некоторые направления ее решения. Например, Т. Плаксина и М. Кондратенко предлагают «...более детальную дифференциацию ответственности за убийство, которая может быть обеспечена: путем выделения в ст. 105 УК РФ части третьей с сосредоточением в ней особо квалифицирующих признаков убийства; путем придания совокупности квалифицирующих обстоятельств этого преступления более четкого правового значения; путем сочетания первого и второго способа»².

Исходя из вышесказанного, для совершенствования правовой регламентации действий по освобождению заложников, связанных с опасностью причинения им вреда, повышения адекватности этих действий фактической общественной опасности массовых захватов заложников, необходимо захват заложников рассматривать как разновидность преступлений террористической направленности. В связи с этим представляется, что для полного отражения общественной опасности захвата заложников, связанного с умышленным причинением смерти многим заложникам, и обеспечения правильной квалификации данных действий необходимо ввести в ч. 4 ст. 206 УК РФ понятие «*массовый захват заложников*» и включить санкцию в виде смертной казни.

Предупредительную функцию по противодействию захвату заложников, вместе с нормами Особенной части уголовного закона, выполняют институты ОИПД, предусмотренные нормами Общей части, которые определяют условия правомерности действий по пресечению данного общественно опасного деяния. Основным условием этих действий является строгое соблюдение прав и свобод гражданина, гарантированных ему Конституцией РФ, имеющее большое государственное и политическое значение, от которого в значительной степени зависит укрепление авторитета правоохранительных органов, а также успешное решение задач по борьбе с преступностью. Вместе с тем сотрудникам, участвующим в процессе указанной деятельности, необходимо также иметь надлежащие гарантии их прав на выполнение своей служебной деятельности, заключенные в нормах уголовного законодательства.

Решение этих проблем возможно путем совершенствования законодательной регламентации данных прав в уголовном законе и корректировки

---

¹ См.: Салева Н. Н. Указ. соч. С. 196.

² Плаксина Т., Кондратенко М. Уголовно-правовое значение множественности квалифицирующих убийство обстоятельств // Уголовное право. 2005. № 3. С. 55.

практики его применения в разъяснениях высшей судебной инстанции. На это указывают и результаты проведенного анкетного опроса сотрудников правоохранительных органов, которые на вопрос о том, что нужно сделать для устранения недостатков в области применения положений уголовного законодательства в ситуациях, связанных с причинением возможного вреда правоохраняемым интересам при освобождении заложников, дали следующие ответы: улучшить качество правоприменительной деятельности (25,9 %), скорректировать формулировки законодательства (28 %), провести согласование норм административного законодательства с положениями уголовного закона (38,4 %), повысить профессионализм и юридическую грамотность сотрудников (7 %), ужесточить меру наказания (0,7 %).

Нельзя не отметить, что в нормативно-правовых актах не содержится никаких гарантий сотрудникам (военнослужащим) при причинении вреда своему здоровью, а тем более жизни. Только в силу своего служебного долга они обязаны не шадить себя при выполнении заданий. Для минимизации причинения вреда (потерь) среди сотрудников существует, как справедливо отмечает В. И. Михайлов, «специальная, в том числе и психологическая подготовка, [которая – *Авт.*] может в значительной степени подготовить специалиста для действий в экстремальных ситуациях, нацелить его на выполнение различной сложности профессиональных задач. Такие случаи охватываются рамками должностных функций или исполнения приказа»¹.

Между тем в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 августа 1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» наблюдается коллизия между нормой о необходимой обороне и нормами, закрепляющими профессиональные (служебные) обязанности: «Не подлежат уголовной ответственности работники правоохранительных органов за вред, причиненный посягавшему... если они действовали в соответствии с требованиями уставов, положений и иных нормативных актов, предусматривающих основания и порядок применения силы и оружия»² (п. 4).

Для разрешения указанной коллизии учеными-юристами, исследовавшими эту проблему, предлагаются интересные выводы по изменению и дополнению главы 8 УК РФ. Так, В. Михайлов для придания логической завершенности механизму нормативного регулирования (соответствия требований административных норм и положений уголовного закона) ситуаций, разрешение которых связано с причинением вреда, предлагает включить в данную главу статью «Исполнение закона»³. Пархоменко С. В. пишет о необходимо-

---

¹ Михайлов В. И. Риск в бизнесе. С. 53.

² Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам. С. 119.

³ См.: Михайлов В. Исполнение закона как обстоятельство, исключаящее преступность деяния // Уголовное право. 2007. № 1. С. 41.

сти дополнить названную главу ст. 36² «Причинение вреда при исполнении закона или акта применения права». Учитывая, что исполнение приказа или распоряжения по своей юридической сути выступает разновидностью актов применения права, что «уголовно-правонарушающий» эффект может иметь место еще и при исполнении закона, целесообразно, во-первых, исключить из УК РФ ст. 42 и ввести вместо нее вышеуказанную статью; во-вторых, поместить ее в начале главы в силу ее общей значимости для оправдания причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам при исполнении норм не уголовного законодательства¹.

Несмотря на рациональность предложения, нам представляется, что норма об исполнении приказа должна оставаться, поскольку в требованиях об обязательности приказа отражается социальная обоснованность и юридическое совершенство актов управления². Этот правовой режим особенно актуален для государственных военизированных организаций. Построенный на принципе единоначалия, он в результате исполнения или неисполнения приказа руководителя влечет различные правовые последствия. Для исполнителей освобождения заложников главную правовую роль, в буквальном смысле, играют только приказы руководителя, который и будет нести всю ответственность, в том числе и уголовную, за последствия формально правомерного распоряжения.

В случае нарушения специальным субъектом нормы служебных полномочий, связанных с пресечением преступлений (преступной агрессии), то есть превышением пределов дозволенного вреда, его действия должны квалифицироваться как должностное преступление (ст. 286 УК РФ), так как от превышения должностным лицом своего служебного долга страдает, прежде всего, нормальная деятельность государственного аппарата, при осуществлении которой причинение вреда посягающему допускается только в пределах предоставленных полномочий³.

Российскому уголовному праву и ранее было известно выполнение должностных обязанностей как обстоятельство, исключающее преступность деяния. Этому в своих работах уделяли внимание Н. С. Таганцев⁴, П. П. Андрушко⁵ и другие советские и российские исследователи.

В то же время скрупулезно детализировать в уголовном законе все возможные правомерные вредоносные действия, которые закрепляются законодательством, регулирующим деятельность субъектов уголовно-правовой борьбы, на наш взгляд, вряд ли возможно. Да и нужно ли превращать уголовный кодекс в его комментарий? «Генезис нормы, выраженной в законодательстве, – утвер-

---

¹ См.: Пархоменко С. В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владивосток, 2004. С. 29–30.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Ростов н/Д, 1996. С. 159.

³ См.: Баулин Ю. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. С. 217.

⁴ См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая: лекции / Н. С. Таганцев. СПб., 1902. Т. 1. С. 512.

⁵ См.: Андрушко П. П. Указ. соч. С. 20.

ждал Л. С. Явич, – показывает, что в ее основе лежит норма как типичный мас-совидный процесс жизнедеятельности людей»¹. Главное, данный подход дает возможность устранить существенные противоречия²: позволяет не нарушать единую систему отраслей российского права, где разрешенная деятельность и установленные какой-либо отраслью функции не могут быть запрещены уголовным правом, и в одновременно может помочь четко определить сферу уголовного закона в регулировании этой деятельности, то есть указать, какие из общественно опасных действий являются преступными.

Констатировать факт того, что наряду с другими отраслями профессиональной деятельности без рискованных действий никак не обойтись и правоохранительным органам, позволяют нам и результаты исследования, касающиеся проблем риска. Сотрудникам правоохранительных органов приходится принимать особенно рискованные решения при проведении оперативно-служебных мероприятий, направленных на пресечение опасных преступлений, с применением огнестрельного оружия и спецсредств и, в первую очередь, это относится к действиям по освобождению заложников. Между тем практика применения ст. 41 УК РФ почти отсутствует, поскольку правоприменительные органы, как правило, не уделяют должного внимания анализу тех обстоятельств, которые влияют на характеристику условий, исключая преступность деяния: в связи с чем был причинен вред правоохраняемым интересам, с какой целью и при каких ситуациях.

Немаловажной причиной не применения данной уголовно-правовой нормы является и то, что отдельные понятия, используемые при определении правомерности риска, носят оценочный характер («достаточные меры», «заведомо был сопряжен с угрозой»), но в теории уголовного права нет единого подхода к их толкованию. Так, Н. Ш. Козаев отмечает, что на оценочный характер нормативно закрепленных условий обоснованного риска указывают большинство (87 %) опрошенных сотрудников правоохранительных органов (МВД, прокуратуры, судов)³.

Вместе с тем при выполнении оперативно-служебных мероприятий, направленных на проведение специальной операции по освобождению заложников, сотрудники, задействованные в ней, чаще всего находятся в условиях профессионального риска, поскольку благополучный исход данных операций практически не гарантирован. Отсюда, несмотря на то что подобные ситуации в целом регламентируются нормами уголовного законодательства, большое значение имеет вопрос о квалификации реальных действий сотрудников правоохранительных органов, уголовно-правовой оценке мер по освобождению заложников.

---

¹ Явич Л. С. Сущность права. Л., 1985. С. 118.

² См.: Беляев А., Голубев О. О нормативном регулировании вынужденного причинения вреда при применении оружия сотрудниками правоохранительных органов // Уголовное право. 2004. № 2. С. 112.

³ См.: Козаев Н. Ш. Обоснованный риск как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: учеб. пособие. С. 18.

Правовые проблемы обоснованности рискованных действий при освобождении заложников органически взаимосвязаны с проблемами установления объема ответственности за причинение вреда в случае превышения пределов обоснованного риска. Для этого необходимо установить достаточность принятых мер лицом, совершающим рискованные действия. Насколько сложным является решение названной проблемы, указывают результаты анкетного опроса правоприменителей. Так, 11,9 % респондентов считают, что действия сотрудников, допустивших превышение пределов необходимого причинения вреда при освобождении заложников (смерть либо тяжкий вред здоровью заложника), следует квалифицировать как должностное преступление (ч. 3 ст. 286 УК РФ), а по ст. 108, 114 и ч. 2 ст. 109 УК РФ – соответственно 11,2 % и 4,2 %. 15,4 % опрошенных квалифицировали подобные действия как общеуголовное деяние, учитывая при назначении наказания смягчающее обстоятельство (п. «ж» ст. 61 УК РФ), 2,4 % – как преступление против личности. 35 % лиц отметили, что состав преступления отсутствует, 3,5 % указали на квалификацию в зависимости от умысла, ситуации, обстоятельств, 16,4 % затруднились ответить.

Всякая оценка неудачи в исследуемой деятельности сотрудников правоохранительных органов, ставшей результатом выбора в рискованной ситуации, связанной с мерами, направленными на освобождение заложников, должна быть основана на глубоком анализе случившегося. «Отсутствие соразмерности приводит к превышению пределов обоснованного риска, под которым следует понимать осознанные действия, направленные на увеличение степени риска причинения вреда окружающим от данных действий»¹. При этом следует согласиться с мнением авторов, полагающих, что если будет установлена правильность выбора действий, но их осуществлению помешали объективные условия или условия, которые сотрудник не мог предвидеть, то нравственная оценка его действий должна быть положительной. Отрицательной оценки заслуживают те ошибки в выборе действий, которые вызваны некомпетентностью, нецелесообразностью избранных средств².

В оперативной практике этот вопрос обычно решается следующим образом: если оперативник правильно соотнесет значение упущенной пользы с возможным в случае неудачи ущербом, соизмерит вероятность успеха с вероятностью неудачи, предусмотрит меры для сведения к минимуму ущерба в случае неудачи и в результате придет к обоснованному выводу о целесообразности рискованных действий, то независимо от их исхода и последствий о привлечении его к уголовной ответственности не может идти речи. Напротив, в случае неудачи у него должна быть закреплена установка на оправданный риск. Подлежит ответственности тот оперативник, который идет на неоправ-

---

¹ Бабурин В. В. Современные проблемы уголовно-правового риска. С. 13.

² См.: Турецкий Н. Н. Указ. соч. С. 99.

данный риск, но еще в большей мере тот, кто не выполняет возложенных на него обязанностей, бездействует из-за боязни последствий¹.

Следовательно, при решении вопроса о достаточности или недостаточности предпринятых для предотвращения вреда мер, мы опираемся на субъективный критерий – оценку лица, совершившего рискованные действия. Значительную помощь правоприменителю в этом вопросе могут оказать специалисты при проведении соответствующей экспертизы² (назначение комплексной профессионально-правовой (организационно-тактической) экспертизы деятельности правоохранительных структур), где будут исследованы все детали операции по освобождению заложников.

При этом следует обратить внимание на специфическую особенность рассматриваемой деятельности, которая состоит в том, что решение на проведение рискованных действий, а также непосредственное исполнение этих действий осуществляются, как правило, группой лиц, то есть достижение общественно полезной цели осуществляется коллективно. По этой причине экспертная оценка необходима как субъекту, принявшему решение (отдавшему приказ на выполнение рискованной задачи), так и каждому конкретному лицу, непосредственно выполнявшему рискованные действия. Для проведения данных экспертиз, на наш взгляд, необходимо создание экспертной комиссии на федеральном уровне, например, при Генеральной прокуратуре РФ.

Если в результате рискованных действий по освобождению заложников лицо ошиблось и допустило тяжкие последствия, вероятность наступления которых в данном случае всегда заведомо высока, может наступать уголовная ответственность. Рассматривая обозначенную проблему ответственности сотрудников милиции, Ю. Н. Демидов делает вывод, что при признании объективной основы риска возникает вопрос о разграничении риска и ошибки (наступления нежелательной случайности), поскольку на практике рискованные и ошибочные решения нередко смешиваются, а отрицательные последствия рискованных решений приравниваются к ошибочным, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Автор справедливо отмечает, что ошибка в правоприменительной деятельности обусловлена, как правило, добросовестным заблуждением лица относительно наличия у него оснований для принятия решения³.

Субъект осознает наличие оснований, которые могут иметь отрицательный результат, но идет на рискованные действия (решения), ошибается и, несмотря на то, что формулировки превышения пределов обоснованного риска законодатель не дает, его действия выходят за границы обоснованного риска и становятся общественно опасными. При этом он, без достаточных на то оснований, самонадеянно рассчитывает избежать вредных последствий.

---

¹ См.: *Опалев А. В.* Оперативно-розыскная деятельность: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. М., 2002. С. 84.

² См.: *Шурдумов А.* Указ. соч. С. 61.

³ См.: *Демидов Ю. Н.* Указ. соч. С. 49.

Тогда «такое причинение вреда должно рассматриваться совершенным в условиях превышения пределов обоснованного риска и оцениваться в качестве обстоятельства, смягчающего наказание»¹. Однако, если лицо допустило ошибку, и, несмотря на все принятые им возможные меры и вопреки его расчетам, наступивший вред оказался большим, чем мог бы быть при принятии иных мер, не связанных с риском, его действия выходят за границы риска, а значит, в таких случаях имеет место превышение пределов обоснованного риска, влекущее уголовную ответственность по правилам фактической ошибки². Причем ответственность лица должна определяться в зависимости от вида допущенной ошибки: была она извинительной (ответственность исключается) или неизвинительной (ответственность за неосторожное преступление)³. Вывод о правомерности или неправомерности действий сотрудников милиции должен основываться на тщательном анализе конкретных ситуаций, с учетом того, что чрезмерный риск жизнью или здоровьем многих людей недопустим.

На наш взгляд, это соответствует правильной оценке субъективной стороны, имеющейся при превышении пределов обоснованного риска во время проведения специальных операций по освобождению заложников, где единственно возможным вариантом вины является преступное легкомыслие в результате неосторожных действий. Отсюда следует, что преступная небрежность при риске исключается, так как возможные вредные последствия охватываются сознанием рискующего. В случаях, если риск связан с игнорированием сотрудником строго регламентированной деятельности, и субъект риска заведомо осознавал, что его действия будут сопряжены с угрозой для жизни многих людей, то не исключена его ответственность за преступление, совершенное с косвенным умыслом.

Изучение литературы показывает, что в вопросе о формах вины при обоснованном причинении вреда в рискованной ситуации единство мнений отсутствует. Например, В. И. Михайлов предлагает рассматривать вину субъекта риска шире, исходя из положений закона об умысле и неосторожности, а также из существа риска, поскольку в рассматриваемой ситуации положительный результат возможен наряду с отрицательным, причем последний может быть больше, меньше или равен первому или расчетному. В связи с этим при изложении проблем уголовной ответственности за деяния, совершенные в рискованной ситуации при несоблюдении условий правомерности, повышенное внимание обращается на вопросы вины, однако существенное значение имеет и объективная сторона, особенно причинная связь между

---

¹ Гарбатович Д. С. Квалификация уголовно-правовых деяний по субъективной стороне: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 26.

² См.: Козаев Н. Ш. Обоснованный риск как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: учеб. пособие. С. 21.

³ См.: Баулин Ю. В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния. С. 201, 202.

деянием и его последствием¹. Вместе с тем мы разделяем позицию тех авторов, выводы которых совпадают с нашей точкой зрения. Так, Э. Ф. Побегайло отмечает, что вопрос об уголовной ответственности лица, нарушившего условия правомерности риска, может возникнуть при наличии неосторожности в виде преступного легкомыслия либо при косвенном умысле, когда лицо предвидело возможность наступления несоразмерно крупных вредных последствий своих рискованных действий, но относилось к этому безразлично, сознательно допускало их наступление. Прямой умысел при этом исключается, так как при нем не будет «разумного риска». Исключается при риске и преступная небрежность, поскольку возможные вредные последствия должны охватываться сознанием рискующего². По мнению Т. В. Кондрашовой, с субъективной точки зрения отношение лица к наступившим вредным последствиям возможно только в форме неосторожности, обычно в виде легкомыслия. Если же будет констатирован прямой или косвенный умысел, то лицо подлежит ответственности на общих основаниях³.

Вышеизложенное свидетельствует, что в случае превышения пределов обоснованного риска при выполнении служебных обязанностей сотрудниками правоохранительных органов (причинения смерти или вреда здоровью заложников) действия рискующих лиц являются общественно опасными. Авторы в комментарии к Уголовному кодексу РФ, указывая на возможность причинения вреда при обоснованном риске больше того, который был предотвращен, отмечают, что это может учитываться как обстоятельство, смягчающее ответственность виновного (п. «ж» ст. 61)⁴.

Однако действующая редакция уголовно-правовой нормы об обоснованном риске (ч. 3 ст. 41 УК РФ) усложняет возможность оценки указанной деятельности, тем самым она практически не гарантирует правовую защиту сотрудникам правоохранительных органов при причинении вреда охраняемым уголовным законом интересам в условиях риска. Как справедливо подчеркивает В. В. Бабурин, установленные в ч. 3 ст. 41 УК РФ ограничения должны распространяться лишь на экспериментальный риск, когда степень актуальности и возможного нового результата не столь ярко выражены именно в данный момент. Следовательно, при экспериментальном риске в силу отсутствия противовеса актуальности должно быть абсолютное ограничение для лиц, ставящих эксперименты, по величине вероятного вреда. Иная ситуация складывается при экстремальном риске, когда ограничения устанавливаются величиной того блага, которое необходимо сохранить. Большое значение

---

¹ См.: Михайлов В. И. Обоснованный риск в уголовном праве // Законодательство. 2001. № 7. С. 33.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: Общая часть / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. С. 118–119.

³ См.: Уголовное право: Общая часть / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. С. 281–282.

⁴ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. С. 88.

имеют экстремальность ситуации и соразмерность сохраняемого блага величине причиняемого вреда. Если необходимо немедленно спасти тысячу человек, неужели нельзя создавать опасность причинения вреда десяти? Ведь речь идет не о прямом причинении им вреда, а только о вероятности его причинения¹.

Таким образом, действующая редакция ст. 41 УК РФ «Обоснованный риск» позволяет дать уголовно-правовую оценку действиям, связанным с экспериментальным (научным) риском, и очень ограничивает возможности оценки правоохранительных действий, в том числе связанных с пресечением захвата заложника при экстремальном (вынужденном) риске.

Вместе с тем, как уже ранее отмечалось, отдельные действия, связанные с опасностью причинения вреда заложникам, не укладываются в рамки отдельных обстоятельств, исключающих преступность деяния, и не могут охватываться всей совокупностью обстоятельств одновременно. Успешное пресечение изоцированной преступной агрессии, выражающейся в массовом захвате заложников, невозможно без совершения сотрудниками правоохранительных органов рискованных действий. При освобождении заложников могут применяться все обстоятельства, однако в особо опасных случаях, с массовым захватом заложников наиболее актуальным действием является обоснованный риск, так как иные, нерискованные, действия ограничивают возможности эффективной борьбы с данными преступлениями.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что деятельность сотрудников спецподразделений, связанная с силовым вариантом освобождения заложников, с точки зрения уголовно-правового риска – это вынужденные целесообразные действия специально подготовленных сотрудников правоохранительных органов, направленные на предотвращение начавшегося преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ, осуществляемые в экстремальной ситуации, условиях неопределенности и альтернативности, при осознании ими возможности причинения этими действиями тяжкого вреда (смерти) лицу, совершившему данное общественно опасное деяние, или захваченным им заложникам, а также причинение значительного ущерба имущественным интересам и заключающееся в выборе определенного варианта пресечения данного общественно опасного деяния с использованием разрешенных средств и методов, основанного на соблюдении норм закона и соответствующего требованиям нормативных ведомственных актов.

На основании проведенного нами анализа условий правомерности обоснованного риска и с учетом совершенствования мер, направленных на законодательное закрепление правового положения сотрудников правоохранительных органов при возможном причинении вреда интересам, охраняемым уголовным законом в обстановке риска, предлагается дополнить Уголовный кодекс ст. 41¹ «Вынужденный профессиональный риск»²:

---

¹ См.: *Бабурин В. В.* Понятие и виды риска в уголовном праве: учеб. пособие. Омск, 2006. С. 79.

² Там же. С. 98.

Статья 41¹. Вынужденный профессиональный риск

«Не является преступлением причинение вреда при вынужденном риске, то есть при необходимости осуществления специалистами в экстремальных условиях опасных действий, направленных на устранение угрозы наступления тяжкого вреда, которая не могла быть устранена не связанными с опасностью действиями, при условии, что действия специалистов соответствовали современному уровню профессиональных знаний, а вероятность вредных последствий их действий была меньше угрозы наступления тяжкого вреда, и при этом не было допущено нарушений установленных правил риска».

Предложенная уголовно-правовая норма позволит уточнить условия правомерности обоснованного риска в экстремальных условиях. При этом очевидным является то, что для применения в целом ст. 41 УК РФ необходимо однозначное и конкретное толкование в правоприменительной практике всех условий обоснованного риска. Решение этой проблемы видится также и в разъяснении Пленумом Верховного Суда Российской Федерации используемых в законе оценочных признаков обоснованного риска.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разнообразие ситуаций при захвате заложников создает определенные трудности по разработке универсальной системы борьбы с этим явлением, в том числе и уголовно-правовой, поскольку сложность проведения данных специальных операций состоит в том, что требуется не только задержать виновного, но и, что более важно, освободить заложников. При этом экстремальная обстановка создает реальную вероятность организационных и тактических просчетов, которая зависит от поведения лиц, осуществляющих пресечение данного деяния в аналогичных ситуациях.

Проведенное исследование позволяет сформулировать основные выводы, которые могут быть использованы при совершенствовании отечественного законодательства, в ходе правоприменительной практики, а также в учебном процессе в образовательных учреждениях высшего профессионального образования юридического профиля.

Признание и использование материи состава правомерного поведения, направленного на освобождение заложника, в качестве совокупности взаимосвязанных элементов, обладающих необходимыми и достаточными признаками, определяющими в целом действие по освобождению заложников как непроступное, позволяет применять институты необходимой обороны, крайней необходимости, задержания преступника, обоснованного риска и исполнения приказа при характеристике разных ситуаций, связанных с пресечением захвата заложников.

Под составом правомерного причинения вреда при осуществлении действий по освобождению заложников следует понимать совокупность закрепленных уголовным законом объективных и субъективных признаков, необходимых и достаточных для установления в каждом конкретном случае действий по освобождению заложников признаков правомерного поведения.

Уголовно-правовая характеристика деятельности правоохранительных органов по освобождению заложников состоит в том, что действия сотрудников данных подразделений в случае причинения ими вреда будут оцениваться по нескольким ОИПД в зависимости от моментов их наличности и действительности. При этом специфичность рассматриваемой деятельности заключается в том, что начальным (первоосновным) моментом по отношению к остальным ОИПД является условие исполнения приказа или распоряжения, так как данный уголовно-правовой институт закрепляет обязанность исполнителя выполнять приказы руководителя оперативного штаба, направленные на проведение специальной операции по освобождению заложников даже путем причинения вреда интересам, охраняемым уголовным законом. При индивидуальной оценке приказов руководителя или действий сотрудников спецподразделений наглядно проявляется близость состояний необходимой обороны, крайней необходимости и обоснованного риска, которые охватывают

конкретные действия в зависимости от тактических вариантов освобождения заложников. Среди них состояние обоснованного риска наиболее характерно для действий по пресечению массового захвата заложников, так как в этом случае существует потенциальная угроза причинения вреда заложникам.

Состав «захват заложника» – преступление со сложной объективной стороной, которая характеризуется двумя этапами поведения преступника: первый этап – захват и (или) удержание заложника; второй этап – подчинение физических действий необходимому для данного состава преступления информационному (психическому) воздействию – требованию к «третьей стороне» совершить какое-либо действие или отказаться от их совершения. Перечисленным этапам присуща внутренняя, взаимная связь, где каждое действие, взятое в отдельности, самостоятельного значения не имеет, все они направлены на достижение основной цели захвата заложника – понудить субъект требований к принятию определенных решений, выгодных для виновного лица.

Захват заложника чаще всего совершается в совокупности с последующим его удержанием, и само удержание заложника без его захвата происходит только за редким исключением. Учитывая это, предлагается в тексте ч. 1 ст. 206 УК РФ определить связь понятий «захват», «удержание» конструкцией с союзом «и» и представить в следующем виде «захват и (или) удержание». Кроме того, целесообразно дополнить п. «д» ч. 2 ст. 206 УК РФ отягчающим обстоятельством, связанным с захватом лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии.

Отличительными критериями захвата заложника и незаконного лишения свободы являются: различный объем конструкций объективной стороны составов преступления (шире диспозиция ст. 206 УК РФ), разный умысел воздействия на объект уголовно-правовой охраны (публичный характер захвата заложника), а также возраст наступления уголовной ответственности (за незаконное лишение свободы он равняется шестнадцати годам). Основным критерий отличия захвата заложника от похищения человека состоит в открытом удержании заложника и непосредственном предъявлении требований к третьим лицам – государству, организациям, а также общественным (политическим) деятелям. Предлагаем дать законодательное определение понятия похищения человека в диспозиции ст. 126 УК РФ и изложить его в следующей редакции: *«Захват и перемещение человека в другое место с последующим его тайным удержанием, совершенные путем психического, физического насилия или обмана».*

Факт удержания заложника и предъявление виновным требований имеют открытый характер, при этом адресат требований, как правило, облечен властными или общественными полномочиями. Исходя из этого, в целях совершенствования отграничения захвата заложника от похищения человека целесообразно в тексте ст. 206 УК РФ заменить адресата требований («гражданин» на «общественный деятель»).

Условия правомерности необходимой обороны применительно к действиям сотрудников правоохранительных органов, связанным с освобождением заложников, определяются наличием посягательства со стороны лиц, удерживающих заложников, и пределами во времени – оптимально выбранным моментом возможного причинения вреда посягающим лицам при отсутствии непосредственной опасности для жизни и здоровья заложников.

Согласно ст. 38 УК РФ следует считать правомерными действия, начальным моментом которых служит одновременное прекращение террористом криминального противостояния органам власти и удержания захваченных им лиц с попыткой скрыться с места происшествия, а моментом окончания – нейтрализация его сопротивления, задержание (здесь возможно причинение ему физического вреда, вплоть до лишения жизни, с целью доставления в правоохранительные органы для последующего уголовного преследования).

В соответствии с условиями ст. 39 УК РФ могут выполняться только требования террористов, влекущие за собой любые материальные затраты, а также выдачу им оружия, боеприпасов и наркотических средств как сознательное решение, пренебрегающее возможными негативными последствиями при обеспечении безопасности жизни заложников.

Уголовно-правовая оценка деятельности сотрудников правоохранительных органов при проведении операций по освобождению заложников, обычно протекающих в ситуации, которая обусловлена повышенной агрессивностью преступников, их нервозностью, опасениями необдуманных или непредсказуемых действий жертвы либо собственных просчетов, сводится, в основном, к анализу проблемы риска. Особенно это касается тех случаев пресечения захвата заложников, совершенного с террористической целью, когда все меры по добровольному освобождению заложников не дают результатов, и появляется необходимость в принятии руководителями правоохранительных органов решения о силовом варианте проведения специальной операции по освобождению заложников. Это решение, осуществляющееся в ситуации обоснованного риска, должно обладать его признаками и вытекать из точной оценки сложившейся обстановки.

Правомерность обоснованного риска в ситуации освобождения заложников должна соответствовать следующим требованиям: 1) рискующее лицо должно иметь специальную подготовку и практический опыт в этом виде деятельности (специальный допуск); 2) лицо, действующее в ситуации риска, должно предпринять все возможные меры по исключению в своих действиях общественно опасных последствий. Результаты исследования действий по освобождению большого количества заложников показывают, что, во-первых, эта деятельность непосредственно подвержена риску; во-вторых, выполнение рискованных действий в данной ситуации – правовая обязанность (служебный долг) сотрудников правоохранительных органов; в-третьих, в случае причинения вреда правоохраняемым интересам (заложникам) при выполнении

указанных действий их следует оценивать, исходя из условий правомерности обоснованного риска.

Вывод о правомерности или неправомерности действий по освобождению заложников должен основываться на тщательном анализе конкретных ситуаций, с учетом того, что чрезмерный риск жизнью или здоровьем многих людей недопустим. Это соответствует правильной оценке субъективной стороны, имеющейся при превышении пределов обоснованного риска во время проведения специальных операций по освобождению заложников, где единственно возможным вариантом вины является преступное легкомыслие в результате неосторожных действий. Отсюда следует, что преступная небрежность при риске исключается, так как возможные вредные последствия охватываются сознанием рискующего. Если риск связан с игнорированием сотрудником строго регламентированной деятельности, причем субъект риска заведомо осознавал, что его действия будут сопряжены с угрозой для жизни многих людей, то не исключена его ответственность за преступление, совершенное с косвенным умыслом.

В уголовно-правовом смысле *массовый захват заложников* может быть представлен как *умышленные действия организованной группы террористов, направленные на захват большого количества людей и создающие под угрозой применения современных средств поражения обстановку повышенной общественной опасности (страха) с целью воздействия на принятие государством или организациями, как правило, политических решений.*

Редакция ст. 41 УК РФ «Обоснованный риск» позволяет дать уголовно-правовую оценку действиям, связанным с экспериментальным (научным) риском и очень ограничивает возможности оценки правоохранительных действий, в том числе связанных с пресечением захвата заложника при экстремальном (вынужденном) риске.

Деятельность сотрудников спецподразделений, связанная с силовым вариантом освобождения заложников с точки зрения уголовно-правового риска – это вынужденные целесообразные действия специально подготовленных сотрудников правоохранительных органов, направленные на пресечение преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ, осуществляемые в экстремальной ситуации, условиях неопределенности и альтернативности, при осознании ими причинения этими действиями тяжкого вреда (смерти) лицу, совершившему данное общественно опасное деяние, или возможности причинения вреда захваченным заложникам, а также значительного ущерба имущественным интересам и заключающиеся в выборе основанного на соблюдении норм закона и соответствующего требованиям нормативных ведомственных актов варианта пресечения данного общественно опасного посягательства.

16. *Блинников В. А.* Обстоятельства, исключаящие преступность деяния, в уголовном праве России / В. А. Блинников. – Ставрополь, 2001.
17. *Болтунов М.* «Альфа» – смерть террору / М. Болтунов. – М., 2003.
18. *Боровиков В. Б.* Преступления против общественной безопасности: лекция / В. Б. Боровиков. – М., 1999.
19. *Брайнин Я. М.* Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве / Я. М. Брайнин. – М., 1963.
20. *Ващенко Ю. В.* Опыт борьбы с терроризмом за рубежом / Ю. В. Ващенко // Преступность и законодательство. – М., 1997.
21. *Веденин Д. В.* Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: учеб. пособие / Д. В. Веденин. – Екатеринбург, 2001.
22. *Векленко В. В.* Квалификация хищений: моногр. / В. В. Векленко. – Омск, 2001.
23. *Векленко С. В.* Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве / С. В. Векленко. – Омск, 2002.
24. *Ветров Н. И.* Уголовное право: Общая часть / Н. И. Ветров. – М., 2003.
25. *Винокуров В. Н.* Правомерное причинение вреда в состоянии крайней необходимости: моногр. / В. Н. Винокуров. – Красноярск, 2001.
26. *Волженкин Б. В.* Уголовная ответственность юридических лиц / Б. В. Волженкин. – Сер. «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе». – СПб., 1998.
27. *Гаухман Л. Д.* Проблемы уголовно-правовой борьбы с насильственными преступлениями в СССР / Л. Д. Гаухман. – М., 1978.
28. *Глухова А. А.* Виктимологические аспекты профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел / А. А. Глухова // Преступность в разных ее проявлениях и организованная преступность / под ред. проф. А. И. Долговой. – М., 2004.
29. *Горелик И. И.* Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья / И. И. Горелик. – Минск, 1973.
30. *Гринберг М. С.* Преступления против общественной безопасности: учеб. пособие / М. С. Гринберг. – Свердловск, 1974.
31. *Гринберг М. С.* Технические преступления / М. С. Гринберг. – Новосибирск, 1992.
32. *Демидов Ю. Н.* Уголовно-правовые меры борьбы с правонарушениями в экстремальных условиях / Ю. Н. Демидов. – М., 1993.
33. *Детские болезни* / под ред. Л. А. Исаевой. – М., 1986.
34. *Дикаев С. У.* Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование) / С. У. Дикаев. – СПб., 2006.
35. *Дикаев С. У.* Уголовная ответственность за преступления террористического характера: учеб. пособие / С. У. Дикаев, И. Р. Диваева. – М., 2005.

36. Дурманов Н. Д. Обстоятельства, исключаящие общественную опасность и противоправность деяния / Н. Д. Дурманов. – М., 1961.

37. Емельянов В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование / В. П. Емельянов. – СПб., 2002.

38. Залужный А. Г. Организации, деятельность которых запрещена на территории Российской Федерации / А. Г. Залужный // Преступность в России начала XXI века и реагирование на нее / под ред. проф. А. И. Долговой. – М., 2004.

39. Зелькина О. С. Категория «структура» в системе категорий диалектики / О. С. Зелькина // Современные проблемы материалистической диалектики. – М., 1971.

40. Злобин Г. А. Умысел и его формы / Г. А. Злобин, Б. С. Никифоров. – М., 1972.

41. Зуев В. Л. Необходимая оборона и крайняя необходимость. Вопросы квалификации и судебно-следственной практики: учеб. пособие / В. Л. Зуев. – М., 1996.

42. Иванов В. Ф. Уголовно-правовая оценка понуждения / В. Ф. Иванов. – Саратов, 1986.

43. Илларионов В. П. Переговоры с преступниками (правовые, организационные, оперативно-тактические основы) / В. П. Илларионов. – М., 1994.

44. Иногамова-Хегай Л. В. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений: учеб. пособие / Л. В. Иногамова-Хегай. – М., 2002.

45. Информационный бюллетень следственного комитета при МВД России. – М., 2003. – № 1 (115).

46. Истомина Г. М. Психологическая подготовка сотрудников ОВД к действиям в экстремальных ситуациях как условие предупреждения их гибели и ранений / Г. М. Истомина, А. Д. Сафронов // Проблемы организации работы с личным составом органов внутренних дел: сб. науч. тр. Академии МВД России. – М., 1993.

47. Каплунов А. И. Правовые основы применения и использования огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел: учеб. пособие / А. И. Каплунов, С. Ф. Милюков, Н. И. Уткин; под ред. Сальникова. – М., 2004.

48. Каплунов А. И. Применение и использование боевого ручного стрелкового, служебного и гражданского огнестрельного оружия / А. И. Каплунов, С. Ф. Милюков. – СПб., 2003.

49. Квалификация преступлений, совершаемых с применением взрывных устройств // Информационный бюллетень России. – 2000. – № 2 (103).

50. Келина С. Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК РФ / С. Г. Келина // Уголовное право: новые идеи. – М., 1994.

51. Кириллов И. А. Уголовно-правовые меры борьбы с терроризмом: лекция / И. А. Кириллов. – М., 1999.

52. *Козаев Н. Ш.* Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: учеб. пособие / Н. Ш. Козаев. – Ставрополь, 2001.
53. *Козак В. Н.* Вопросы теории и практики крайней необходимости / В. Н. Козак. – Саратов, 1981.
54. *Комиссаров В. С.* Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против безопасности общества по новому УК РФ / В. С. Комиссаров. – М., 1997.
55. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. – М., 2004.
56. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Рарог. – 6-е изд., перераб. и доп. – М., 2009.
57. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. – М., 1998.
58. *Кондрашов Б. П.* Комментарий к Закону Российской Федерации «О милиции» / Б. П. Кондрашов, Ю. П. Соловей, В. В. Черников. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2003.
59. *Красиков Ю. А.* Множественность преступлений / Ю. А. Красиков. – М., 1999.
60. *Кудрявцев В. Н.* Объективная сторона преступления / В. Н. Кудрявцев. – М., 1960.
61. *Кудрявцев В. Н.* Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2004.
62. *Курбанов Г. С.* Обстоятельства, устраняющие общественную опасность и противоправность деяния / Г. С. Курбанов. – Баку, 1991.
63. *Куринов Б. А.* Научные основы квалификации преступлений / Б. А. Куринов. – М., 1976.
64. Курс уголовного права: Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. – М., 2002. – Т. 1.
65. Курс уголовного права: Особенная часть / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. – М., 2002. – Т. 3.
66. *Мальцев В. В.* Проблема уголовно-правовой оценки общественно опасных последствий / В. В. Мальцев. – Саратов, 1987.
67. *Марцев А. И.* Диалектика и вопросы теории уголовного права / А. И. Марцев // Избранные труды. – Омск, 2005.
68. *Марцев А. И.* Необходимая оборона. Задержание преступника. Крайняя необходимость: учеб. пособие / А. И. Марцев, А. М. Царегородцев. – Омск, 1987.
69. *Марцев А. И.* Развитие учения об объекте преступления: лекция / А. И. Марцев, Н. В. Вишнякова. – Омск, 2002.
70. *Меркурьев В. В.* Состав необходимой обороны / В. В. Меркурьев. – СПб., 2004.

71. Мировой опыт борьбы с терроризмом / С. А. Ныриков, В. П. Голубев, М. В. Назаркин, С. В. Гучетль. – М., 2003.
72. *Миронов И. А.* Уголовно-правовые и криминологические аспекты похищения человека / И. А. Миронов. – М., 2002.
73. *Морозов В. И.* Невинное причинение вреда, обусловленное экстремальной ситуацией или нервно-психическими перегрузками: учеб. пособие / В. И. Морозов, Ю. С. Коткова. – Тюмень, 2005.
74. *Назаров А. Ю.* Организационно-правовые и тактические основы деятельности органов внутренних дел по борьбе с терроризмом: учеб. пособие / А. Ю. Назаров. – М., 2002.
75. *Насильственная преступность* / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. – М., 1997.
76. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. проф. В. В. Нилюка и доц. В. В. Кальницкого, А. Е. Чечетина. – Омск, 1999.
77. *Новоселов Г. П.* Учение об объекте преступления. Методические аспекты / Г. П. Новоселов. – М., 2001.
78. О действиях органов внутренних дел и внутренних войск при проведении операции по освобождению заложников, захваченных в г. Ростове-на-Дону 23 декабря 1993 г.: аналитическая справка ГУК МВД России от 9 марта 1994 г. – М., 1994.
79. Об организации раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с применением взрывных устройств: метод. рекомендации от 29 июня 1999 г. № 1/12759. – М., 1999.
80. *Общая теория права* / под ред. М. Н. Марченко. – М., 1994.
81. *Овезов Н. А.* К вопросу об обстоятельствах, устраняющих общественную опасность и противоправность деяния в советском уголовном праве / Н. А. Овезов. – Ашхабад, 1972.
82. *Овчинникова Г. В.* Захват заложника: уголовно-правовые, криминологические и криминалистические проблемы / Г. В. Овчинникова, М. Ю. Павлик, О. Н. Коршунова. – СПб., 2001.
83. *Оганян Р. Э.* Ответственность за терроризм в уголовном праве России: лекция / Р. Э. Оганян. – М., 2002.
84. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М., 1958. – Т. 2.
85. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. д-ра филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. – 10-е изд. – М., 1973.
86. *Опалев А. В.* Оперативно-розыскная деятельность: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. – М., 2002.
87. *Орешкина Т. Ю.* Специальные обстоятельства, исключющие преступность деяния / Т. Ю. Орешкина // Уголовное право: Стратегия развития в XXI веке. – М., 2004.
88. Организация деятельности горрайлинооргана внутренних дел в особых условиях / под ред. проф. В. Н. Соглаева. – М., 1994.

89. Организация и тактика действий сил и средств ОВД и ВВ МВД России при проведении специальных операций / под ред. канд. юрид. наук Е. П. Приходько. – М., 1996.
90. Орехов В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния / В. В. Орехов. – СПб., 2003.
91. Орлов В. С. Субъект преступления / В. С. Орлов. – М., 1958.
92. Павлов В. Г. Субъект преступления и уголовная ответственность / В. Г. Павлов. – СПб., 2000.
93. Панов В. П. Международное уголовное право: учеб. пособие / В. П. Панов. – М., 1997.
94. Пархоменко С. В. Деяния, преступность которых исключается в силу специальной полезности и необходимости / С. В. Пархоменко. – СПб., 2004.
95. Паше-Озерский Н. Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость / Н. Н. Паше-Озерский. – М., 1962.
96. Пионтковский А. А. Уголовное право РСФСР: часть общая / А. А. Пионтковский. – М., 1924.
97. Попов А. Н. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / А. Н. Попов // Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе. – СПб., 1998.
98. Правовые и организационные основы борьбы с терроризмом: курс лекций / под общ. ред. В. Н. Гуляева. – Домодедово, 2004.
99. Прогноз криминогенной ситуации в РФ в начале XXI века / под общ. ред. С. И. Гирько. – М., 2003.
100. Психология: словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М., 1990.
101. Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А. И. Рарог. – СПб., 2002.
102. Резепкин О. Ю. Захват заложника. Уголовно-правовая регламентация проблемы: моногр. / О. Ю. Резепкин, И. А. Журавлев. – М., 2003.
103. Рушайло В. Б. Административно-правовые режимы: моногр. / В. Б. Рушайло. – М., 2000.
104. Савенок А. Л. Риск: социально-правовые аспекты: учеб. пособие / А. Л. Савенок. – Минск, 1999.
105. Сафиуллин Н. Х. Особенности преступного поведения несовершеннолетних. Криминологическое исследование / Н. Х. Сафиуллин, М. В. Данилевская, Н. И. Куликов. – Казань, 1995.
106. Сахаров А. Б. Исполнение обязательного приказа / А. Б. Сахаров // Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. – М., 1987.
107. Сахаров А. Б. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / А. Б. Сахаров. – М., 1987.
108. Селиверстов С. А. Организация и тактика проведения специальных операций по освобождению заложников и захвату (уничтожению) бандитов / С. А. Селиверстов. – М., 2003.

109. *Ситковская О. Д.* Новые направления судебно- психологической экспертизы / О. Д. Ситковская, Л. П. Конышева, М. М. Коченов. – М., 2000.
110. *Слуцкий И. И.* Обстоятельства, исключаяющие уголовную ответственность / И. И. Слуцкий. – Л., 1956.
111. *Смирнова Л. Н.* Уголовно-правовое регулирование задержания лица, совершившего преступление / Л. Н. Смирнова. – СПб., 2005.
112. *Смирнова Л. Н.* Проблемы правового регулирования института причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. / Л. Н. Смирнова; под ред. С. А. Елисеева. – Томск, 2002. – Ч. 9.
113. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – М., 1986.
114. *Соломоненко И. Г.* Исполнение приказа и его уголовно-правовое значение / И. Г. Соломоненко. – Ставрополь, 2000.
115. *Сырых В. М.* Теория государства и права: учебник / В. М. Сырых. – М., 2002.
116. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Часть общая: лекции / Н. С. Таганцев. – СПб., 1902. – Т. 1.
117. *Тарарухин С. А.* Установление мотива и квалификация преступления / С. А. Тарарухин. – Киев, 1977.
118. *Тацкий В. Я.* Объект и предмет преступления в советском уголовном праве / В. Я. Тацкий. – Харьков, 1988.
119. Теория государства и права / под ред. М. Н. Марченко. – М., 1999.
120. Терроризм и контртерроризм в современном мире: аналитические материалы, документы, глоссарий: науч.-справ. изд. / под общ. ред. акад. О. А. Колобова. – М., 2003.
121. *Тимейко Г. В.* Общее учение об объективной стороне преступления / Г. В. Тимейко. – Ростов н/Д, 1977.
122. *Трайнин А. Н.* Общее учение о составе преступления / А. Н. Трайнин. – М., 1957.
123. Уголовное право / под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новоселова. – М., 2008.
124. Уголовное право России: Особенная часть / под ред. А. И. Рарога. – М., 1996.
125. Уголовное право Российской Федерации / под ред. А. И. Марцева. – Омск, 2000.
126. Уголовное право Российской Федерации: Общая часть / под ред. Б. В. Здравомыслова. – М., 1999.
127. Уголовное право: Общая часть: учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко и З. А. Незнамова. – М., 2000.
128. Уголовное право: Общая часть: учебник / под. ред. А. И. Марцева. – Омск, 1988.

129. Уголовное право: Особенная часть: учебник / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. И. Я. Козаченко. – М., 2009.

130. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – М., 1997.

131. Характеристика осужденных к лишению свободы: по материалам спец. переписи 1999 г. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. С. Михлина. – М., 2001.

132. *Хлобустов О. М.* Проблемы межведомственного взаимодействия в борьбе с терроризмом в России / О. М. Хлобустов // Терроризм: проблемы межведомственного взаимодействия: материалы «круглого стола» (30 октября 2002 г.). – М., 2003.

133. *Черненко Т. Г.* Длющиеся преступления / Т. Г. Черненко // Правовые проблемы укрепления российской государственности. – Томск, 2002.

134. *Шаргородский М. Д.* Преступления против жизни и здоровья / М. Д. Шаргородский. – М., 1947.

135. *Шеслер А. В.* Преступления против общественной безопасности: учеб. пособие / А. В. Шеслер, С. М. Мальков. – Красноярск, 2000.

136. *Явич Л. С.* Сущность права / Л. С. Явич. – Л., 1985.

137. *Якубович М. И.* Обстоятельства, исключаящие общественную опасность и противоправность деяния / М. И. Якубович. – М., 1979.

138. *Янушко В. И.* Риск при задержании подозреваемого на транспорте: учеб. пособие / В. И. Янушко, В. В. Мороз. – Минск, 1995.

Í àó:í úá ñò àòüè

1. *Адельханян Р.* Захват воздушных судов по международному уголовному праву / Р. Адельханян // Законность. – 2002. – № 10.

2. *Артамонов И.* «Терроризм»: проблемы уголовной ответственности / И. Артамонов // Уголовное право. – 2002. – № 3.

3. *Ахметшин Р.* Момент окончания длящегося преступления (на примере захвата заложников) / Р. Ахметшин, Э. Гафурова // Уголовное право. – 2007. – № 2.

4. *Бабаев М. М.* Криминологическая безопасность в системе национальной безопасности (опыт структурного анализа) / М. М. Бабаев, В. А. Плешаков // Криминологический журнал. – 2005. – № 1 (7).

5. *Бабий Н. А.* Насилие, опасное для жизни или здоровья / Н. А. Бабий // Правоведение. – 2004. – № 6.

6. *Бабурин В. В.* Влияние объекта преступления на степень уголовно-правового риска / В. В. Бабурин // Научный вестник. – 2002. – № 1 (15).

7. *Бабурин В. В.* Современные проблемы уголовно-правового риска / В. В. Бабурин // Уголовное право. – 2005. – № 4.

8. *Бавсун М.* Проблемы квалификации убийства, сопряженного с иными преступлениями / М. Бавсун, Н. Вишнякова // Уголовное право. – 2004. – № 4.

9. *Беляев А.* О нормативном регулировании вынужденного причинения вреда при применении оружия сотрудниками правоохранительных органов / А. Беляев, О. Голубев // Уголовное право. – 2004. – № 2.
10. *Беляева Н.* Квалификация захвата заложника / Н. Беляева, Т. Орешкина, Э. Мурадов // Законность. – 1994. – № 7.
11. *Бояров С.* Квалификация убийства детей / С. Бояров // Российская юстиция. – 2002. – № 12.
12. *Бриллиантов А.* К вопросу о направлениях унификации законодательств участников СНГ о борьбе с терроризмом и захватом заложника / А. Бриллиантов, В. Бурковская // Уголовное право. – 2003. – № 1.
13. *Бриллиантов А. В.* Квалификация преступлений по признаку их совершения группой лиц, из которых лишь одно обладает признаками субъекта преступления / А. В. Бриллиантов, Н. В. Димченко // Российский судья. – 2005. – № 3.
14. *Бриллиантов А. В.* Множественность преступлений в уголовном законе / А. В. Бриллиантов // Российский следователь. – 2004. – № 2.
15. *Бриллиантов А. В.* Похищение человека или захват заложника? / А. В. Бриллиантов // Российская юстиция. – 1999. – № 9.
16. *Бурковская В.* Законодательство, направленное на борьбу с экстремизмом: проблемы становления и правоприменительной практики / В. Бурковская // Уголовное право. – 2005. – № 1.
17. *Быков В. М.* Виды преступных групп: проблемы разграничения / В. М. Быков // Уголовное право. – 2005. – № 2.
18. *Варчук Т. В.* Некоторые аспекты криминологической характеристики личности насильственных преступников и их жертв / Т. В. Варчук, В. А. Щербаков // Криминологический журнал. – 2005. – № 1 (7).
19. *Векленко В. В.* Установление объекта в квалификации преступлений / В. В. Векленко // Научный вестник. – 2002. – №1 (15).
20. *Векленко С.* Понятие и виды заранее обдуманного умысла / С. Векленко, А. Фалько // Уголовное право. – 2005. – № 3.
21. *Векленко С. В.* Законодательное определение умышленной вины нуждается в совершенствовании / С. В. Векленко // Уголовное право. – 2003. – № 1.
22. *Волженкин Б. В.* Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ / Б. В. Волженкин // Законность. – 1988. – № 12.
23. *Габибова Г.* Отграничение похищения человека от захвата заложника / Г. Габибова // Законность. – 2002. – № 11.
24. *Галиакбаров Р. Р.* Квалификация преступлений по признаку их совершения организованной группой / Р. Р. Галиакбаров // Российская юстиция. – 2000. – № 4.
25. *Гаухман Л.* Уголовно-правовая борьба с терроризмом / Л. Гаухман // Законность. – 2001. – № 5.
26. *Гаухман Л. Д.* Об ответственности за захват заложников и похищение человека / Л. Д. Гаухман, С. В. Максимов, С. Сауляк // Законность. – 1994. – № 10.

27. Григенча В. Я. Юридическая природа исполнения неправомерного приказа / В. Я. Григенча // Российский юридический журнал. – 1997. – № 2.
28. Дементьев С. Как квалифицировать захват заложников / С. Дементьев, Н. Огородникова // Советская юстиция. – 1990. – № 5.
29. Дикаев С. У. Общественная безопасность как основной объект уголовно-правовой охраны при терроризме / С. У. Дикаев // Следователь. – 2003. – № 7.
30. Додонов В. Ответственность юридических лиц в современном уголовном праве / В. Додонов // Законность. – 2006. – № 4.
31. Долгова А. И. Конкретизация понятия терроризма в криминологических и правовых целях / А. И. Долгова // Уголовное право. – 2003. – № 2.
32. Долгова А. И. Организованная преступность, терроризм и коррупция: тенденции и совершенствование борьбы с ними / А. И. Долгова // Прокурорская и следственная практика. – 2005. – № 3–4.
33. Донцов С. Правомерность причинения вреда в критических условиях борьбы с преступностью / С. Донцов // Советская юстиция. – 1990. – № 6.
34. Емельянов В. Есть ли в УК РФ составы преступлений, непосредственно посягающие на общественный порядок? / В. Емельянов // Законность. – 2002. – № 12.
35. Емельянов В. Особенности объективной стороны терроризма / В. Емельянов // Законность. – 2000. – № 12.
36. Емельянов В. Разграничение терроризма и посягательств с элементами терроризирования / В. Емельянов // Российская юстиция. – 2001. – № 4.
37. Ермакова Л. Цель как признак терроризма / Л. Ермакова, М. Комарова // Уголовное право. – 2002. – № 2.
38. Журавлев И. А. Захват заложников: исторические корни и современное положение / И. А. Журавлев // Закон и право. – 2002. – № 1.
39. Зуев В. Л. Необходимая оборона, крайняя необходимость и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния / В. Л. Зуев // Юридический мир. – 2001. – № 8.
40. Иванов Н. Г. Принцип субъективного вменения и его реализация в УК / Н. Г. Иванов // Государство и право. – 1999. – № 10.
41. Игнатьев А. А. Убийство по закону (необходимая оборона и крайняя необходимость в частном сыске и охране) / А. А. Игнатьев // Частный сыск, охрана, безопасность. – 1995. – № 11.
42. Качмазов О. Уголовная ответственность за терроризм / О. Качмазов // Законность. – 1998. – № 8.
43. Кашепов В. П. О гарантиях уголовно-правовой защиты безопасности личности / В. П. Кашепов // Журнал российского права. – 2005. – № 12.
44. Келина С. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: понятие и виды / С. Келина // Уголовное право. – 1999. – № 3.
45. Кибальник А. Оценка «антитеррористических» новелл уголовного закона / А. Кибальник // Уголовное право. – 2006. – № 5.

46. *Кибальник А. Г.* Некоторые перспективы развития института обстоятельств, исключающих преступность деяния / А. Г. Кибальник // Государство и право. – 2006. – № 10.

47. *Кладков А.* Квалификация преступлений, совершенных в соучастии / А. Кладков // Законность. – 1998. – № 8.

48. *Комиссаров В.* Проблемы ответственности соисполнителей за совместные преступные действия и их вредные последствия / В. Комиссаров, И. Дубровин // Уголовное право. – 2003. – № 1.

49. *Комиссаров В. С.* Захват заложника – стремление к наживе или преступление от безысходности? / В. С. Комиссаров // Законность. – 1999. – № 3.

50. *Комиссаров В. С.* Захват заложников: происхождение нормы, вопросы совершенствования / В. С. Комиссаров // Законность. – 1995. – № 3.

51. *Косарев М.* Новый антитеррористический закон России / М. Косарев // Законность. – 2006. – № 8.

52. *Косарев М. Н.* Новое законодательство о противодействии терроризму / М. Н. Косарев // Российская юстиция. – 2006. – № 10.

53. *Кравец Ю. П.* Об уголовной ответственности юридических лиц за преступления в сфере предпринимательской деятельности / Ю. П. Кравец // Журнал российского права. – 2004. – № 6.

54. *Лиховидов К.* Риск как условие дифференциации объема и мер юридической ответственности / К. Лиховидов // Законность. – 2001. – № 12.

55. *Лоскутов А.* Пресечение захвата заложников / А. Лоскутов // Социальная законность. – 1991. – № 12.

56. *Лукьянов В.* Угроза причинения вреда как последствие противоправного деяния / В. Лукьянов // Российская юстиция. – 2001. – № 1.

57. *Ляпунов Ю.* Дискуссионные проблемы объекта преступлений против собственности / Ю. Ляпунов // Уголовное право. – 2004. – № 3.

58. *Мазин П. В.* Обоснованный риск: проблемы, толкования и практическое применение / П. В. Мазин, Г. Е. Пономарев, В. Н. Битеев // Уголовное право. – 2002. – № 2.

59. *Мальцев В.* Ответственность за терроризм / В. Мальцев // Российская юстиция. – 1997. – № 11.

60. *Марцев А. И.* Состав преступления: структура и виды / А. И. Марцев // Уголовное право. – 2005. – № 2.

61. *Миньковский Г. М.* Характеристика терроризма и некоторые направления повышения эффективности борьбы с ним / Г. М. Миньковский, В. П. Ревин // Государство и право. – 1997. – № 8.

62. *Михайлов В.* Исполнение закона как обстоятельство, исключающее преступность деяния / В. Михайлов // Уголовное право. – 2007. – № 1.

63. *Михайлов В. И.* Выполнение профессиональных функций как обстоятельство, исключающее преступность деяния / В. И. Михайлов // Уголовное право. – 2002. – № 2.

64. Михайлов В. И. Крайняя необходимость / В. И. Михайлов // Закон. – 2000. – № 7.
65. Михайлов В. И. Обоснованный риск в уголовном праве / В. И. Михайлов // Законодательство. – 2001. – № 7.
66. Михайлов В. И. Риск в бизнесе / В. И. Михайлов // Закон. – 2000. – № 7.
67. Михаль О. Вопросы квалификации незаконного лишения свободы, похищения человека и захвата заложников / О. Михаль // Уголовное право. – 2003. – № 4.
68. Михаль О. Профессиональный (обоснованный) риск при освобождении заложников / О. Михаль // Уголовное право. – 2003. – № 1.
69. Мицкевич-Черновол С. Рикошет или еще раз о терроризме / С. Мицкевич-Черновол // Закон и право. – 2004. – № 11.
70. Назаров В. Захват заложников – закон и практика / В. Назаров, В. Прошляков // Социальная законность. – 1991. – № 3.
71. Наумов А. В. Предприятие на скамье подсудимых / А. В. Наумов // Советская юстиция. – 1992. – № 17–18.
72. Никифоров А. С. Юридическое лицо как субъект преступления / А. С. Никифоров // Уголовное право. – 2000. – № 2.
73. Никифоров Б. С. Место объекта в общем определении преступления по советскому уголовному праву / А. С. Никифоров // Социальная законность. – 1956. – № 35.
74. Новиков В. С. Правовая основа вынужденного применения огнестрельного оружия сотрудниками милиции / В. С. Новиков // Государство и право. – 1996. – № 1.
75. Оганян Р. Ответственность за захват заложников по международному уголовному праву / Р. Оганян // Российская юстиция. – 2002. – № 5.
76. Орешкина Т. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния / Т. Орешкина // Уголовное право. – 1999. – № 3.
77. Орешкина Т. Обоснованный риск в системе обстоятельств, исключающих преступность деяния / Т. Орешкина // Уголовное право. – 1999. – № 1.
78. Панченко П. Н. Уголовное право в «нестандартных» ситуациях и «нестандартные» ситуации в уголовном праве / П. Н. Панченко // Следователь. – 2004. – № 2.
79. Пархоменко С. Деяния, преступность которых исключается уголовным законом / С. Пархоменко // Уголовное право. – 2004. – № 4.
80. Пархоменко С. Почему необходимая оборона является необходимой? / С. Пархоменко // Уголовное право. – 2003. – № 1.
81. Пархоменко С. Причинение вреда при выполнении специального задания / С. Пархоменко // Законность. – 2004. – № 8.
82. Плаксина Т. Уголовно-правовое значение множественности квалифицирующих убийство обстоятельств / Т. Плаксина, М. Кондратенко // Уголовное право. – 2005. – № 3.

83. *Побегайло Э.* Кризис современной российской уголовной политики / Э. Побегайло // Уголовное право. – 2004. – № 4.

84. *Побегайло Э. Ф.* Проблема уголовной политики в сфере обеспечения безопасности граждан (законотворческий аспект) / Э. Ф. Побегайло // Уголовное право. – 2001. – № 1.

85. *Резепкин О. Ю.* Особенности квалификации преступлений, посягающих на свободу человека / О. Ю. Резепкин // Закон и право. – 2003. – № 2, 3.

86. *Самороков В. И.* Риск в уголовном праве / В. И. Самороков // Государство и право. – 1993. – № 5.

87. *Сахаров А. Б.* Обстоятельства, исключают уголовную ответственность / А. Б. Сахаров // Советское государство и право. – 1987. – № 11.

88. *Сопов Д. В.* Терроризм и другие преступления террористического характера: проблемы разграничения при квалификации / Д. В. Сопов // Вестник МВД России. – 2005. – № 5 (82).

89. *Ткачевский Ю. М.* Оправданный профессиональный и производственный риск как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность / Ю. М. Ткачевский // Вестник МГУ. – 1991. – № 30.

90. *Турецкий Н. Н.* Правомерность причинения вреда при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий / Н. Н. Турецкий // Прокурорская и следственная практика. – 2005. – № 3–4.

91. *Улицкий С.* Практика применения нового закона при совершении убийств / С. Улицкий // Уголовное право. – 2005. – № 3.

92. *Уститова Т.* Терроризм: некоторые вопросы совершенствования уголовного законодательства и практики его применения / Т. Уститова // Уголовное право. – 2005. – № 5.

93. *Хамаганова А. Х.* Специальные виды освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений террористического характера / А. Х. Хамаганова // Адвокат. – 2003. – № 10.

94. *Чистяков А.* Захват заложников и другие деяния... / А. Чистяков // Человек: преступление и наказание. – 1995. – № 4 (9).

95. *Шумилин С. Ф.* Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление / С. Ф. Шумилин // Следователь. – 1998. – № 6.

96. *Шурдумов А.* Обоснованный риск / А. Шурдумов // Уголовное право. – 2002. – № 3.

97. *Ялин А.* Субъект преступления как условие уголовной ответственности / А. Ялин // Российская юстиция. – 2001. – № 2.

98. *Яни П.* Сопряженность не исключает совокупности / П. Яни // Законность. – 2005. – № 2.

Àèññàðààèè è ààòîäàòàäàòî ù àèññàðààèè

1. *Андрушко П. П.* Юридическая природа и значение исполнения приказа и выполнения профессиональных функций в советском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П. П. Андрушко. – Киев, 1987.

2. Антонов В. Ф. Обстоятельства применения института крайней необходимости в деятельности правоохранительных органов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. Ф. Антонов. – М., 2000.
3. Антонова Е. Ю. Юридическое лицо как субъект преступления: опыт зарубежных стран и перспективы применения в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. Ю. Антонова. – Владивосток, 1998.
4. Анциферов К. П. Ответственность за захват заложника (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К. П. Анциферов. – М., 2003.
5. Арчибасова Л. А. Невинное причинение вреда: дис. ... канд. юрид. наук / Л. А. Арчибасова. – Омск, 2005.
6. Балалаева М. В. Обстоятельства, исключаящие преступность действий сотрудников органов внутренних дел, совершаемых в сфере их профессиональной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. В. Балалаева. – Н. Новгород, 2001.
7. Барчуков В. П. Уголовно-правовой институт задержания преступника и практика его применения органами внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. П. Барчуков. – М., 1991.
8. Берестовой А. Н. Обоснованный риск как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Н. Берестовой. – СПб., 1999.
9. Блажнов А. Г. Незаконное лишение свободы: уголовно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук / А. Г. Блажнов. – Омск, 2005.
10. Блинников В. А. Система обстоятельств, исключаящих преступность деяния, в уголовном праве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. А. Блинников. – Н. Новгород, 2002.
11. Веденин Д. В. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Веденин. – Екатеринбург, 1999.
12. Габимова Г. В. Похищение человека: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г. В. Габимова. – М., 2003.
13. Гарбатович Д. С. Квалификация уголовно-правовых деяний по субъективной стороне: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. С. Гарбатович. – Челябинск, 2004.
14. Гринько С. Д. Борьба с терроризмом и захватом заложника: Уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. Д. Гринько. – Ростов н/Д., 1998.
15. Дамбаев Ц. Д. Организация и тактика борьбы с похищениями людей, совершаемыми организованными преступными группами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ц. Д. Дамбаев. – М., 2004.

16. *Екимов С. О.* Правовые и организационные основы деятельности подразделений милиции специального назначения: дис. ... канд. юрид. наук / С. О. Екимов. – Омск, 2004.

17. *Журавлев И. А.* Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с захватом заложников: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. А. Журавлев. – М., 2002.

18. *Клименко А. В.* Уголовно-правовая характеристика похищения человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Клименко. – М., 2004.

19. *Козаев Н. Ш.* Обоснованный риск как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. Ш. Козаев. – М., 2000.

20. *Козлова Н. Н.* Уголовная ответственность за захват заложника: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. Н. Козлова. – М., 1992.

21. *Кондрашова О. В.* Уголовно-правовая оценка причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное посягательство: дис. ... канд. юрид. наук / О. В. Кондрашова. – Тюмень, 2004.

22. *Мартыненко Н. Э.* Похищение человека: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. Э. Мартыненко. – М., 1994.

23. *Осипов В. А.* Захват заложника: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Осипов. – М., 1999.

24. *Павлик М. Ю.* Актуальные проблемы захвата заложника: уголовно-правовой и криминологический аспект: дис. ... канд. юрид. наук / М. Ю. Павлик. – СПб., 1998.

25. *Пархоменко С. В.* Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / С. В. Пархоменко. – Владивосток, 2004.

26. *Потапкин С. Н.* Незаконное лишение свободы по российскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. Н. Потапкин. – Н. Новгород, 2003.

27. *Расщупкина О. Н.* Уголовная ответственность участников организованной группы, совершающих преступления против общественной безопасности: дис. ... канд. юрид. наук / О. Н. Расщупкина. – Омск, 2004.

28. *Салева Н. Н.* Убийство, сопряженное с иными преступлениями: проблемы квалификации и уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук / Н. Н. Салева. – Омск, 2006.

29. *Смоляков П. П.* Правовые и методические основы криминалистических исследований самодельных взрывных устройств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П. П. Смоляков. – Волгоград, 2000.

30. *Сопов Д. В.* Уголовная ответственность за терроризм: проблемы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Сопов. – М., 2004.

31. *Черемнова Н. А.* Уголовная ответственность за вандализм: дис. ... канд. юрид. наук / Н. А. Черемнова. – Омск, 2004.

32. *Щукин В. М.* Организация деятельности группировки сил и средств ОВД по предотвращению и пресечению захвата заложников террористами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. М. Щукин. – М., 2006.

Àððéáí ùá áñéóì áí òú

1. Архив Автозаводского районного суда г. Н. Новгорода за 2002 г. Уголовное дело № 1-1021.
2. Архив Заводского федерального районного суда г. Кемерово за 2000 г. Уголовное дело № 1-889-00.
3. Архив Красноярского краевого суда за 1995 г. Уголовное дело № 1-552.
4. Архив Ленинградского областного суда за 1988 г. Приговор по делу № 2-35.
5. Архив Ленинградского областного суда за 1988 г. Уголовное дело № 2-35.
6. Архив Новокузнецкого городского суда Кемеровской области за 2004 г. Уголовное дело № 2-146/04.
7. Архив областного суда г. Санкт-Петербурга за 1996 г. Уголовное дело № 2-8/96.
8. Архив Омского областного суда за 1999 г. Уголовное дело № 1-112/99.
9. Архив прокуратуры г. Омска за 1993 г. Уголовное дело № 800144.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Уголовно-правовая характеристика захвата заложника	4
§ 1. Объективные и субъективные признаки захвата заложника	4
§ 2. Обстоятельства, отягчающие ответственность за захват заложника	31
§ 3. Отличие захвата заложника от смежных составов преступлений	58
Глава 2. Общая характеристика условий правомерности причинения вреда при освобождении заложников	75
Глава 3. Обоснованность причинения вреда при освобождении заложников	96
§ 1. Возможность причинения вреда в целях освобождения заложников ...	96
§ 2. Обоснованность риска причинения вреда при освобождении заложников	118
§ 3. Совершенствование уголовно-правовой регламентации правомерности причинения вреда при освобождении заложников	133
Заключение	146
Список использованной литературы	150

Хоменко Анатолий Николаевич

Уголовно-правовые аспекты захвата и освобождения заложников

Монография

Редактор *Ю. В. Казаринова*

Компьютерная верстка *А. Ф. Уваровой, Т. С. Евдокимовой*

Подписано в печать 27.10.2010. Формат 60x84 1/16

Печать трафаретная. Бумага офисная

Усл. печ. л. 10,6. Уч.-изд. л. 12,8

Тираж 58 экз. Заказ № 129

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел
Уральского юридического института МВД России

620057, Екатеринбург, ул. Корепина, 66

Копировально-множительное бюро
Уральского юридического института МВД России